

Януш Корчак Король Матиуш Первый

Король Матиуш – I

I

Дело было так.

– Если через три дня королю не станет лучше, можно всего ожидать, – сказал доктор. – Король тяжело болен, и если через три дня состояние его не улучшится, можно всего, всего ожидать, – повторил он.

Все опечалились, а главный министр, нацепив на нос очки, спросил:

– Что значит «можно всего ожидать»?

Доктор ничего более определенного не сказал, но все и так поняли: значит, король умрет. Главный министр переполошился и созвал государственный совет.

Министры собрались в просторном аудиенц-зале и расселись в мягких креслах вокруг большого стола. Перед каждым из них лежал лист бумаги и два карандаша: один – простой, второй – с одного конца красный, с другого синий. А перед главным министром стоял еще колокольчик.

Дверь заперли на ключ, чтобы никто не мешал. Зажгли свет и долго сидели молча. Наконец главный министр позвонил в колокольчик и сказал:

– Давайте посоветуемся, как быть. Король болен и управлять государством не может.

Первым взял слово министр военный:

– Надо позвать доктора. Пусть скажет прямо: вылечит он короля или нет?

Военного министра все боялись: он носил саблю и пистолет. Поэтому ему никто не прекословил.

– Правильно, позвать сюда доктора! – единодушно согласились министры.

Послали за доктором, но он не мог прийти, так как ставил королю двадцать четыре банки.

– Ну что ж, придется подождать, – сказал главный министр. – А пока давайте обсудим, что делать, если король умрет.

– По закону, – заговорил министр юстиции, – престол переходит к его старшему сыну. Потому он и называется наследником престола. Итак, если король умрет, на трон вступит его старший сын и наследник.

– Но у нашего короля один сын.

– Этого вполне достаточно.

– Но Матиуш еще совсем ребенок! Вот так король, даже писать не умеет!

– Закон есть закон, – изрек министр юстиции. – Такие случаи в истории известны. В Испании, Бельгии и некоторых других государствах бывало, что престол занимал малолетний монарх.

– Да, да, – поддакнул министр почт и телеграфа, – я даже марки видел с изображением короля-ребенка.

– Помилуйте, господа, ведь это абсурд! Король, который не умеет ни читать, ни писать, не знает ни географии, ни грамматики!.. – возмутился министр просвещения.

– Я разделяю мнение уважаемого коллеги, – сказал государственный казначей. – Как же он будет проверять счета или отдавать распоряжения, сколько чеканить новых денег, не зная таблицы умножения?

– Это еще полбеды, господа! – вмешался военный министр. – Короля-мальчишку никто слушаться не будет. Разве он справится с генералами и солдатами?

– Дело не только в солдатах, – мрачно сказал обер-полицмейстер, – его вообще никто

не будет бояться. Начнутся беспорядки и бунты. Если Матиуша провозгласят королем, я слагаю с себя всякую ответственность.

– Об этом в законе ничего не сказано. – Министр юстиции побагровел от злости. – Повторяю: по закону после смерти короля престол переходит к его сыну.

– Но ведь Матиуш еще совсем маленький! – хором воскликнули министры.

Атмосфера накалялась; казалось, вот-вот вспыхнет ссора, но тут двери широко распахнулись, и в зал вступил иноземный посол.

Министры оторопели: как чужестранец проник в запертый на ключ зал? Вот чудеса! Однако, как выяснилось потом, ничего таинственного в этом не было. Просто, когда ходили за доктором, забыли запереть дверь. Но по дворцу поползли зловещие слухи об измене: дескать, министр юстиции нарочно приказал оставить дверь открытой, потому что заранее знал о приходе знатного иностранца.

– Добрый вечер! – Посол раскланялся. – Именем моего августейшего повелителя и государя имею честь сообщить: если вы не провозгласите Матиуша королем, мы объявим вам войну.

У канцлера (то есть главного министра) душа ушла в пятки, но он с невозмутимым видом взял лежащий перед ним листок бумаги и написал синим карандашом: «Хорошо, пусть будет война», – и протянул записку иностранному послу.

– Я доложу об этом своему монарху! – важно сказал посол и с поклоном удалился.

Тут в зал вошел доктор, и министры стали его умолять во что бы то ни стало спасти короля. Ведь смерть короля означала теперь войну и бедствия.

– Я уже перепробовал все лекарства, какие знал. Даже банки ставил... Я бессилен помочь королю. Но можно пригласить других докторов.

Как утопающий за соломинку, ухватились министры за этот совет. Любой ценой, но короля надо спасти! Тотчас из королевского гаража в разные концы города помчались автомобили за медицинскими светилами. А проголодавшиеся министры тем временем велели королевскому повару подать им ужин. Они ведь не знали заранее, сколько пробудут во дворце, и потому не пообедали дома.

Дворцовые лакеи расставили на столе серебряные блюда с изысканными кушаньями, бутылки с самыми лучшими винами. Повар из кожи вон лез, стараясь угодить министрам: он боялся, как бы после смерти короля его не прогнали из дворца.

Министры как ни в чем не бывало пьют, едят, оживленно беседуют, а рядом в зале собрались врачи.

– Королю необходимо сделать операцию, – решительно заявил один старый бородач.

– А я думаю, – возразил другой доктор, – больше помогут припарки.

– Порошки – вот единственное средство, которое спасет короля! – изрек знаменитый профессор.

– А может, капли? – робко вставил какой-то безвестный лекарь.

Каждый врач привез с собой толстенную книгу, и в каждой книге по-разному было написано, как лечить такую болезнь.

Время шло. Министры клевали носами. Но хочешь не хочешь, а надо ждать, что скажут доктора.

Переполох, поднявшийся в ту ночь во дворце, разбудил Матиуша, маленького наследника престола.

«Пойду посмотрю, что там за шум», – подумал Матиуш и, соскочив с постели, наскоро оделся и выскользнул в коридор.

Перед дверью столовой он остановился – вовсе не для того, чтобы подслушивать, просто не мог дотянуться до ручки и открыть дверь. И вот что он услышал...

– Вино в королевских подвалах отменное! – раздался громкий голос казначея. – Выпьем-ка, друзья, еще по одной! Матиушу, если он будет королем, вино ни к чему – ведь детям пить не полагается.

– И сигар дети тоже не курят! – закричал министр торговли. – Предлагаю по этому

случаю прихватить немного сигар с собой!

– Вот увидите, господа, если будет война, от этого дворца камня на камне не останется. Смешно думать, будто страну сумеет защитить маленький мальчик.

– За здоровье нашего защитника, его величества короля Матиуша Первого! – послышались пьяные крики и хохот.

Спросонья Матиуш не мог сообразить, о чем это они толкуют. Он знал, что из-за болезни отца министры часто теперь совещаются во дворце. Но почему они над ним, над Матиушем, смеются? Почему называют его королем? И о какой войне идет речь?

Полусонный, испуганный Матиуш побрел дальше по коридору и услышал из-за другой двери:

– А я утверждаю: король непременно умрет. Никакие порошки и микстуры ему не помогут.

– Голову даю на отсечение: король не протянет больше недели.

Мальчик не дослушал. Опрометью бросился он бежать по коридору, пересек два просторных покоя и, запыхавшись, влетел в королевскую опочивальню.

Король-отец, очень бледный, лежал на кровати и часто-часто дышал. Возле него сидел добрый старый доктор, который лечил и Матиуша, когда тот болел.

– Папочка! Папочка! – заливаясь слезами, закричал Матиуш. – Я не хочу, чтобы ты умирал!

Король приоткрыл глаза и устремил скорбный взгляд на сына.

– Я тоже не хочу умирать, – прошептал он. – Не хочу оставлять тебя одного на белом свете.

Доктор взял Матиуша на колени. Они просидели так довольно долго, не проронив ни слова.

И в памяти Матиуша всплыла такая картина: он сидит на коленях у отца, а на кровати лежит мама – бледная как полотно и часто-часто дышит. «Значит, папа тоже умрет», – подумал Матиуш.

У мальчика сердце сжалось от горя. И одновременно вспыхнули гнев и обида на министров: как они смеют смеяться над ним и над его умирающим отцом!

«Я им покажу, когда стану королем!» – пронеслось у него в голове.

II

Похороны устроили очень пышные. Фонари были обернуты черным крепом, звонили во все колокола, оркестр играл траурный марш. По улицам двигались пушки, маршировали солдаты. Благоухали цветы, за большие деньги выписанные из жарких стран. Народ оплакивал кончину любимого монарха. Газеты сообщали о тяжелой утрате, постигшей страну.

Пригорюнившись, сидел Матиуш в детской. Предстоящая коронация его ничуть не радовала: ведь у него умер отец и он теперь круглый сирота.

Мальчик вспомнил маму – это она выбрала ему такое имя: Матиуш. Мама несколько не кичилась своим королевским саном. Она играла с ним, строила дома из кубиков, рассказывала дивные сказки, они смотрели вместе книжки с картинками. С отцом Матиуш виделся реже – у него, как у всех королей, было дел по горло: то военные парады, то визиты иностранных королей, то сам он ездил за границу, а потом – бесконечные совещания, заседания, советы.

Но и отец, бывало, выкраивал для сына свободную минуту. Играл с ним в кегли, а то сядет верхом на лошадь, Матиуша на пони посадит, и они отправляются кататься по длинным аллеям дворцового парка. А теперь что? Неотступно, как тень, следует за ним повсюду гувернер-иностранец с такой кислой физиономией, будто только что выпил стакан уксуса. Да и вообще, разве быть королем так уж приятно? Пожалуй, нет. Вот если бы война, тогда другое дело, сражаться можно. А так...

Грустно сидеть одному в комнате, грустно смотреть, как за дворцовой оградой резвятся на свободе дети.

Ребят было семеро, и чаще всего играли они в войну. Верховодил веселый коренастый паренек, которого звали Фелеком. Он водил их в атаку, муштровал.

Сколько раз подмывало Матиуша окликнуть его и поболтать с ним хоть через решетку. Но подобает ли так поступать королю, он не знал. А потом, с чего начать разговор, что сказать ему?

По городу расклеили огромные афиши, которые гласили, что Матиуш вступил на трон и приветствует своих подданных, что министры остаются прежние и будут помогать малолетнему королю управлять государством.

В витринах магазинов выставили фотографии Матиуша: Матиуш верхом на пони, Матиуш в матроске, Матиуш в военном мундире, Матиуш на параде. Показывали Матиуша и в кино. Страницы иллюстрированных журналов в стране и за рубежом тоже пестрели изображениями Матиуша.

Его все любили. Взрослые жалели его, потому что он сирота. Мальчишкам льстило, что все слушаются их сверстника: даже генералы стоят перед ним навытяжку, а солдаты делают на караул. Девчонки, те по уши влюбились в миловидного маленького короля, снятого верхом на пони. Но больше всего любили его приютские дети.

Еще при жизни королевы в приюты по большим праздникам посылались гостинцы. После ее смерти король приказал сохранить этот обычай. И теперь без ведома Матиуша дети продолжали получать к праздникам сладости и игрушки. Лишь много позже Матиуш понял: если в бюджете есть соответствующая статья, можно сделать людям много добра. А вот если нет такой статьи, пиши пропало.

Примерно через полгода после вступления Матиуша на трон популярность его, благодаря одному случаю, возросла еще больше. Имя его было на устах у всех горожан. Всем пришлось по душе поступок юного монарха.

А случилось вот что.

Матиуш долго приставал к старому доктору, чтобы тот разрешил ему гулять по городу. «Хоть раз в неделю отпускайте меня в городской сад, где играют обыкновенные дети. В королевском парке очень хорошо, но даже в самом расчудесном месте одному неинтересно и скучно», – убеждал его Матиуш.

Наконец доктор сдался и обратился к гофмейстеру с просьбой разрешить Матиушу три прогулки по городу с промежутком в две недели. Гофмейстер обратился в главное дворцовое управление, главное дворцовое управление ходатайствовало перед регентом созвать совет министров и изложить им просьбу короля.

Чудно, скажете вы, что королю так трудно выбраться на самую обыкновенную прогулку. Однако... дело оказалось еще сложнее. Гофмейстер согласился поддержать просьбу Матиуша только из благодарности к доктору, который недавно вылечил его, когда он отравился рыбой. Но это еще не все: главное дворцовое управление взялось за это в надежде получить деньги на постройку новой конюшни, которых оно давно и тщетно добивалось. Новая же конюшня была мечтой королевского регента. А обер-полицмейстер дал согласие назло государственному казначею. Ведь за каждую королевскую прогулку полиции выдавали из казны по три тысячи дукатов, а санитарному управлению города – бочку одеколона и тысячу дукатов золотом.

Перед каждой королевской прогулкой двести рабочих и сто уборщиц подметали и наводили в саду порядок: красили скамейки, опрыскивали аллеи одеколоном, с деревьев и кустов вытирали пыль. За чистотой следил целый отряд врачей: всем известно, как вредны для здоровья грязь и пыль. А полиция следила, чтобы в сад не прошмыгнули хулиганы, имеющие обыкновение швырять камни, толкаться, драться и орать.

Матиуш был счастлив. В просто одетом мальчике никто не узнавал короля. И потом, кому могло прийти в голову, что король, как простой смертный, гуляет в обыкновенном саду. Обойдя два раза сад, Матиуш присел отдохнуть на площадке, где играли дети. Только

он сел, как к нему подбегает девочка и говорит:

– Мальчик, хочешь играть с нами? – и, не дожидаясь ответа, взяла Матиуша за руку и повела в круг.

Они пели песенки, водили хоровод. В перерыве между играми девочка разговаривалась с Матиушем.

– У тебя есть сестра?

– Нет.

– А кем работает твой папа?

– Мой папа умер. Он работал королем.

Девочка, конечно, подумала, что Матиуш шутит.

– Будь мой папа королем, я бы его попросила купить мне куклу до потолка, – засмеявшись, сказала она.

Из разговора выяснилось, что отец Иренки (так звали девочку) – начальник пожарной команды. И она очень любила пожарников, потому что они катали ее на лошадях.

Матиуш с удовольствием побыл бы еще немножко в саду, но гулять было разрешено до четырех часов двадцати минут сорока трех секунд.

С нетерпением ждал Матиуш следующей прогулки, но в тот день, как назло, моросил дождь и, опасаясь за здоровье короля, его оставили дома. Наконец долгожданный день настал, и с Матиушем произошел такой случай.

Когда он, как в прошлый раз, играл с девочками в классики, вдруг подходят мальчики, и один из них говорит:

– Смотрите, мальчишка, а с девчонками играет!

Все засмеялись. А Матиуш огляделся по сторонам и видит: действительно, ни один мальчик не играет в классики.

– Пойдем лучше играть с нами, – предложил один мальчик.

Матиуш пристально посмотрел на него и – о чудо! – узнал Фелека, того самого мальчика, с которым давно мечтал познакомиться.

Фелек оглядел Матиуша с головы до ног и от удивления даже закричал:

– Гляньте, да он вылитый король Матиуш!

Мальчишки вытаращили глаза. Матиушу стало не по себе, и он бросился бежать к своему адъютанту, который тоже гулял в обыкновенном костюме. И то ли от спешки, то ли от смущения Матиуш растянулся на земле и ободрал коленку.

Когда это стало известно, министры постановили: «Запретить королю гулять в городском саду. Воля короля для нас – закон, но позволять его величеству гулять в обыкновенном саду, где к нему пристают и смеются над ним невоспитанные дети, нельзя. Это унижает королевское достоинство».

Узнав об этом, Матиуш очень огорчился и долго перебирал в памяти мельчайшие подробности этих двух прогулок. Как весело играть с обыкновенными детьми в обыкновенном саду! И он вспомнил о желании Иренки иметь куклу до потолка. С тех пор мысль о том, как осуществить ее мечту, не давала ему покоя.

«Как же так? Ведь я – король, значит, все должны меня слушаться, а выходит наоборот: я всех слушаюсь, – рассуждал Матиуш сам с собой. – Между мной и другими детьми никакой разницы нет. Как все дети, я читаю и пишу. Мою уши и шею, чищу зубы. И таблица умножения, которую я учу, ничуть не легче той, которую учат другие дети. Какая же выгода быть королем?»

Матиуш взбунтовался и во время аудиенции твердым голосом потребовал у главного министра, чтобы Иренке купили куклу, самую большую, какая есть на свете.

– Ваше величество, сообразовалите выслушать, – начал главный министр.

Но Матиуш заранее знал, что этот несносный человек начнет сейчас плести паутину непонятных слов. Он запутается в ней, как муха, и из затеи с куклой ничего не выйдет. К счастью, Матиуш вспомнил: однажды канцлер вот так же начал что-то плести отцу, а тот топнул ногой и сказал:

«Такова моя королевская воля!»

И по примеру отца Матиуш тоже топнул ногой и решительно заявил:

– Такова моя королевская воля!

Главный министр оторопело взглянул на Матиуша, записал что-то в блокноте и пробормотал:

– Желание вашего величества будет изложено министрам.

О чем говорили министры на заседании, неизвестно. Оно проходило при закрытых дверях. Однако в результате вынесли решение: куклу купить. Министр торговли как угорелый два дня носился по магазинам в поисках куклы до потолка. Но ни в одном магазине такой куклы не оказалось. Тогда министр созвал всех фабрикантов. И один фабрикант взялся за большие деньги изготовить куклу за четыре недели. Когда кукла была готова, он выставил ее в витрине своего магазина, снабдив такой надписью: «Поставщик двора его королевского величества изготовил эту куклу для Иренки, дочери начальника пожарной команды».

На другой день в газетах появились фотографии Иренки, куклы и пожарных, которые тушат пожар. Распространились слухи, будто король Матиуш очень любит смотреть на пожары. Кто-то даже написал в газету, что готов поджечь свой дом, лишь бы доставить королю удовольствие. А девочки засыпали Матиуша просьбами подарить им такие же куклы. Канцлер пришел в ярость и строго-настрого запретил статс-секретарю показывать Матиушу эти письма.

Три дня перед магазином толпился народ: всем хотелось поглазеть на королевский подарок, а на четвертый обер-полицмейстер приказал убрать куклу с витрины, так как она мешает уличному движению.

Но в городе еще долго толковали про диковинную куклу, которую король Матиуш подарил Иренке.

Матиуш вставал в семь часов утра, умывался, одевался, сам чистил ботинки и убирал постель. Такой порядок завел при дворе его прадед, отважный Павел Завоеватель. Потом Матиуш выпивал ложку рыбьего жира и садился завтракать. На завтрак отводилось шестнадцать минут тридцать пять секунд. Так постановил великий дед Матиуша, добрый Юлиуш Благодетель. После завтрака Матиуш принимал министров в тронном зале – холодном и нетопленном. Прабабушка Матиуша, Анна Праведная, еще будучи ребенком, однажды так сильно угорела, что ее еле-еле спасли. И вот в назидание потомству записали в королевской хронике:

«Отныне и впредь в течение пятисот лет в тронном зале не делать печей».

Восседает Матиуш на высоком троне и от холода щелкает зубами, а министры по очереди докладывают, что происходит в государстве. Известия, как правило, малоутешительные, поэтому слушать скучно и неприятно.

Министр иностранных дел сообщал, кто хочет с ними жить в мире, а кто – воевать, но говорил он так заумно и путано, что Матиуш ровным счетом ничего не понимал.

Военный министр перечислял, сколько крепостей обветшало, сколько вышло пушек из строя, сколько больных солдат.

Министр железных дорог доказывал, почему необходимо купить новые паровозы.

Министр просвещения жаловался: дети плохо учатся, опаздывают в школу; мальчики тайком курят, вырывают страницы из тетрадок, дерутся, бьют стекла, швыряются камнями, а девочки дуются и ссорятся.

Государственный казначей сердито заявлял: королевская сокровищница пуста и не на что покупать новые паровозы и новые пушки.

После этого Матиуш час гулял в парке. Но что за радость гулять в одиночку? И он с удовольствием возвращался во дворец и принимался за уроки. Учился Матиуш хорошо. Он понимал: невежде трудно быть королем. И он быстро научился подписывать свое имя с

замысловатой закорючкой. Кроме того, он еще занимался французским и другими иностранными языками на случай, если придется ехать в гости к чужеземным королям.

Матиуш учился бы еще лучше, если б можно было спрашивать обо всем, что приходит в голову. Например, он долго размышлял, как бы изобрести увеличительное стекло, которое воспламеняет порох на расстоянии. Изобрести и объявить всем королям войну, а накануне генерального сражения взорвать неприятельские пороховые склады. И победа обеспечена. Ведь ни у кого не осталось бы и крупницы пороха. И он стал бы самым могущественным королем на земле. Но когда он поделился своими мыслями с учителем, тот пожал плечами с кислой миной и ничего не ответил.

В другой раз он спросил, почему сыну от отца не передаются ум и знания? Стефан Мудрый, отец Матиуша, был очень умный. Королевскую власть Матиуш от него унаследовал, а вот учиться приходится с азов, и еще неизвестно, будет ли он знать столько, сколько отец. А как бы здорово получить в наследство заодно с короной и тронном от прадеда Павла Завоевателя мужество, доброту от Юлиуша Благодетельного, от отца – ум и знания.

Но на этот вопрос он тоже не получил ответа.

Мечтал Матиуш и о шапке-невидимке. Надел шапку-невидимку и иди куда хочешь: никто тебя не увидит. Лег бы в постель, сказав, что голова болит, днем бы выспался, а ночью отправился бродить по городу, витрины смотреть, в театр сходил бы.

Папа с мамой однажды взяли его с собой в театр на премьеру. Но он был тогда совсем маленьким и ничего не понял. Помнит только, что было очень интересно.

Будь у него шапка-невидимка, выбежал бы он за дворцовые ворота к ребятам, познакомился с Фелеком. И во дворце заглянул во все закоулки. На кухне посмотрел бы, как разные кушанья готовят, в конюшню к лошадям прокрался и всюду, куда его не пускают.

«Странно! – скажете вы. – Почему королю запрещают такие пустяки?» Дело в том, что короли обязаны строго соблюдать этикет. Этикет – это правила поведения, принятые при дворе, которые передаются из поколения в поколение. И захоти какой-нибудь король-выскочка сделать что-то по-своему, его перестали бы бояться и уважать. Сказали бы: он уронил королевское достоинство и не уважает своего великого отца, деда, прадеда! Поэтому, если король задумал ввести новшество, он обращается к церемониймейстеру, который следит за соблюдением этикета и точно знает, что можно, а чего нельзя делать королям.

Как известно, Матиушу по этикету отводилось на завтрак шестнадцать минут тридцать пять секунд, потому что так поступал его дед. Тронный зал не отапливался – такова была воля его прабабушки. Но прабабушка давно умерла, и ее не спросишь: можно ли поставить в зале печку?

Из-за любого пустяка, если это касается королевской особы, созывают министров, и они долго совещаются с умным видом. Так было с прогулкой Матиуша. Волокита отбивала всякое желание просить о чем-нибудь.

А Матиуш оказался еще в худшем положении, чем его предки: этикет-то рассчитан на взрослых, а не на детей! Поэтому церемониймейстеру волей-неволей пришлось немного отступить от строгого, чопорного этикета. Так, вместо сладкого вина Матиушу давали две ложки противного рыбьего жира, а вместо газет приносили книжки с картинками.

Конечно, знай Матиуш столько, сколько отец, или имей он шапку-невидимку, тогда еще бы стоило быть королем. А так что? Уж лучше бы родился обыкновенным мальчиком, ходил себе в школу, вырывал страницы из тетрадок да камнями кидался. «Хорошо бы поскорей научиться писать и послать Фелеку письмо. Фелек ответит, и получится, будто мы разговариваем», – подумал Матиуш.

И с тех пор он стал особенно прилежно переписывать из книжки стишки и рассказы. Он бы даже гулять не ходил, если бы позволили. Но опять мешал этот проклятый этикет: из тронного зала полагалось идти в парк. Двадцать лакеев стояли наготове, чтобы распахнуть перед юным королем дверь в сад. Откажись Матиуш в один прекрасный день от прогулки, двадцать лакеев остались бы без дела.

«Тоже мне работа – дверь открывать!» – скажет несведущий человек. И вот, чтобы

никто не подумал, будто у дворцовых лакеев райская жизнь, придется рассказать, что... по утрам они принимают холодную ванну, потом придворный парикмахер причесывает их, бреет, подстригает усы и бороды. Потом они тщательно чистят свою одежду, чтобы ни пылинки, ни пушинки не пристало. Триста лет тому назад, в царствование Генриха Свирепого, какая-то безмозглая блоха возьми да прыгни с ливреи своего хозяина на королевский жезл. Неряхе лакею отрубили голову, а гофмейстер лишь чудом избежал казни. И с той поры дворецкий в одиннадцать часов семь минут проверял, чистые ли у лакеев уши, шея, руки, а в тринадцать часов семнадцать минут являлся церемониймейстер. За незастегнутую пуговицу полагалось шесть лет тюрьмы, за небрежную прическу – четыре года каторжных работ, за неловкий поклон – два месяца заключения на хлебе и воде.

«Странный народ эти взрослые. Лучше не связываться с ними, – твердо понял Матиуш. – А то еще откапывают в истории какого-нибудь королишку-домоседа, который нос на улицу не высовывал, и заставят меня брать с него пример. Тогда все пропало! И никакого письма Фелек не получит.»

Матиуш был способный, но главное – не способности, а сильная воля и упорство.

«Через месяц напишу Фелеку первое письмо», – решил он про себя. И, несмотря на разные помехи, ровно через месяц письмо было готово.

Дорогой Фелек.

Я уже давно смотрю, как вы играете во дворе. Мне очень хочется поиграть с вами. Но мне не позволяют, потому что я король. Ты мне очень нравишься. Напиши, кто ты, я хочу с тобой дружить. Если твой отец военный, может, тебе разрешат приходить иногда в королевский парк.

Король Матиуш.

Тревожно билось у Матиуша сердце, когда он подзвал Фелека и просунул через решетку письмо.

Еще сильнее сердце у него забилося, когда на другой день он тем же путем получил ответ.

Король,

Мой отец сержант королевской гвардии. Мне очень хочется погулять в королевском парке. Король, я предан тебе душой и телом и готов защищать тебя до последней капли крови. Если тебе понадобится моя помощь, только свистни, и я явлюсь по первому твоему зову.

Фелек.

Матиуш спрятал письмо на дно ящика, под книги, и стал учиться свистеть. Главное, все сохранить в тайне, а пока придумать, что предпринять. Если открыто попросить, чтобы Фелеку разрешили приходить в королевский парк, сразу начнутся расспросы: зачем, для чего, откуда Матиуш знает, как его зовут, где они познакомились? А если продолжать встречаться тайно... Брр, даже страшно подумать, что будет, если их накроют. Как ни кинь – все клин! Будь отец Фелека хотя бы поручиком, а то сержант! Офицерскому сыну, может, разрешили бы играть с королем, а так – никакой надежды!

«Надо подождать, – решил Матиуш, – а пока научусь-ка я свистеть».

Если ты никогда не видел, как это делается, научиться свистеть совсем не просто. Но у Матиуша, как известно, была сильная воля, и ему это удалось.

И вот однажды он свистнул просто так, для пробы. И каково же было его изумление, когда через минуту словно из-под земли вырос Фелек.

– Как ты сюда попал?

– Перелез через забор, – ответил мальчик, стоя перед королем навтыжку.

Король со своим новым другом юркнули в густой малинник, росший вдоль ограды, чтобы без помех решить, как им быть дальше.

III

– Знаешь, Фелек, какой я несчастный! С тех пор как я научился писать, мне приносят на подпись разные бумаги, и это называется у них управлять государством. На самом деле не я распоряжаюсь, а мной все командуют. Велят делать множество скучных, ненужных вещей, а все интересное делают сами.

– Кто же эти мерзавцы, которые смеют командовать вашей милостью?

– Министры. Когда был жив отец, я слушался его...

– Тогда ты был его высочеством, наследным принцем, а отец твой – его величеством королем, а теперь...

– Теперь мне совсем худо. Ведь министров много, а я один!

– Они военные или штатские?

– Военный министр один.

– А остальные штатские?

– Что такое «штатские»?

– Ну, которые сабель и мундиров не носят.

– Значит, штатские.

Запихнув в рот пригоршню малины, Фелек глубоко задумался. А потом неожиданно спросил, есть ли в королевском саду вишни.

Матиуша несколько озадачил этот вопрос, но Фелек уже успел завоевать его расположение, и он сказал, что есть вишни и груши, и обещал передать Фелеку через забор, сколько он захочет.

– Ну, ладно, часто нам видеться нельзя, а то попадемся. Будем делать вид, что мы незнакомы. А письма кладите, ваше величество, под забор. И про вишни не забудьте! Положите письмо, ваше величество, свистните, и я его возьму.

– А когда у тебя будет готов ответ, ты мне свистни, – обрадовался Матиуш.

– Короля свистом вызывать не годится, – возразил Фелек. – Я кукушкой буду кричать. Встану подальше от забора и – «ку-ку, ку-ку!».

– Хорошо, – согласился Матиуш. – Когда мы опять увидимся?

Фелек долго соображал что-то и наконец проговорил:

– Без разрешения мне сюда нельзя приходить. Мой отец за версту человека разглядит, недаром он в королевской гвардии служит. А он строго-настрого запретил мне даже близко подходить к забору. «Фелек, – сказал он, – не вздумай вишни воровать в королевском саду, не то шкуру с тебя спущу».

Матиуш оторопел.

Вот тебе на! С таким трудом найти друга – и чтобы по твоей вине с него шкуру содрали! Нет, это слишком большой риск.

– Как же ты вернешься домой? – забеспокоился Матиуш.

– Вы уходите, ваша милость, а я уж что-нибудь придумаю.

Признав его совет разумным, Матиуш вылез из зарослей. И как раз вовремя: гувернер-иностранец, обеспокоенный его исчезновением, так и зыркал по сторонам.

Высокая дворцовая ограда не мешала дружбе мальчиков. Но Матиуш часто вздыхал на осмотрах у доктора, который каждую неделю измерял его рост и взвешивал, чтобы знать, скоро ли король подрастет. Матиуш жаловался на одиночество и однажды сказал военному министру, что хотел бы обучаться военному делу.

– Может, у вас есть на примете знакомый сержант, который давал бы мне уроки?

– Желание вашего величества овладеть военным ремеслом весьма похвально. Но почему вы хотите, чтобы это был непременно сержант?

– Не обязательно сержант, пусть сын сержанта.

Военный министр наморщил лоб и с важным видом записал что-то в блокнот.

Матиуш вздохнул безнадежно: он заранее знал ответ министра.

– Желание вашего величества будет обсуждено на ближайшем заседании совета министров.

«Ничего путного из этого не выйдет: пришлют старого генерала», – подумал Матиуш.

Однако на этот раз дело неожиданно приняло иной оборот.

На ближайшем заседании на повестке дня стоял один вопрос – война. Три государства объявили войну Матиушу.

Прошел день, второй, а Матиуш ничего не знал. О войне сообщил ему Фелек. Обычно, положив письмо, Фелек раза три кричал: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку», в этот день его «ку-ку» повторялось раз сто. И Матиуш догадался: значит, письмо очень важное. Но насколько важное, он, конечно, не подозревал. Их государство давно не воевало. Стефан Мудрый, его отец, умел жить в мире с соседями, и, хотя большой дружбы ни с кем не водил, до войны дело не доходило, а ему объявить войну никто бы не отважился.

Три государства объявили вашему величеству войну, – писал Фелек. – Мой отец давно сулился выпить на радостях при первом известии о войне. Я жду когда он напьется, потому что нам необходимо увидеться.

Все понятно: соседи захотели воспользоваться неопытностью короля. И Матиуш решил доказать им, что они просчитались: он хоть и маленький, сумеет защитить свою страну не хуже большого.

Война!

У Матиуша кровь взыграла – недаром он был правнуком отважного Павла Завоевателя!

Вот когда бы пригодились увеличительное стекло, воспламеняющее на расстоянии пороха, и шапка-невидимка!

Матиуш ждал, когда его пригласят на чрезвычайное заседание и он, как монарх, возьмет бразды правления в свои руки. Но заседание состоялось ночью, и Матиуша не позвали.

А утром, как всегда, явился на урок гувернер-иностранец.

Матиуш знал: по придворному этикету королю неприлично капризничать, упрямиться и злиться, особенно в такой ответственный момент, как сейчас. Поэтому он только грозно нахмурил брови и, взглянув на себя в зеркало во время урока, подумал «Я похож на Генриха Свирепого!»

С нетерпением ждал Матиуш того часа, когда министры обычно являлись к нему с докладом. Вообразите его возмущение, когда церемониймейстер объявил, что сегодня аудиенция отменяется.

– Я требую, чтобы военный министр немедленно явился в тронный зал! – побледнев от гнева, твердо сказал он.

Слово «военный» Матиуш произнес таким тоном, что церемониймейстер насторожился: похоже, юному королю все известно.

– Военный министр на заседании.

– Тогда я сам пойду к нему, – заявил Матиуш и направился в аудиенц-зал.

– Ваше величество, извольте подождать минутку, – чуть не плача, взмолился старик. – Сжальтесь надо мной! Я головой отвечаю за порядок во дворце. У меня будут крупные неприятности.

Матиушу стало жаль старика. Ведь никто не знал лучше него, что можно делать королю, а чего нельзя. Часто долгими зимними вечерами, сидя у камина, Матиуш затаив дыхание слушал рассказы старика о короле-отце, королеве-матери, о балах и театральных представлениях, парадах и маневрах.

Кроме того, Матиуша мучили угрызения совести. Тайная переписка с сыном сержанта, ворованные вишни и малина – все это не давало ему покоя. «Конечно, – рассуждал он, – сад принадлежит мне, и ягоды я рвал не для себя, а для других. Но делать это украдкой, исподтишка – нехорошо. Вдруг я обесчестил этим поступком своих великих предков?»

Слезы старика тронули Матиуша. И доброта чуть его не погубила: он уже готов был пойти на попятный. Но вовремя опомнился и, сделав над собой усилие, нахмурился и холодно сказал:

– Так и быть, даю вам десять минут.

Церемониймейстер опрометью выбежал вон. Во дворце поднялся переполох.

– Откуда Матиуш узнал о войне? – недоумевал министр юстиции.

– Чего этот сопляк всюду сует свой нос! – возмущенно воскликнул канцлер.

– Господин канцлер, не забывайтесь, – одернул его министр юстиции. – Закон запрещает на официальных заседаниях отзываться столь неуважительно о королевской особе. В частной беседе можете говорить что угодно, но сейчас вы – официальное лицо. О чем вы думаете, никого не касается, но вслух говорить об этом вы не имеете права.

– Но совещание было прервано, – оправдывался насмерть перепуганный канцлер.

– Тогда следовало объявить перерыв, а вы этого не сделали.

– Простите, я забыл.

Военный министр посмотрел на часы.

– Господа, его величество король дал нам десять минут на размышления. Четыре минуты уже прошло. Давайте не терять время на ссоры. Как старый солдат, я привык подчиняться приказам.

Канцлер трусил недаром. Ведь это он написал синим карандашом:

«Хорошо, пусть будет война».

Быть храбрым на словах ничего не стоит, а вот расхлебывать кашу, которую заварил, не так-то просто. Что ответить, если король спросит, зачем он так написал?

После смерти Стефана Мудрого все министры были против вступления Матиуша на престол. Однако теперь они втайне радовались, что канцлер попал впросак. Так ему и надо! Пусть не важничает и не распоряжается в государстве, как у себя дома.

Судьба самого государства никого не интересовала. Все были озабочены лишь тем, как бы свалить вину на другого за то, что от короля утаили такое важное известие.

– Господа, осталась одна минута, – вставая, промолвил военный министр.

Он застегнул верхнюю пуговицу, поправил ордена на груди, покрутил ус, взял револьвер со стола и минуту спустя навытяжку стоял перед королем.

– Значит, война? – тихо спросил Матиуш.

– Так точно, ваше величество.

У Матиуша словно гора с плеч свалилась. Он тоже волновался: «А вдруг Фелек напугал? Вдруг это неправда? Или просто шутка?»

Но короткое «так точно» не оставляло места для сомнений. Война, и притом серьезная. Они хотели от него это скрыть, но Матиуш сам обо всем узнал. А как – это тайна.

– Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис! – спустя час кричали на перекрестках мальчишки-газетчики.

Это значит – министры поссорились.

IV

Причина правительственного кризиса заключалась в следующем. Канцлер оскорбился и заявил, что слагает с себя полномочия, то есть отказывается быть главным министром.

Министр железных дорог сказал: для перевозки войска не хватит паровозов. Министр просвещения сказал: все учителя уйдут на войну, и мальчишки совсем от рук отобьются – будут стекла бить, ломать парты. Поэтому он тоже больше не хочет быть министром.

На четыре часа назначили чрезвычайное заседание совета министров.

Воспользовавшись переполохом, Матиуш выскользнул в парк и два раза пронзительно свистнул. Но Фелек не появился.

Необходимо с кем-то посоветоваться. На нем лежит огромная ответственность. «Что делать? Как быть?» – ломал он себе голову и, не находя ответа, в отчаянии расплакался.

Вконец измученный, Матиуш прилег на траву, положил голову на березовый пенек и заснул.

И приснился ему сон. Будто на троне сидит отец, а перед ним навтыжку стоят все министры. Вдруг в тронном зале пробили часы, которые испортились, кажется, лет четыреста назад, и в зал торжественно вступил церемониймейстер, а за ним четыре лакея с золотой короной. Отец позвал к себе Матиуша и протянул ему корону с такими словами: «Передаю тебе свою корону и свой ум, потому что корона без разума – кусок золота, который может принести большой вред людям». Сказал и положил Матиушу руку на плечо.

Тут Матиуш проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо, говоря:

– Ваше величество, скоро четыре часа.

Матиуш поднялся с земли, на которой так сладко спал, и – странное дело! – отчаяния и растерянности как не бывало. Он не подозревал, что не одну ночь проведет еще на голой земле, под открытым небом и надолго расстанется с роскошным королевским ложем.

Сон сбылся: Матиуш возложил на голову корону, но подал ее не отец, а церемониймейстер. Ровно в четыре часа Матиуш позвонил в колокольчик и произнес:

– Господа, объявляю заседание открытым!

– Прошу слова, – сказал канцлер.

Он произнес длинную, нудную речь, которая сводилась к тому, что ему весьма прискорбно покидать юного короля в столь тяжелых обстоятельствах, но он болен и поэтому уходит в отставку.

Примерно то же самое повторили за ним четыре министра.

Матиуш несколько не растерялся и спокойно, но твердо сказал:

– Господа, причины у вас бесспорно уважительные. Но на время войны придется забыть о болезнях и усталости. Вы, господин канцлер, в курсе всех дел и уйти сейчас в отставку никак не можете. Вот выиграем войну – тогда поговорим.

– Но в газетах уже сообщили о моей отставке.

– А теперь сообщат, что по моей просьбе вы остаетесь на своем посту.

«По моему приказанию», – чуть не вырвалось у Матиуша, но, видно, отцовский разум подсказал ему вместо слова «приказ» слово «просьба».

– Господа, наш священный долг – защищать родину.

– Значит, ваше королевское величество собирается воевать одновременно с тремя государствами? – спросил военный министр.

– А вы думали, внук Павла Завоевателя запросит пощады?

Министры не ожидали услышать такой ответ. А главное, канцлер был польщен, что сам король просит его не уходить в отставку. Он немного поломался для вида, но в конце концов согласился.

Когда совещание кончилось – а продолжалось оно очень долго, – мальчишки-газетчики опять разбежались по городу.

– Экстренный выпуск последних известий! Правительственный кризис ликвидирован! – кричали они.

Это значило – министры помирились.

Матиуш был разочарован: на заседании ни словом не обмолвились о том, что он, Матиуш, обратится к народу с воззванием, а потом на белом коне поскачет во главе отважной армии на войну.

Вместо этого они толковали о каких-то пустяках: о железных дорогах, деньгах, сухарях, о сапогах для солдат, о сене, овсе, говядине да свинине, будто речь шла не о грядущих битвах, а о чем-то совсем будничном.

Матиуш много слышал о минувших сражениях, а о современной войне понятия не имел. Но скоро ему самому предстояло убедиться, какая связь существует между сухарями,

сапогами и войной.

Разочарование и беспокойство Матиуша возросли еще больше, когда на другой день в обычный час явился на урок гувернер.

Но не прошло и пол-урока, как Матиуша позвали в тронный зал.

– Послы тех государств, которые объявили нам войну, уезжают.

– Куда?

– На родину.

«Чудно, представители вражеских держав преспокойно уезжают домой, как будто ничего не случилось! – недоумевал Матиуш. – Но, пожалуй, даже лучше расстаться с ними по-хорошему.»

– А зачем они явились?

– Попрощаться с вашим королевским величеством.

– А какой у меня должен быть вид – оскорбленный или разгневанный? – тихо спросил он у церемониймейстера, чтобы не расслышали лакеи, а то они перестали бы его уважать.

– Нет, будьте любезны и приветливы. Впрочем, не беспокойтесь, они сами знают, как вести себя в подобных случаях, – вывел его из затруднения церемониймейстер.

Двери широко распахнулись, и в зал величественно вступили чужеземные послы. «Без стражи, без наручников и кандалов», – с удивлением отметил про себя Матиуш.

– Прощайте, ваше королевское величество! Очень прискорбно, что дело дошло до войны. Мы, со своей стороны, приложили все усилия, чтобы избежать этого. Но, увы, наши старания не увенчались успехом. С сожалением возвращаем ордена – нам не пристало носить ордена враждебной державы.

Церемониймейстер взял у послов ордена.

– Соблаговолите, ваше величество, принять выражение искренней благодарности за гостеприимство, оказанное нам в вашей замечательной столице. У нас сохранятся о ней самые отрадные воспоминания. Мы не сомневаемся, что в ближайшее же время досадное недоразумение будет ликвидировано, и наши страны по-прежнему заживут в мире и согласии.

Матиуш встал и с достоинством промолвил:

– Передайте вашим королям: я рад войне и постараюсь поскорее разбить вас, а условия мира предъявлю необременительные. Так всегда поступали мои великие предки.

Послы низко поклонились. Один незаметно усмехнулся.

– Аудиенция окончена! – объявил церемониймейстер, трижды ударив серебряной булавой об пол.

Напечатанное во всех газетах обращение Матиуша к послам вызвало у населения восторг. Перед дворцом собралась огромная толпа. Восторженные крики «ура» сотрясали воздух.

Напрасно Матиуш прождал три дня. Ничего не изменилось. «Король во время войны зубрит грамматику, пишет диктанты и решает задачи – на что это похоже!» – возмущался он.

Огорченный, сбитый с толку, слонялся он по саду, как вдруг услышал знакомое «ку-ку».

И в следующее мгновение уже держал в руках долгожданное письмо от Фелека.

Я еду на фронт. Отец сдержал обещание только наполовину: напился, но спать не лег, а стал собираться в дорогу. Не найдя фляжки, перочинного ножа и патронташа, он решил, что это я украл, и всыпал мне по первое число. Сегодня или завтра ночью я удеру из дома. Я был на вокзале. Солдаты обещали взять меня с собой. Если у вашего королевского величества есть какие-нибудь поручения, буду ждать в семь часов. Очень пригодились бы колбаса на дорогу, желательно копченая, бутылка водки и табак.

Неприятно украдкой, как воришка, удирать из дома, особенно если ты не простой мальчик, а король. Еще неприятней потихоньку прокрадываться в столовую, залезать в

буфет и впопыхах хватать первое, что попадет под руку: бутылку коньяка, банку икры и большой кусок лососины.

«Ничего не поделаешь, война есть война, – утешал себя Матиуш. – На войне свои законы.»

Матиуш был печален, а Фелек так и сиял от счастья.

– Коньяк даже лучше водки, – говорил он. – А что табака нет – тоже не беда.

Фелек, оказывается, засушил листья, а на фронте ему, как и всем солдатам, выдадут табак. Все хорошо. Жалко только, что главнокомандующий – растяпа.

– Растяпа? А кто назначен главнокомандующим?

Кровь ударила Матиушу в голову. Опять министры обманули его! Оказывается, войска уже неделю как выступили в поход, было даже два сражения – не очень удачных для наших. А во главе войска поставили старого генерала, которого отец Фелека, когда изрядно выпил, назвал растяпой и олухом. Ах вот как! Министры воображают, что они свозят Матиуша разок-другой на фронт, и вдобавок в безопасное место, как на экскурсию. Он будет прилежно зубрить грамматику и решать задачки, а народ за него – кровь проливать! А когда привезут в столицу раненых, ему милостиво разрешат навестить их. И во главе похоронной процессии, если убьют генерала, тоже пойдет Матиуш, – это ему можно.

«Значит, народ будет защищать меня, а не я его?»

А королевское достоинство? А честь? Что подумает о нем Иренка? Покупать девчонкам кукол до потолка ему можно, а идти на войну нельзя. Нет, господа министры, вы глубоко ошибаетесь, Матиуш не таков!

Матиуш схватил Фелека за плечо, когда тот запихивал в рот пятую пригоршню малины.

– Фелек!

– Слушаюсь, ваше королевское величество!

– Хочешь быть моим другом?

– Так точно, ваше королевское величество!

– Фелек, я сообщу тебе тайну. Только смотри не проболтайся.

– Есть, ваше величество, не проболтаться!

– Сегодня ночью я вместе с тобой убегу на фронт.

– Есть, ваше величество!

– Давай поцелуемся!

– Есть поцеловаться!

– Говори мне «ты».

– Есть говорить вашему величеству «ты»!

– С этой минуты я больше не король. погоди, какое бы придумать себе имя? Ага! Томек Пальчик. Тебя зовут Фелек, а меня – Томек.

– Есть! – сказал Фелек, чуть не подавившись большим куском лососины.

Они условились: сегодня в два часа ночи Матиуш будет ждать Фелека у дворцовой ограды.

– Послушай, Томек, на двоих провизии нужно вдвое больше.

– Ладно, – буркнул Матиуш недовольно. Ему показалось, что в такой ответственный момент думать о еде недостойно.

Гувернер брезгливо поморщился, заметив на щеке Матиуша красное пятно – след перепачканных малиной Фелековых губ, но ничего не сказал: в королевском дворце тоже ощущалось веяние войны.

Скандал! Из королевского буфета пропала вчера только откупоренная бутылка коньяка, колбаса высшего сорта и половина лосося. Эти лакомства предназначались для гувернера – такое условие он поставил покойному королю, когда нанимался учить наследника престола. И вот сегодня, впервые за все время, он будет лишен этого! Как ни старался повар, сделать ничего не удалось. Еще бы! Нужно ведь писать прошение, на нем главный управитель дворцового хозяйства должен поставить печать, потом ключарь подписать, и только тогда

главный хранитель королевских подвалов выдаст новую бутылку коньяка. А если кто-нибудь заартачится и не подпишет прошения до окончания следствия по делу о пропаже, тогда прощай любезный коньяк на месяц, а то и больше.

Обозленный гувернер налил Матиушу рюмку рыбьего жира и на пять секунд раньше, чем полагалось по этикету, отослал спать.

V

– Томек, ты?

– Я. Это ты, Фелек?

– Ага! Темно, черт возьми! На часовых бы не наскочить!

Матиуш не без труда влез на дерево, а с дерева – на забор, а с забора прыгнул на землю.

– Король, а неловкий, как девчонка! – проворчал себе под нос Фелек, когда Матиуш плюхнулся на землю и издали послышался окрик часового:

– Стой! Кто идет?

– Не отвечай! – прошипел Фелек.

Падая с забора, Матиуш ободрал кожу на руке: первое ранение на этой войне.

Пригибаясь к земле, перебежали они через дорогу, скатились в ров и под носом у часовых проползли до тополевой аллеи, которая вела к казармам. Казарму обогнули справа. Ориентиром им служила электрическая лампочка, горевшая над гауптвахтой. Потом миновали мостик и вышли на шоссе, которое привело их прямехонько на вокзал.

Там взору представилась картина, воскресившая в памяти Матиуша рассказы о минувших войнах. Всюду, насколько хватал глаз, – костры, у огня солдаты беседуют или спят, в котелках кипит вода.

Матиуша нисколько не удивила легкость, с какой Фелек среди этой неразберихи вел его кратчайшим путем к своему отряду. Он думал, все мальчишки-некороли такие. Но Матиуш ошибался, Фелек превосходил даже самых ловких и находчивых.

Суতোлка, толчая, каждый час прибывают новые и новые отряды, которые передвигаются туда-сюда: одни к железнодорожным путям, другие ищут удобного места для ночлега. Заблудиться ничего не стоит. Фелек несколько раз останавливался в нерешительности. С тех пор как он был здесь днем, многое изменилось. Тут вот стояли пушки, а сейчас их увезли на фронт. На месте пушек расположился полевой госпиталь. Саперы подались ближе к железнодорожному полотну, а там, где стояли они, суетились телеграфисты. Часть луговины, где расположились лагерем войска, заливал яркий свет прожекторов, другая тонула во мраке. Как назло, стал накрапывать дождь, трава была вытоптана, и ноги вязли в липкой грязи.

Матиуш устал, ему хотелось передохнуть, но он боялся отстать от Фелека, а тот не шел, а бежал, расталкивая встречных.

– Кажется, здесь, – прищурясь, сказал Фелек. Вдруг взгляд его упал на Матиуша. – А где твоё пальто?

– Висит в королевском гардеробе.

– И рюкзак не взял? Ну, знаешь, так отправляются на войну только растяпы, – вырвалось у Фелека.

– Или герои, – ответил Матиуш с достоинством.

Фелек прикусил язык: как-никак Матиуш – король. Но Фелек был страшно зол: и дождь некстати пошел, и знакомые солдаты, обещавшие спрятать его в вагоне, куда-то подавались, и еще этот Матиуш, который даже не знает, что надо брать в дорогу. У него, Фелека, хоть он и получил нахлобучку от отца, и фляга есть, и перочинный нож, и ремень – все, что полагается иметь настоящему солдату. А Матиуш – вот ужас-то! – в лакированных туфлях, на шее зеленый галстук. Криво повязанный в спешке, грязный, как тряпка, этот злополучный галстук придавал его внешности нечто комическое, и если бы не тревожные

мысли, Фелек наверняка бы расхохотался.

– Фелек! Фелек! – позвал вдруг кто-то.

И к ним подошел рослый парень, видно, тоже доброволец, но в шинели он выглядел как заправский солдат.

– Я жду тебя здесь. Наши уже на вокзале, через час посадка. Скорей!

«Еще скорей», – ужаснулся Матиуш.

– А это что за франт? – спросил верзила, указывая на Матиуша.

– Долгая история! Потом расскажу. Пришлось с собой взять.

– Хорошенькое дело! Кабы не я, и тебя бы не взяли, а ты еще этого щенка приволок.

– Заткнись! – рассердился Фелек. – Он мне бутылку коньяка дал, – прибавил он шепотом, чтобы Матиуш не расслышал.

– Дашь глотнуть?

– Посмотрим.

Три добровольца долго шли молча. Старший злился на Фелека за своеволие. Фелек понимал, что влип в глупейшую историю, и ему было не по себе. А Матиуш чувствовал себя смертельно оскорбленным и, если бы не обещание молчать, показал бы этому бродяге, как короли отвечают на оскорбление.

– Слушай, Фелек. – Провожатый вдруг остановился. – Если ты сейчас же не отдашь мне коньяк, иди один. Я за тебя замолвил словечко, и ты обещал слушаться. Что будет дальше, если ты с самого начала задаешься.

Вспыхнула ссора, и дело неминуемо кончилось бы дракой, но тут взорвался ящик с ракетами. Видно, по неосторожности слишком близко поднесли огонь. Две артиллерийские лошади испугались и понесли. Началась паника, воздух прорезал чей-то пронзительный вопль. Когда суматоха немного улеглась, мальчики увидели своего провожатого в луже крови с перебитой ногой.

Они остоленели. Что война – это смерть, раны, кровь, они знали, но им казалось, это где-то далеко, на поле боя.

– Что за беспорядок, почему здесь дети? – ворчал какой-то человек – наверно, врач, – отпихивая их в сторону. – Ну, так я и знал: доброволец. Сидел бы ты, сопляк, дома да соску сосал, – бормотал врач, разрезая ножницами штанину.

– Томек, ходу! – шепнул Фелек, заметив вдали двух жандармов, сопровождавших санитаров с носилками.

– А его оставим одного? – робко спросил Матиуш.

– Ну и что? Его отправят в госпиталь. Он теперь не солдат.

Они притаились за палаткой. Через минуту на месте происшествия никого не было – валялся только башмак, забытая санитарями шинель раненого, да алела смешанная с грязью кровь.

– Шинель пригодится, – сказал Фелек. – Отдам, когда выздоровеет, – прибавил он в свое оправдание. – Скорей на вокзал! И так сколько времени потеряли!

Когда они с трудом протиснулись на перрон, в роте шла переключка.

– Не расходиться! – уходя, приказал молодой поручик.

Фелек рассказал солдатам про случай с парнем и не без внутреннего трепета представил им Матиуша.

– Поручик на первой же станции вышвырнет его из вагона. Когда мы ему о тебе сказали, он недовольно поморщился.

– Эй, вояка, сколько тебе лет?

– Десять.

– Дело дрянь! Хочешь, лезь под лавку. Только поручик все равно тебя вышвырнет, и нам из-за тебя попадет.

– Пусть только попробует вышвырнуть, сам пешком пойдет! – негодуя крикнул Матиуш.

Его душили слезы. Он, король, который должен был, осыпавый цветами, на белом

коне во главе войска покинуть столицу, чтобы исполнить свой священный долг – встать на защиту родины и народа, вместо этого, как преступник, тайком удирает из дворца и еще вдобавок терпит оскорбления.

Коньяк и лососина смягчили сердца солдат, и лица их прояснились.

– Коньяк прямо королевский! А лососина так и тает во рту! – нахваливали солдаты.

Не без злорадства наблюдал Матиуш, как коньяк иностранного гувернера с бульканьем льется в солдатские глотки.

– Глотни и ты, малыш! Посмотрим, годишься ли ты в солдаты.

Наконец-то Матиуш отведал королевский напиток!

– Долой учителей! – провозгласил он, вспомнив, как гувернер поил его рыбьим жиром.

– Э, да он бунтовщик! – отозвался молодой капрал. – Кого это ты мучителем называешь? Уж не Матиуша ли? Будь осторожен, сынок! За одно такое словечко можно пулю в лоб заработать!

– Король Матиуш не мучитель! – горячо запротестовал Матиуш.

– Он еще мал, а каков будет, когда вырастет, неизвестно.

Матиуш хотел еще что-то сказать, но Фелек ловко перевел разговор на другое:

– Идем мы, значит, а тут как бабахнет! Я думал, с аэроплана бомбу сбросили. А это ящик с ракетами взорвался. Потом с неба разноцветные звезды посыпались...

– На кой черт им ракеты на войне?

– Путь освещать, когда нет прожекторов.

– Рядом тяжелая артиллерия стояла. Лошади испугались – и прямо на нас! Мы с ним отскочили, а тот не успел...

– Рана-то серьезная?

– Крови лужа целая натекла. Его сразу унесли.

– Эх, война, война... – вздохнул кто-то. – Коньяк-то еще остался? И поезда что-то не видать.

Но тут, с шипением выпуская пар, подошел паровоз. Поднялась суматоха, беготня, гомон.

– Отставить посадку! – на бегу кричал поручик.

Но голос его потонул в общем шуме.

Словно мешки, забросили солдаты мальчишек в вагон. Слышался испуганный храп упиравшихся лошадей, ругань, скрежет – не то отцепляли, не то прицепляли вагоны. Наконец поезд тронулся. Вдруг – трах! – раздался треск, и опять вернулись на станцию.

Кто-то вошел в вагон с фонарем, выкрикивая фамилии, проверяя, все ли на месте. Потом солдаты побежали с котелками за похлебкой.

Матиуш видел и слышал все как сквозь сон, у него слипались глаза. И он не заметил, как поезд тронулся. Проснувшись, он услышал мерный перестук колес. Поезд шел полным ходом.

«Едем», – подумал король Матиуш и снова заснул.

VI

В тридцати вагонах ехали солдаты, на двух открытых платформах везли автомобили и пулеметы, а в единственном спальном вагоне разместились офицеры.

Матиуш проснулся с головной болью. Ныла ушибленная нога, спина, болели глаза. Руки были липкие, грязные, и нестерпимо чесалось все тело.

– Вставайте, зайцы, похлебка остынет!

Матиуш, не привыкший к грубой солдатской пище, с трудом проглотил несколько ложек.

– Ешь, брат, что дают! Разносолов не будет, – уговаривал его Фелек, но это не действовало.

– Голова болит.

– Слушай, Томек, не вздумай болеть... – тревожно зашептал товарищ. – На войне болеть не полагается.

Вдруг Фелек стал яростно чесаться.

– Старик был прав, – пробормотал он, – уже грызут, проклятые... А тебя не кусают?

– Кто? – спросил Матиуш.

– «Кто, кто!» Блохи. А может, и похуже что. Старик сказал: на войне страшны не пули, а эти паразиты.

Матиушу пришла на память история злополучного королевского лакея, и он подумал: «Интересно, как выглядят эти насекомые, которые привели в такую неистовую ярость моего великого предка». Но предаваться размышлениям было некогда.

– Ребята, прячьтесь, поручик идет! – раздался вдруг голос капрала.

Их затолкали в угол и прикрыли сверху шинелями.

После проверки обмундирования кое у кого обнаружили лишние вещи. Один солдат, по профессии портной, взялся от нечего делать сшить для наших добровольцев солдатскую форму.

Хуже обстояло дело с сапогами.

– Послушайте, ребята, вы всерьез решили воевать?

– А то как же?

– Пешком придется много топать, вот что. Поэтому после винтовки для солдат главное – сапоги. Пока ноги целы, и горюшка мало, а пятку натер – пропащий ты человек. Крышка тебе. Каюк.

Солдаты лениво переговаривались, а поезд медленно продвигался вперед. По часу и больше простаивал он на станциях. Чтобы пропустить эшелон поважней, их отводили на запасный путь. Случалось, возвращали назад на станцию, которую они только что покинули, а то и останавливали в чистом поле, за несколько километров от жилья.

Иногда солдаты пели песни, в соседнем вагоне кто-то играл на гармошке. На стоянках даже плясали. Для ребят, которым не разрешалось выходить из вагона, время тянулось особенно медленно.

– Не высовывайтесь, поручик идет! – слышалось то и дело.

Матиуш чувствовал себя таким усталым и разбитым, будто по крайней мере в пяти сражениях побывал. Хотелось спать, но мешал зуд; выйти на свежий воздух нельзя, а в вагоне душно.

– Знаете, почему мы так долго стоим? – спросил один солдат, веселый, бойкий парень, который всегда приносил свежие новости.

– Небось мост взорван или пути повреждены.

– Мосты наши охраняют – будь здоров!

– Значит, угля не хватило, не рассчитали, сколько потребуется.

– Может, диверсанты паровоз испортили?

– Вот и нет! Все эшелоны задержаны, потому что королевский поезд должен проследовать.

– А кто же, черт побери, поедет в нем? Уж не Матиуш ли, наш король?

– Только его там не хватало.

– Не нашего ума это дело. Король знает, что делает.

– Теперь короли на войну не ездят.

– Другие не ездят, а Матиуш вполне мог поехать, – вырвалось у Матиуша, хотя Фелек дернул его за рукав.

– Все короли хороши. Может, в старину иначе было...

– Откуда мы знаем, как было в старину? Тоже небось лежали под периной и дрожали, только никто этого не помнит, вот и сочиняют всякие небылицы.

– А зачем им врать?

– Тогда скажи: кого больше погибло на войне – королей или солдат?

– Король один, а солдат много.

– А тебе одного мало? И с ним-то хлопот не оберешься.

Матиуш не верил своим ушам. Значит, это вранье, будто народ, особенно солдаты, души в нем не чают? Еще вчера он полагал, что инкогнито необходимо, не то от избытка добрых чувств ему могут причинить телесные повреждения, а сегодня понял: узнай солдаты, кто он, это не вызвало бы у них никакого восторга.

Чудно: солдаты едут сражаться за короля, которого не любят.

Больше всего Матиуш боялся, как бы не стали ругать его отца. Но нет, его даже похвалили:

– Покойный король не любил войны. Сам в драку не лез и народ не гнал на убой.

У Матиуша отлегло от сердца. Приятно услышать доброе слово об отце.

– Чего королю на войне делать? Поспит на земле и расчихается. И блохи его заедят. А от запаха солдатских шинелей голова разболится. Больно кожа у них нежная и нюх деликатный.

Матиуш во всем любил справедливость, поэтому внутренне с ними согласился. В самом деле, поспал вчера на земле, а сегодня из носа течет, голова болит, и зудит все тело.

– Поехали! – вдруг крикнул кто-то.

Поезд тронулся и стал набирать скорость. И так всегда: скажет кто-нибудь – поезд, мол, простоит долго, а он неожиданно тронется. Солдаты вскакивали на ходу, а некоторые отставали от своего эшелона,

– Наверно, учат нас не зевать, – предположил кто-то.

Подъехали к большой станции. Так и есть: ждут прибытия какой-то важной персоны. На перроне флаги, почетный караул, дамы в белых платьях, двое детишек с огромными букетами.

– Королевским поездом на фронт едет сам военный министр.

Эшелон отвели на запасный путь, и там он простоял всю ночь. Матиуш спал как убитый. Голодный, измученный, опечаленный, мальчик спал без сновидений.

На рассвете приказали мыть и чистить вагоны. Поручик сам за всем присматривал и всюду совал свой нос.

– Надо, ребята, спрятать вас, не, то скандал будет.

И вот на время уборки Матиуша с Фелеком пристроили в убогой будке стрелочника. Жена стрелочника, женщина сердобольная, запричитала-заохала: ей от души было жаль мальчишек. Кроме того, ее разбирало любопытство. «У малых ребят скорей, пожалуй, что-нибудь выведаешь», – думала она.

– Ох, детки, детки!.. Кто же гнал вас на войну? Сидели бы лучше дома да в школу ходили. Откуда вы? Куда едете?

– Добрая хозяйюшка, – хмуро ответил Фелек, – отец наш, сержант, уезжая на войну, сказал на прощание: «У хорошего солдата ноги – чтобы шагать, руки – чтобы винтовку держать, глаза – смотреть, уши – слушать, а язык – чтобы его за зубами держать, пока их ложка с солдатской похлебкой не разожмет. Винтовка в солдатских руках – защита, а болтливый язык – враг, который целый взвод погубить может». Откуда мы едем – военная тайна. Мы ничего не знаем и не скажем.

Стрелочница от удивления рот разинула.

– Скажите на милость, ребенок, а рассуждает, как старик. И правильно делаете, детки. Шпионов нынче как собак нерезаных. Напялит на себя мундир – не отличишь от нашего – и шныряет среди войска. Выспросит все, вынюхает – и айда к своим.

Она преисполнилась к ним таким уважением, что не только чаем напоила, но еще и колбасы дала.

Матиушу завтрак показался особенно вкусным, потому что перед едой ему удалось как следует помыться.

– Королевский поезд! Королевский поезд! – послышался крик.

Фелек с Матиушем влезли по приставной лестнице на крышу хлева, чтобы лучше видеть.

– Едет, едет!..

Пассажирский поезд, сверкая большими зеркальными окнами, подошел к перрону. Оркестр заиграл государственный гимн. В окне промелькнуло хорошо знакомое Матиушу лицо военного министра.

На миг их взгляды встретились. Матиуш вздрогнул и быстро отвернулся, испугавшись, как бы министр его не узнал.

Но испуг его был напрасен. Министру, занятому важными государственными делами, было не до мальчишек, которые, стоя на крыше хлева, таращились на королевский поезд, – это во-первых. Во-вторых, когда обнаружилось, что Матиуш исчез, канцлер велел хранить это в строжайшей тайне, и военного министра провожал на вокзал фальшивый Матиуш. Но об этом речь впереди.

А пока вернемся к военному министру. Министр иностранных дел велел ему приготовиться к войне с одним королем, а их оказалось три. Было над чем поломать голову. Легко сказать: «Иди и сражайся!» А как сражаться, когда сразу три государства волну объявили. Разобьешь одного или, допустим, двух, а третий все равно тебя одолеет.

«Солдат, пожалуй, хватит, – рассуждал министр, – а вот винтовок маловато, пушек и одежды тоже недостаточно».

И вот ему пришел в голову гениальный план: напасть внезапно на одного противника, захватить трофеи, а потом ударить на другого.

Почетный караул. Цветы. Музыка. Зрелище не из приятных для короля, стоявшего на крыше хлева.

«Все это по праву должно предназначаться мне», – подумал Матиуш.

Но как мальчик справедливый, он тут же одернул себя:

«Конечно, идти перед строем почетного караула под звуки торжественного марша, отдавать честь, получать букеты – приятно, слов нет. Но можно ли командовать войском, не зная географии?»

Матиуш, разумеется, мог показать на карте некоторые реки, горы, острова, знал, что Земля круглая и вращается вокруг своей оси, но этого, пожалуй, маловато, чтобы командовать армией. Надо знать все крепости, все дороги, каждую тропинку в лесу. Однажды его прапрадед одержал блестящую победу. А дело было так. Прапрадедунка затаился со своим войском в лесу, а ничего не подозревавший неприятель углубился в чащу.

Тогда старый король глухими тропами зашел неприятелю с тыла и разбил его наголову. Враг ожидал нападения с фронта, а на него напали сзади и еще в непроходимые болота загнали.

А он, Матиуш, знает свои леса и болота?

До сих пор не знал, а теперь узнает. Останься он в столице, ничего, кроме королевского парка не увидел бы. А теперь увидит всю свою страну.

Солдаты были правы, когда смеялись над Матиушем. Он в самом деле еще очень маленький и неопытный. Жалко, что война началась сейчас, а не года два спустя.

VII

Теперь вернемся во дворец и посмотрим, что там произошло, когда стало известно об исчезновении короля.

Утром, как всегда, в королевскую опочивальню вошел главный дворецкий и глазам своим не поверил: окно раскрыто настежь, постель раскидана, а Матиуша нет.

Но дворецкий, надо отдать ему должное, не растерялся. Заперев спальню на ключ, он побежал к церемониймейстеру, растолкал его и зашептал на ухо:

– Ваше сиятельство, господин церемониймейстер, король пропал!..

Церемониймейстер втайне от всех позвонил канцлеру.

Десяти минут не прошло, как во дворец с бешеной скоростью примчались три автомобиля:

автомобиль канцлера,
автомобиль министра юстиции,
автомобиль обер-полицмейстера.

Короля похитили. Ясно, как дважды два – четыре. Это, несомненно, происки врага. Им это на руку: солдаты узнают об исчезновении короля, откажутся сражаться, и неприятель займет столицу без боя.

– Кому известно о похищении короля?

– Никому.

– Отлично.

– Необходимо установить, похищен король или убит. Господин обер-полицмейстер, даю вам час на расследование.

В королевском парке есть пруд. Может, короля утопили? Министру морского флота приказали срочно доставить во дворец водолазный костюм. Сам обер-полицмейстер облачился в скафандр, опустился на дно, ходит, ищет. А матросы, стоя на берегу, накачивают насосом воздух, чтобы он не задохнулся. Но Матиуша в пруду не оказалось.

Во дворец вызвали старого доктора и министра торговли. Все делалось в величайшей тайне.

Но слуги почуяли что-то неладное: недаром министры с раннего утра носятся как угорелые.

И вот, чтобы положить конец кривотолкам, во дворце объявили: король Матиуш заболел, и доктор прописал ему раковый суп. Потому, дескать, обер-полицмейстер и нырял в пруд.

Гувернеру сказали, что ввиду болезни Матиуша уроки временно отменяются.

Присутствие доктора убедило всех, что это правда.

– Ну хорошо, допустим, мы выиграли время до вечера, – сказал министр юстиции. – А дальше что?

– Я главный министр, и голова у меня на плечах не для украшения.

Прибыл министр торговли.

– Господин министр, помните ту куклу, которую король Матиуш велел сделать для этой девчонки?

– Еще бы! Министр финансов до сих пор мне этого простить не может. Транжиром меня обозвал.

– Так вот, немедленно поезжайте к фабриканту детских игрушек. К завтрашнему утру, если ему жизнь дорога, должна быть готова кукла, как две капли воды похожая на короля. Не забудьте захватить с собой фотографию Матиуша.

Обер-полицмейстер для отвода глаз вытащил из пруда с десятков раков. Их тотчас со всевозможными церемониями отослали на кухню. А доктора заставили под диктовку написать такой рецепт:

Rp. Раковый суп.

Ex ¹ 10 раков dosis una. ²

D.S. Через два часа по столовой ложке.

Когда поставщику двора его королевского величества доложили, что его ждет в кабинете министр торговли, он просиял от удовольствия: «Наверно, опять взбрело что-нибудь в голову королю».

А заказ ему нужен был до зарезу, потому что отцы и дядюшки ушли на войну и

¹ Из (лат.) .

² Одна доза (лат.) .

подарков детям никто не покупал.

– Господин фабрикант, заказ срочный. Кукла должна быть готова к завтрашнему дню.

– Вы ставите меня в очень затруднительное положение. Почти все рабочие мобилизованы, на фабрике остались только женщины да больные. Кроме того, я завален работой: отцы, отправляясь на войну, покупают своим детям игрушки, чтобы они не плакали, не скучали и хорошо себя вели.

Фабрикант врал почему зря. В армию его рабочих не брали: они были худые, как скелеты. Ведь он платил им очень мало. Про заказы он тоже выдумал. Просто набивал себе цену.

А когда узнал, что кукла должна быть похожа на короля, у него даже глаза заблестели.

– Понимаете ли, – запинаясь, объяснял министр, – в нынешнее военное время королю часто нужно показываться на людях, разъезжать в карете по городу, чтобы никто не подумал, будто он боится и сидит взаперти во дворце. Вот мы и решили: зачем мучить ребенка и возить его беспрерывно по городу? Может пойти дождик, он простудится, или еще какая-нибудь беда приключится. А сейчас, вы сами понимаете, надо особенно беречь короля.

Но хитрого фабриканта было не легко провести. Он сразу смекнул, что здесь кроется какая-то тайна.

– Значит, к завтрашнему дню?

– К девяти утра.

Фабрикант взял карандаш и сделал вид, будто подсчитывает, во сколько обойдется ему кукла-король. Из любого фарфора ее не сделаешь, нужен самый высший сорт. Неизвестно, найдется ли столько на фабрике. Да, это будет стоить очень дорого. И рабочим придется заплатить побольше, чтобы держали язык за зубами. А тут, как назло, испортилась машина. Надо за ремонт заплатить. Ну и другие заказы придется отложить. Он считал долго-долго.

– Господин министр, если бы не война... Как патриот, я понимаю, что у государства сейчас огромные расходы на армию и пушки... так вот, если бы не война, я запросил бы вдвое больше. Но, принимая во внимание интересы государства, так и быть, сделаю подешевле, с убытком для себя, однако это цена окончательная, и я ни копейки не уступлю.

И он назвал такую сумму, что министр ахнул:

– Ведь это грабеж!

– Господин министр, вы оскорбляете в моем лице национальную промышленность.

Министр не решился на свой страх и риск истратить столько денег и позвонил канцлеру. Боясь, как бы их разговор не подслушали, он вместо «кукла» сказал «пушка».

– Господин канцлер, пушка обойдется очень дорого.

Канцлер сразу понял, о чем идет речь.

– Не торгуйтесь, – сказал он, – только велите ему, чтобы, когда потянешь за веревочку, она отдавала честь.

«Что за диковина – пушка, отдающая честь?» – удивилась телефонистка.

– Тогда я отказываюсь делать куклу, – заартачился фабрикант. – Это не мое дело. Обращайтесь к королевскому механику или часовщику. Я честный фабрикант, а не шарлатан. Открывать и закрывать глаза – пожалуйста, это можно, но отдавать честь кукла не будет. Это мое последнее слово. И ни копейки меньше не возьму.

Весь взмокший, усталый, голодный, приехал министр торговли домой. Взмокший, усталый, голодный, возвратился и обер-полицмейстер.

«В результате тщательного расследования установлены обстоятельства похищения короля. События развивались следующим образом. На голову спящему королю накинута мешок, вытащили через окно в парк и отнесли в малинник. Там его величество потерял сознание. Чтобы привести его в чувство, ему дали малины и вишен. На земле найдено шесть вишневых косточек. Когда его милость короля Матиуша перетаскивали через ограду, он оказал сопротивление: на коре дерева обнаружены следы голубой королевской крови. Чтобы обмануть погоню, его посадили верхом на корову. Следы коровьих копыт ведут к лесу, там же найден

мешок. На опушке следы обрываются. Ясно, что короля где-то спрятали, а где – неизвестно. Расследование прекращено за недостатком времени. Допросить население не было возможности, так как приказано хранить тайну. Надо установить слежку за гувернером. Он ведет себя подозрительно: спрашивает, можно ли навестить Матиуша. Прилагаю вещественные доказательства: вишневые косточки и мешок.»

Канцлер бережно положил мешок и косточки в сундук, запер сундук на огромный висячий замок, запечатал красным сургучом, а наверху написал по-латыни: *corpus delicti*.³

Так уж повелось на свете: если кто-нибудь чего-нибудь не знает или не хочет, чтобы узнали другие, он пишет по-латыни.

На другой день военный министр явился во дворец с прощальным визитом, а кукла-король сидит на троне – и ни гу-гу, только честь отдает. Объявления на всех перекрестках гласили:

Население столицы может спокойно трудиться – его величество король Матиуш будет ежедневно совершать прогулку по городу в открытом автомобиле.

VIII

План военного министра удался на славу. Неприятельские главнокомандующие – а их было трое – думали, что войска короля Матиуша будут сражаться сразу на три фронта. А военный министр стянул между тем все силы в одно место и, ударив там, разбил неприятеля наголову. Он захватил богатую добычу и раздал винтовки, сапоги, вещевые мешки тем, у кого их не было.

Матиуш прибыл на фронт, как раз когда раздавали трофейное имущество.

– А это что за вояки? – удивился главный интендант.

– Такие же солдаты, как все, только ростом поменьше, – не растерялся Фелек.

Они с Матиушем выбрали себе по паре сапог, по револьверу, по винтовке и вещевому мешку. Фелеку даже обидно стало: напрасно получил взбучку из-за ремня и перочинного ножа! Но разве можно заранее предвидеть, какие неожиданности ждут тебя на войне!

Недаром их главнокомандующего называли недотепой и олухом. Вместо того, чтобы, захватив добычу, отступить и окопаться, он двинулся в глубь вражеской территории, занял, неизвестно зачем, пять или шесть городов и только тогда приказал рыть окопы. Но было уже поздно, на помощь отступающему врагу спешили союзники.

Солдаты ничего не знали. Это была военная тайна. На войне прикажут идти туда-то и туда-то, делать то-то и то-то – значит, иди, делай и не рассуждай.

Неприятельский город очень понравился Матиушу. На ночлег солдаты расположились в больших теплых комнатах. Спать на полу удобней, чем в крестьянских хатах или под открытым небом.

Матиуш с нетерпением ждал первой битвы. Многого повидал и узнал он с тех пор, как убежал из дворца, но в сражении еще не участвовал. Как жалко, что их полк опоздал! На другой день они покинули занятый город и двинулись дальше.

Вдруг приказ:

– Стой! Окапывайся!

Что такое современная война, Матиуш понятия не имел. Он представлял себе войну так: на поле брани сражаются воины, потом победители на конях преследуют побежденных.

³ Вещественные доказательства, улики (*лат*) .

А вот что солдаты роют окопы, устанавливают проволочные заграждения и сидят в этих окопах иногда по целым неделям, этого он не подозревал. Поэтому он не очень охотно взялся за работу. Кроме того, от усталости ломило кости. Сражаться – это королевское дело, а ковырять лопатой землю – занятие не для короля!

А тут приходит приказ за приказом: скорей, скорей! Враг близко.

Вдали слышались глухие пушечные раскаты.

Вдруг, прямо на позиции, прикатил на автомобиле сапер-полковник. Ругается, размахивает кулаками, угрожает расстрелом.

«Завтра бой, – кричит он, – а они тут бездельничают...»

– А эти двое что здесь делают?! – в бешенстве заорал полковник.

Плохо пришлось бы нашим добровольцам, если бы над головами в это время не загудел неприятельский аэроплан.

Полковник глянул в бинокль на небо, заторопился, сел в автомобиль и укатил – только его и видели! А тут – бух-бух-бух – разорвались три бомбы. Обошлось без жертв. Все успели попрятаться в окопы.

Этот случай многому научил Матиуша. Он больше не дулся, не сердился, а взялся за лопату и копал до тех пор, пока не изнемог от усталости. Потом свалился, как колода, на землю и заснул мертвый сном. Солдаты не будили его, а сами всю ночь напролет работали при вспышках ракет. На рассвете неприятель пошел в атаку.

Сначала показались четверо всадников – передовой разъезд, что бы узнать и сообщить своим расположение противника. Из окопов раздались выстрелы. Один всадник замертво свалился с лошади, другие ускакали прочь.

– К бою! – крикнул поручик. – Оставаться в окопах, винтовки на изготовку и ждать приказа.

Вскоре появился неприятель. Началась перестрелка. Но преимущество было на стороне наших: они сидели в окопах и вражеские пули со свистом и жужжанием пролетали над головами, не причиняя вреда. А неприятельские солдаты наступали по открытому месту, и пули так и косили их.

Матиуш понял: на войне приказы надо выполнять точно и быстро. Это штатским позволительно рассуждать, протестовать, а для военных приказ – это закон. Вперед – есть вперед! Назад – есть назад! Копать окопы – есть копать окопы.

Целый день продолжалось сражение. Наконец неприятель понял: так ничего не добьешься, только людей потеряешь. Колочая проволока оказалась непреодолимым препятствием. Поэтому они отступили и сами начали окапываться. Но одно дело рыть окопы спокойно, когда никто не мешает, а другое – под обстрелом.

Ночью перестрелка продолжалась при свете ракет. Выстрелы раздавались не так часто: усталые солдаты чередовались – одни стреляли, другие спали.

– Выстояли, – с гордостью говорили друг другу солдаты.

– Выстояли, – сообщил поручик в штаб по телефону.

К тому времени уже успели провести телефон.

Каково же было их удивление и гнев, когда на другой день был получен приказ отступить.

– Как?! – недоумевали солдаты. – Мы отрыли окопы, остановили врага, готовы сражаться не на жизнь, а на смерть – и вдруг отступить...

«На месте поручика я бы ни за что не подчинился приказу, – подумал Матиуш. – Это явное недоразумение. Пусть полковник приедет и сам убедится, как мы храбро сражаемся. У врага вон сколько убитых, а у нас только один раненный в руку: царапнула неприятельская пуля. Откуда полковник знает, сидя в штабе, как тут обстоят дела.»

И Матиуш чуть не крикнул: «Я – король Матиуш! Запрещаю отступить! Король главнее полковника!»

Только боязнь, что ему не поверят и поднимут на смех, остановила его.

Однако Матиуш еще раз на собственном опыте убедился, как важно на войне в

точности выполнять приказы.

Обидно было покидать с таким трудом вырытые окопы, жалко бросать запасы хлеба, сахара и сала. Горько было идти через деревню и слышать удивленные возгласы крестьян: «Как, вы отступаете?!»

По дороге нагнал их связной на лошади и вручил поручику приказ, в котором говорилось, чтобы они, не останавливаясь, шли как можно скорей.

Легко сказать – как можно скорей, а каково после двух бессонных ночей (одну ночь рыли окопы, вторую – сражались) идти без передышки? К тому же не хватало еды. И в довершение всего солдаты пали духом. Одно дело идти вперед – откуда только силы берутся, летишь как на крыльях. А вот отступить, да еще не по своей воле, всегда тяжело – словно гири к ногам привязаны.

Шли, шли – и вдруг выстрелы с обеих сторон, справа и слева.

– Ясно! – вскричал поручик. – Мы слишком далеко вырвались вперед, враг зашел с тыла и окружил нас. Еще немного, и в плен бы попали.

– Ну и влипли! Теперь придется из окружения выходить, – проворчал бывалый солдат.

Ох как это было тяжело! Теперь в окопах сидели неприятельские солдаты и обстреливали их с двух сторон, а они отступали под вражеским огнем.

IX

Вот когда Матиуш понял, почему министры на заседании столько говорили о сапогах, сухарях и фураже.

Если бы не сухари, они умерли бы с голода. Три дня, кроме сухарей, у них ничего во рту не было. Спали по очереди, два-три часа в сутки. А ноги стерли в кровь, прямо, что называется, до костей.

Бесшумно, как тени, пробирались они лесными тропами. Поручик то и дело вынимал карту, искал овраг или заросли погуще, чтобы спрятаться.

Время от времени в отдалении появлялись неприятельские разведчики, выследят, в каком направлении они отступают, и мчатся с донесением к своим.

Матиуша было не узнать. Худой, как скелет, сторбленный, он казался еще меньше ростом. Многие солдаты побросали винтовки, а он сжимал свою одеревеневшими пальцами.

Столько переживаний за несколько дней!

«Папочка, папочка, как тяжело быть королем, когда на твою страну напал враг! – с горечью думал Матиуш. – Сказать: „Я вас не боюсь и разобью в два счета, как мой прадед Павел Завоеватель“, ничего не стоит. А победить ох как трудно! Какой я был глупый, легкомысленный мальчишка! Мечтал, что поскачу на белом коне на войну, а жители столицы будут усыпать цветами улицы. А сколько погибнет людей, об этом я не думал.»

Неприятельские пули так и косили солдат, а Матиуш уцелел, может, благодаря маленькому росту.

Как они обрадовались, когда прорвались к своим! И окопы там уже отрыты.

«Теперь над нами смеяться будут», – подумал Матиуш.

Но скоро он убедился, что на войне тоже есть справедливость. Когда они наелись досыта и отоспались, их отправили в тыл, за пять километров от фронта, в маленький городишко, а на смену им пришли другие солдаты.

В городе тех, кто не бросил оружие, построили отдельно, и генерал обратился к ним с речью:

– Честь вам и хвала! Настоящие герои познаются во время поражения, а не при звуках фанфар!

– И эти мальцы здесь? – добродушно спросил саперный полковник, заметив в строю Матиуша и Фелека. – Да здравствуют отважные братья Крушигора и Вырвидуб!

С тех пор Фелека звали Крушигора, а Матиуша – Вырвидуб.

– Эй, Крушигора, принеси воды!

– Вырвидуб, подбрось-ка сучьев в костер!

Мальчики стали всеобщими любимцами. На отдыхе до солдат дошла весть о том, что военный министр поссорился с главнокомандующим и помирил их король Матиуш.

Матиушу, конечно, не могло прийти в голову, что по улицам столицы разъезжает автомобиль, в котором сидит кукла-король и отдает честь. Он был еще мал и плохо разбирался в дипломатии.

Отдохнув, они снова вернулись на передний край. Началась так называемая позиционная война; обе воюющие стороны засели в окопах, стреляли друг в друга, но пули пролетали над головами, не причиняя вреда. Когда надоедало сидеть, зарывшись в землю, ходили в атаку. Случалось, километра на два продвигались вперед или отступали назад.

Солдаты совсем освоились в окопах: расхаживали как по коридору, пели, шутили, играли в карты, а Матиуш прилежно учился. Занимался с ним поручик, который изнемогал от скуки. Утром расставит дозорных в секреты, чтобы следили, не идет ли неприятель в атаку, позвонит в штаб, сообщит, что все в порядке, – вот и все дела!

Для поручика занятия с Матиушем были развлечением. А Матиушу очень хотелось учиться. Сидит он в окопе, учит географию, в вышине звенят жаворонки. Время от времени прогремит вдали выстрел – и опять тихо.

Но вдруг будто бешеные псы завоют. Это мелкокалиберные полевые орудия.

А потом – бух! бух! Это большая пушка.

И пошло... Винтовки квакают, как жабы. Свист, вой, грохот – бух, бабах!..

И так полчаса, час. Иногда в окоп попадет снаряд, разорвется, уложит на месте несколько человек, нескольких ранит.

Но остальные не трусят – привыкли.

«Жалко, хороший был товарищ, вечная ему память», – скажут солдаты.

Раненым сделают перевязку, а ночью отправят в полевой госпиталь.

На войне как на войне.

Не миновала пуля и Матиуша. Рана, правда, пустяковая, даже кость не задело. В госпиталь идти не хотелось, но врач настаивал, и пришлось подчиниться.

Впервые за четыре месяца в постели! Какое блаженство! Матрац, подушка, одеяло, белоснежная простыня, полотенце, возле кровати тумбочка, кружка, тарелка, ложка (жалкое подобие той, какой ел он в королевском дворце).

Рана заживала быстро. Сестры и врачи полюбили Матиуша, и все бы хорошо, только вот страх, что его узнают.

– Смотрите, как он похож на короля Матиуша! – заметила как-то раз жена полковника.

– Да, да, мне его лицо тоже показалось знакомым.

Хотели даже послать его фотографию в газету.

– Ни за что! – наотрез отказался Матиуш.

– Глупый, – говорили ему, – король Матиуш увидит в газете фотографию такого маленького солдата и наградит тебя медалью. Или отцу пошлешь фотографию, то-то он обрадуется!

– Нет и нет! – твердил Матиуш.

Надоели ему эти разговоры: он не на шутку боялся, как бы не обнаружилось, кто он.

– Оставьте его в покое. Мальчик прав. Король Матиуш, чего доброго, оскорбится, воспримет это как намек: ты, мол, на автомобиле по городу разъезжаешь, а твои ровесники на войне жизнью рискуют.

«Черт возьми, о каком это Матиуше они толкуют?» Юный король давно махнул рукой на придворные манеры и выражался, как его товарищи-солдаты.

«Хорошо, что я убежал на фронт!» – не в первый раз подумал Матиуш.

Его не хотели выписывать из госпиталя, просили остаться. Говорили, он будет разносить раненым чай, помогать на кухне...

Но Матиуш отказался.

Ни за что на свете! Пусть мнимый король разъезжает по городу, раздает раненым

подарки, принимает участие в торжественных похоронах офицеров, место настоящего короля – в окопах!

И Матиуш вернулся к своим товарищам на передовую.

– А где же Фелек?

Фелеку надоело прозябать в окопах. Парень он был живой, ни секунды не посидит на месте. А тут целыми неделями сиди, скорчившись, даже головы не смей высунуть, не то раздастся выстрел и от поручика достанется.

– Спрячешь ты свою дурацкую башку или нет? – ругается поручик. – Подстрелят вот такого дурака, и потом возись с ним: перевязку делай, в госпиталь вези. И без тебя хлопот хватает.

Отчитал его поручик раз-другой, а потом посадил на гауптвахту на три дня на хлеб и воду.

Послушайте, за что.

Однажды ночью неприятельских солдат отвели на отдых, в тыл, а на их место пришли новые. Окопы расположены были близко; из одного крикнешь – в другом слышно. Началась перебранка между новичками и нашими.

– У вас король – сопляк!

– А ваш – старая галоша!

– Эй вы, голь перекатная! У вас сапоги каши просят!

– А у вас рожи от голода повытянулись! Бурду вместо кофе лакаете!

– Иди попробуй!

– Как волки голодные! Не накормишь вас, когда в плен попадете.

– А вы оборванцы!

– Здорово вы драпанули!

– Зато всыпали вам напоследок по первое число!

– Горе-стрелки! Вам бы в лягушек палить из пушек!

– Сами хороши!

– Мы-то умеем стрелять!

Тут Фелек не выдержал, выскочил из окопа, повернулся к ним задом, задрал шинель и крикнул:

– А ну стреляйте!

Пиф-паф!.. – прогремело четыре выстрела и... мимо.

– Эх вы, стрелки!

Солдаты хохотали до упаду, а поручик рассвирепел и посадил Фелека под арест в глубокую яму, обшитую досками.

Откуда доски? – спросите вы. Солдаты разбирали разрушенные избы и обшивали досками стены в окопах, делали настил на земле, навесы для защиты от дождя.

Фелек просидел в яме всего два дня. Поручик его простил. Но Фелек не забыл обиды.

– Не хочу больше служить в пехоте!

– А куда же ты пойдешь?

– На аэропланах буду летать!

В государстве Матиуша не хватало бензина. А чем тяжелее груз, тем больше расходуется горючего. Поэтому был отдан приказ: в летчики брать самых тощих солдат.

– Иди и ты, колбасник! – подшучивали солдаты над одним толстяком.

Шутки шутками, а Фелека решили отправить в авиацию. Двенадцатилетний мальчик – это настоящая находка! Разве найдешь легче? Пилот будет управлять самолетом, а Фелек бомбы сбрасывать.

Матиуш не знал, радоваться или огорчаться, что Фелека нет.

Фелек был единственным человеком, посвященным в его тайну. И хотя Матиуш сам просил называть себя Томеком, ему было неприятно, когда Фелек обращался с ним, как с ровней, а то и вовсе свысока. Фелек был старше. Он пил водку, курил, а когда угощали Матиуша, то неизменно говорил:

– Не давайте ему, он маленький!

Матиуша не соблазняли ни водка, ни курево, но он предпочитал отвечать за себя сам и в адвокате не нуждался.

А когда ночью предстояло идти в разведку, Фелек подстраивал всегда так, что брали его, а не Матиуша.

– Не берите Томека! Какая от него польза? – говорил он.

Разведка – дело опасное и трудное. Подползают на животе к позициям врага, перерезают ножницами колючую проволоку и захватывают «языка». Иногда часами лежишь не шелохнувшись, одно неосторожное движение – и небо освещается ракетами, а по смельчакам открывают пальбу. Солдаты жалели Матиуша – он был маленький и слабый – и чаще брали с собой Фелека. А Матиушу было обидно.

Теперь Матиуш стал незаменим в отряде. То патроны отнесет дозорным, то пролезет под колючей проволокой и подползет к неприятельским окопам, а два раза даже во вражеский стан пробирался.

Переодели Матиуша пастушонком. Он подлез под колючую проволоку, прошел версты две, сел перед разрушенной хатой и притворился, будто плачет.

Мимо шел солдат, увидел его и спрашивает:

– Ты чего плачешь, мальчик?

– Как же мне не плакать? – отвечает Матиуш. – Дом наш сожгли, мама куда-то пропала...

Матиуша отвели в штаб, напоили горячим кофе... И ему стало не по себе: его накормили, куртку старую дали, потому что он дрожал от холода (для отвода глаз свои нарочно надели на него всякую рвань), а он обманет их, предаст. За добро отплатит злом.

И Матиуш про себя решил ничего своим не говорить. Пусть считают его дурачком и не посылают больше в разведку. «Не хочу быть шпионом», – подумал Матиуш.

Но тут его вызвали к офицеру.

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил офицер.

– Томек.

– Слушай внимательно, Томек, что я тебе скажу. Ты можешь оставаться в отряде, пока не вернется твоя мама. Тебе выдадут обмундирование, котелок, деньги, еду будешь получать из полковой кухни. Но за это ты должен пробраться к врагам и разведать, где у них пороховой склад.

– А что это такое? – Матиуш прикинулся простачком.

Его повели в пороховой склад, где хранились снаряды, бомбы, гранаты, порох, патроны.

– Понял теперь?

– Понял.

– Так узнай, где находится у них такой склад, возвращайся и расскажи нам.

– Хорошо, – согласился Матиуш.

Офицер на радостях подарил Матиушу плитку шоколада.

«Ах вот вы какие! – Матиуша перестали мучить угрызения совести. – Лучше быть шпионом у своих, чем у врага.»

Его вывели на дорогу и дали несколько залпов в воздух, чтобы сбить противника с толку.

Довольный, возвращался Матиуш к своим. То на животе ползет, то на четвереньках и жует шоколад.

Вдруг – бах, бах!.. Это свои открыли по нему огонь. Солдаты заметили – кто-то крадется, а кто, не знают.

– Выпустить три ракеты! – приказал поручик, взял бинокль и, направив его в ту сторону, даже побледнел от страха.

– Прекратить огонь! Это Вырвидуб возвращается с задания.

Без помех вернулся Матиуш к своим, рассказал, что и как. Поручик немедленно

позвонил артиллеристам, приказал прямой наводкой бить по пороховому складу. Артиллеристы двенадцать раз промазали, а на тринадцатый попали прямо в цель. Раздался грохот, пламя полыхнуло до неба, все заволокло дымом – даже дышать стало нечем.

В неприятельских окопах поднялась паника. А поручик взял Матиуша на руки, подбросил вверх и три раза прокричал:

– Молодец, Томек! Молодец! Молодец!

Все хорошо, что хорошо кончается. С той поры в роте еще больше полюбили Матиуша. Солдатам в награду выдали бочку водки, и они три дня и три ночи спали спокойно, у противника не осталось ни одного снаряда. Поручик даже разрешил вылезти из окопов – поразмяться. Враги злились, но сделать ничего не могли.

Снова потянулись однообразные военные будни. Днем занятия с поручиком, наряды, дежурство, перестрелка. А когда затяжные осенние дожди размывали земляные укрепления, Матиуш выходил с лопатой на работу.

«Странно, я мечтал изобрести увеличительное стекло, чтобы взорвать на расстоянии неприятельский пороховой склад. И мечта сбылась, хоть и не совсем так, как я думал.»

Миновала осень. Наступила зима.

Выпал снег. Солдатам раздали теплое обмундирование. Кругом стало тихо и белым-бело.

X

В это время Матиуш усвоил еще одну важную истину. Солдаты не могут вечно сидеть в окопах, иначе война никогда не кончится.

Пока на фронте было затишье, в столице кипела работа: в главном штабе разрабатывали план наступления. План заключался в следующем: собрать все силы в кулак, внезапно ударить по врагу и прорвать линию фронта. Противнику волей-неволей придется отступить, потому что в прорыв устремятся войска, зайдут с тыла и начнется бой не на жизнь, а на смерть.

Поручику присвоили зимой звание капитана. Матиуша наградили медалью. Как он обрадовался! Их отряд дважды отмечали в приказе по армии за отличное выполнение боевых заданий.

Как-то к ним в окопы явился важный генерал и зачитал приказ:

– «От имени его величества короля Матиуша Первого выношу роте благодарность за уничтожение вражеского порохового склада и за отвагу, проявленную в боях за родину. Возлагаю на роту почетное и тайное задание: с наступлением тепла прорвать линию фронта.»

Это было большой честью.

Начались тайные приготовления. Подвезли снаряды, пушки. За передовой стояла наготове конница.

Солдаты поглядывают на солнышко. Ждут не дождутся теплых дней. Так и рвутся в бой!

Капитан придумал такую хитрость: чтобы ввести в заблуждение врага, будто у них мало сил, послать в атаку сначала только половину роты. Пусть постреляют для вида и возвращаются в окопы. А на другой день выступит вся рота и опрокинет легковерного противника.

Сказано – сделано.

Полроты пошло в атаку. Перед атакой капитан приказал артиллеристам открыть огонь по проволочным заграждениям, чтобы прорвать их и облегчить путь пехоте.

– Вперед! – скомандовал капитан.

Ох, до чего хорошо вырваться из затхлых, сырых окопов, мчаться во весь дух и кричать: «Ура! Вперед!» Враги увидели – прямо на них с винтовками наперевес бегут солдаты, и до того испугались, что даже не стреляли. Наши уже добежали до разорванной

снарядами колючей проволоки, но тут послышалась команда к отступлению.

Матиуш с еще несколькими солдатами забежал слишком далеко, не услышал команды и попал в плен.

– Ага, трусили! Бежали как ошалелые, орали, будто невесть сколько их, а нас увидели – давай бог ноги! – в отместку за свою растерянность и страх издевались над пленными неприятельские солдаты.

Опять шел Матиуш в штаб, только не переодетый, как в прошлый раз, а в шинели. Теперь он был военнопленный.

– Ага, попался, голубчик! – узнав его, злобно воскликнул офицер. – Это из-за тебя взорвали зимой наш пороховой склад! Теперь ты так легко не отделаешься... Солдат отвести в лагерь для военнопленных, а мальчишка, как шпион, будет повешен.

– Я солдат! – запротестовал Матиуш. – Вы имеете право меня расстрелять, но не вешать!

– Ишь какой умник выискался! То он Томек, то солдат. Нет, голубчик, теперь-то мы тебя повесим как предателя.

– Права не имеете! – настаивал на своем Матиуш. – Тогда я тоже был солдатом. Перешел фронт по заданию командира и нарочно сел перед разрушенной хатой.

– Ну, довольно болтать! Отвести его под усиленной охраной в тюрьму. Военный суд завтра разберется. Если ты и вправду был солдатом, может, повезет тебе – получишь пулю в лоб, хотя я предпочел бы тебя вздернуть.

На другой день состоялся суд.

– Я обвиняю этого мальчика в том, – сказал на суде офицер, – что он зимой выследил, где находится наш пороховой склад, и донес врагу. Неприятельская артиллерия двенадцать раз промазала, на тринадцатый попала в цель, и склад взлетел на воздух.

– Признаешь ли ты себя виновным? – спросил седой генерал-судья.

– Нет! Все было не так. Этот офицер сам показал мне пороховой склад и велел разузнать, где у нас хранятся порох и снаряды, и донести ему. И в награду дал мне плитку шоколада... Разве я неправду говорю?

Офицер покраснел. Местонахождение пороховых складов – военная тайна, и он никому не имел права выдавать ее.

– Меня послали в разведку, а ваш офицер хотел сделать из меня шпиона.

– Да я не думал... Не знал... Не предполагал... Не сообразил... – оправдывался, заикаясь от волнения, офицер.

– Стыд и позор! – перебил его старый генерал. – Вас обвел вокруг пальца маленький мальчик. Вы поступили плохо и понесете за это заслуженное наказание. Но мальчик тоже виноват, и мы не можем его оправдать. Предоставляю слово адвокату.

– Господа судьи! – начал свою речь защитник. – Подсудимый, который называет себя то Вырвидубом, то Томеком по фамилии Палец, не виновен. Как солдат он обязан был подчиниться приказу командира. Его послали в разведку, и он пошел. Его, как и остальных, надо отправить в лагерь для военнопленных – таково мое мнение.

Генерал обрадовался в душе: ему было жалко мальчика. Но не подал виду: военным не полагается проявлять доброту и сочувствие к неприятельским солдатам.

Он склонился над книгой, где были записаны все военные законы, и стал искать место о военных шпионах.

– Ага, вот оно, нашел, – сказал он наконец. – «Гражданские лица, которые передают врагу сведения за денежное вознаграждение, подлежат повешению, а военные шпионы – расстрелу. В случае, если адвокат не согласен с решением суда, дело передается в высшую инстанцию и приведение приговора в исполнение откладывается.»

– Я с решением суда не согласен, – заявил адвокат, – и требую передачи дела в высшую инстанцию.

Генерал и остальные судьи согласились.

Матиуша снова отвели в тюрьму. Тюрьмой называлась обыкновенная крестьянская

хата. Больших каменных домов с решетками на окнах на фронте нет. Такая «роскошь» бывает только в городах. Под окнами и перед дверью хаты-тюрьмы поставили по двое часовых с винтовками и пистолетами.

Размышляет Матиуш о своей судьбе, но духом не падает, не теряет надежды: «Хотели меня повесить – и не повесили. Может, и пуля меня минет. Столько их над моей головой пролетало, а я – жив».

Он с аппетитом поужинал. Еда была очень вкусная. По существующему обычаю, приговоренных к смерти принято кормить сытно и вкусно. А Матиуша считали обреченным.

Сидит Матиуш у окошка и смотрит, как в небе кружат аэропланы. «Наши или неприятельские?» Не успел он додумать до конца, как рядом с тюрьмой разорвались одновременно три бомбы.

Что было потом, Матиуш не помнил. Бомбы посыпались градом. Одна угодила в хату-тюрьму, и все перевернулось вверх дном. Послышались крики, стоны, грохот... Матиуш почувствовал, как его взяли на руки, но он не мог поднять головы. В ушах стоял нескончаемый шум. Очнулся он на широкой кровати в роскошно обставленной комнате.

XI

– Как вы себя чувствуете, ваше королевское величество? – вытягиваясь в струнку, спросил тот самый старик генерал, который зимой вручал ему медаль.

– Я – Томек Палец, Вырвидуб, рядовой солдат, господин генерал! – вскричал Матиуш, вскакивая с кровати.

– Сейчас мы это проверим, – засмеялся генерал. – Эй, позвать сюда Фелека!

Вошел Фелек в форме пилота.

– Скажи-ка, Фелек, кто это?

– Его величество король Матиуш Первый.

Упорствовать дальше не имело смысла. Для поднятия духа солдат и всего народа необходимо было сообщить, что король Матиуш жив и находится на фронте.

– В состоянии ли ваше величество принять участие в военном совете?

– Да.

На военном совете Матиуш узнал следующее: по городу возили в автомобиле фарфоровую куклу. А во время аудиенции канцлер сажал куклу на трон, незаметно дергал за веревочку, и кукла кивала головой и отдавала честь.

В автомобиль куклу вносили на руках. Король Матиуш, сообщали в газетах, дал обет до тех пор не ступать ногой на землю, пока последний враг не будет изгнан из пределов страны.

Уловка удалась: люди поверили. Хотя казалось немного странным, почему Матиуш и на троне, и в автомобиле всегда сидит в одной и той же позе, никогда не улыбнется, слова не вымолвит, только головой кивает да честь отдает.

И вот по городу поползли зловещие слухи. Весть о таинственном исчезновении Матиуша просочилась сквозь толстые стены дворца.

Во вражеском стане тоже знали кое о чем из донесений шпионов, но особого значения этому до поры до времени не придавали. Была зима, а зимой на фронте обычно затишье.

Но когда стало известно, что войска Матиуша готовятся к наступлению, враги забили тревогу, засуетились и в конце концов вывели тайну.

И вот накануне наступления за большие деньги подкупили какого-то шалопаю, он метнул камень и угодил прямо в куклу-короля.

Голова у фарфоровой куклы разбилась, и только рука продолжала приветственно подниматься. Столица была в смятении: одни впали в отчаяние, другие негодовали, что их

так бессовестно обманули, третьи просто смеялись.

На другой день после вылазки, в результате которой Матиуш попал в плен, над окопами показались вражеские аэропланы, но они сбрасывали не бомбы, а листовки:

«Солдаты! Министры и генералы вас обманывают. Короля Матиуша нет. На троне с первых дней войны сидит фарфоровая кукла. Теперь, когда ее разбили, вы можете сами убедиться в этом! Бросайте оружие! Расходитесь по домам!»

С превеликим трудом уговорили солдат немного подождать. Но ни о каком наступлении не могло быть и речи.

Тогда Фелек без утайки рассказал все как есть.

Генералы обрадовались, позвонили капитану и приказали немедленно доставить Матиуша в штаб. Вообразите их растерянность и ужас, когда они узнали, что Матиуш в плену!

Как быть?

Если сказать возмущенным солдатам, что король Матиуш в плену, они не поверят. Раз обманутые, они ничему больше не будут верить. На чрезвычайном военном совете постановили атаковать врага с воздуха и в суматохе выкрасть Матиуша.

Аэропланы разделили на четыре эскадрильи: одна получила задание бомбардировать лагерь для военнопленных, другая – тюрьму, третья – пороховой склад, четвертая – штаб.

Так и сделали. Сбросили бомбы на дом, где размещался штаб. Офицеры в панике разбежались, и некому стало командовать. Бомбили и место, где, по предположению, находился пороховой склад, но на этот раз получилась осечка: порохового склада там не оказалось. Отряд пехоты под прикрытием авиации ворвался в лагерь для военнопленных, но, как известно, Матиуша там не было. Наконец с трудом разыскали его в тюрьме и без чувств доставили к своим.

– Задание выполнено отлично! Сколько мы потеряли аэропланов?

– Вылетело тридцать четыре, вернулось пятнадцать.

– Сколько времени продолжалась операция?

– Сорок минут с момента вылета до посадки на свои базы.

– Отлично, – сказал Матиуш. – Итак, завтра генеральное сражение.

Офицеры пришли в восторг: «Вот здорово! Солдаты узнают, что король Матиуш жив, он сражался бок о бок с ними как рядовой солдат, а завтра он поведет их в атаку. За такого короля солдаты будут драться, как львы».

Застрекотал телеграф, затрещал телефон: на фронт и в столицу передавали срочные сообщения.

Ночью вышли экстренные выпуски всех газет. В газетах жирным шрифтом были напечатаны два воззвания: к народу и к солдатам.

Возмущенная толпа собралась перед особняком государственного канцлера. Раздавались крики, свист, брань, улюлюканье...

Перепуганные министры, как вороны, слетелись в ту ночь во дворец. Во что бы то ни стало надо выкручиваться и спасти свои шкуры! И в обращении к народу они написали: «Это было продиктовано государственными интересами».

Небывалое воодушевление охватило войска. Солдаты рвались в бой. С нетерпением ждали они наступления утра и беспрерывно спрашивали, который час.

На рассвете началась атака.

Против Матиуша воевали три короля. Одного сразу разбили в пух и прах и взяли в плен. Другого потрпали так, что раньше, чем месяца через три, ему не оправиться: у него захватили почти все пушки и половина солдат попала в плен. Остался третий король. Его войска находились в резерве.

Когда битва кончилась, собрался военный совет. На совет экстренным поездом прибыл из столицы военный министр.

Предстояло решить вопрос: преследовать неприятеля или нет?

– Преследовать! – категорически заявил главнокомандующий. – Уж если с двумя справились, то одного и подавно одолеем.

– Я не согласен! – возразил военный министр.

Началась перебранка.

Все ждали, что скажет Матиуш.

Слов нет, Матиушу очень хотелось преследовать врагов, которые собирались его повесить. И потом, погоня – это значит, на лошадях, а Матиуш за всю войну ни разу еще не ездил верхом. Сколько замечательных историй слышал он о том, как короли сражались и побеждали верхом на конях. А он только на животе ползал да сидел, скорчившись, в окопах... Хоть разок погарцевать бы на коне!

Но Матиуш вспомнил, как в самом начале войны они зашли слишком далеко на территорию врага и чуть из-за этого не проиграли войну. Вспомнил, что солдаты не уважали главнокомандующего, называли его недотепой. Вспомнил и обещание, которое на прощальной аудиенции дал чужеземным послам: победить, но условия мира продиктовать легкие.

Матиуш долго молчал, и все молча ждали.

– Где пленный король? – спросил он наконец.

– Здесь недалеко.

– Привести его сюда.

Ввели пленного короля в оковах.

– Снять оковы! – приказал Матиуш.

Королевский приказ немедленно привели в исполнение. Рослые часовые вплотную придвинулись к пленнику, чтобы он не убежал.

– Победенный король! – сказал Матиуш. – Я по себе знаю, как тяжела неволя. Поэтому я дарую тебе свободу. Забирай остатки своего войска и уходи из моей страны.

Победенного короля отвезли на автомобиле к границе, а дальше он пешком потопал восвояси.

XII

На другой день Матиуш получил ноту, подписанную тремя королями:

Король Матиуш,

**Ты мужественный, мудрый и благородный правитель. Давай забудем
вражду и будем жить в мире. Мы покидаем твою страну и уходим к себе.
Согласен ли ты мириться?**

Матиуш, конечно, был согласен.

Солдаты ликовали. Ликовали их жены, матери и дети. Кое-кто, правда, не испытывал радости; это были мошенники, для которых война – средство обогатиться. Но таких было немного.

На всех станциях по пути в столицу Матиуша встречали с триумфом.

На знакомом полустанке он велел остановить поезд и отправился навестить добрую стрелочницу.

– Пришел к вам кофе пить, – улыбаясь, сказал Матиуш.

Добрая стрелочница не знала, куда посадить дорогого гостя.

– Честь-то, честь какая... – бормотала она, и из глаз у нее катились слезы.

В столице короля возле вокзала ждал автомобиль. Но Матиуш потребовал белого коня.

Церемониймейстер схватился за голову, хотя в глубине души одобрил Матиуша: «Молодец! Королю полагается возвращаться с войны на коне, а не на резиновых шинах».

Матиуш медленно ехал верхом по улице, а изо всех окон высовывались люди, и

особенно много было всюду детей. Они бросали под копыта коню цветы и громко кричали:

– Да здравствует король Матиуш! Да здравствует король Матиуш! Ура, ура!..

Матиуш старался сидеть прямо в седле, но силы у него были на исходе. Атака, плен, освобождение, военный совет, битва, триумфальное возвращение в столицу – все это утомило его. В голове шумело, перед глазами плыли огненные круги.

А тут еще какого-то разиню угораздило подбросить вверх шапку, да так ловко, что она угодила прямо в морду лошади. Пугливый норовистый конь из королевской конюшни шархнулся вбок, и Матиуш, не удержавшись в седле, упал на мостовую.

Его тотчас же подхватили на руки, уложили в карету и галопом помчали во дворец.

Матиуш не расшибся, не потерял сознания, только погрузился в глубокий сон. Он спал, спал, спал до вечера, с вечера до утра, с утра до обеда.

– Жрать давайте, сто тысяч чертей! – гаркнул он, едва продрал глаза.

Лакеи побелели от страха.

Через минуту на кровати, около кровати и под кроватью стояло сто блюд с разными лакомствами.

– Немедленно убрать эти заморские деликатесы! – крикнул Матиуш. – Подать сюда тушеную капусту с колбасой и пиво!

Беда! Катастрофа! Несчастье! В королевском буфете – ни кусочка колбасы. Спасибо, выручил сержант дворцовой стражи.

– Погодите вы у меня, маменькины сынки, слюнтяи, бездельники, неженки, мямли, белоручки, растяпы, вот я возьмусь за вас! – посыпались как из рога изобилия солдатские словечки.

Матиуш уплетал колбасу так, что за ушами трещало, и посмеивался про себя: «Ничего, будут по крайней мере знать, что с войны вернулся настоящий король, которого надо слушаться!»

Он предчувствовал: после победы на войне его ждут не менее серьезные сражения с господами министрами.

Еще на фронте до него дошли слухи, что министр финансов рвет и мечет от ярости:

«Хорош победитель! А контрибуция где? Испокон века ведется, кто проиграл войну, тот платит контрибуцию. Ишь какой благородный! Ну и пусть сам хозяйничает, когда казна пуста. Посмотрим, чем заплатит он фабрикантам за пушки, сапожникам – за сапоги, за овес, горох, крупу – поставщикам. Пока шла война, они терпеливо ждали, а теперь требуют платы. А где взять денег, если в казне ни гроша!»

Вне себя был и министр иностранных дел:

«Где это видано – заключить мир без министра иностранных дел! Пустое место я, что ли? Даже чиновники надо мной смеются!»

А к министру торговли пристал с ножом к горлу фабрикант игрушек: «Плати за фарфоровую куклу – и никаких гвоздей!»

У канцлера совесть была нечиста. Оберполицмейстер боялся, как бы не узнали про его нелепые попытки найти короля.

Матиуш кое-что знал, кое о чем догадывался и решил навести порядок:

«Хватит, повластовали! Пусть повинуются или убираются вон!» Нет, теперь он не станет просить канцлера остаться на своем посту, если тот прикинется больным.

Король облизал сальные губы, сплюнул на ковер и приказал вылить на себя ведро холодной воды.

– Вот это я понимаю, – настоящий солдатский душ! – удовлетворенно сказал он, надел на голову корону и пошел в аудиенц-зал. Там он застал только одного военного министра.

– А остальные где?

– Ваша милость, они не знали, что вы пожелаете заседать.

– Может, они воображают, что я, как до войны, засяду за уроки, с гувернером? А они будут делать, что им заблагорассудится? Не видать им этого, черт возьми, как своих ушей! Чтобы ровно в два часа все были в сборе. Такова моя королевская воля. Когда министры

соберутся, повелеваю вам вызвать во дворец гвардейцев. Офицеру стоять у двери и ждать сигнала: когда я хлопну в ладоши, пусть входит с гвардейцами в зал. Скажу вам прямо, господин военный министр: если они захотят, чтобы все осталось по-старому, как до войны, я велю их арестовать, сто тысяч чертей и бочка пороха им в зубы! Только это тайна.

– Слушаюсь, ваше королевское величество! – Военный министр вытянул руки по швам и щелкнул каблуками.

Матиуш снял с головы корону и побежал в королевский парк. «Как давно я здесь не был!» – подумал он и, вспомнив Фелека, свистнул.

В ответ послышалось: «Ку-ку! Ку-ку!»

– Иди сюда, Фелек, не бойся! Теперь я настоящий король и не обязан ни перед кем отчитываться.

– А что отец скажет?

– Отцу скажешь, что ты королевский фаворит, и он тебя пальцем не посмеет тронуть!

– Кабы, ваше величество, соизволили выдать мне охранную грамоту...

– С удовольствием. Пойдем ко мне в кабинет.

Приглашать Фелека дважды не понадобилось...

– Господин статс-секретарь, прошу издать указ: с сегодняшнего дня Фелек назначается моим фаворитом.

– Ваше величество, осмелюсь доложить, такой должности при дворе никогда не было.

– А теперь будет! Такова моя королевская воля!

– Соблаговолите, ваше величество, подождать до заседания министров. Задержка пустяковая, зато все формальности будут соблюдены.

Матиуш уже готов был согласиться, но Фелек дернул его за рукав.

– Я требую, чтобы бумага была написана немедленно! – вспыхнул король.

Секретарь почесал за ухом и написал две бумаги. В одной говорилось:

Я, король Матиуш Первый, категорически требую, чтобы немедленно был написан и скреплен королевской печатью приказ о назначении Фелека придворным фаворитом. В случае непослушания виновному грозит суровая кара. Довожу сие до сведения статс-секретаря и собственноручной подписью удостоверяю.

Секретарь объяснил Матиушу, что иначе он не решился бы написать вторую бумагу о назначении Фелека придворным фаворитом. Матиуш сделал так, как просил статс-секретарь, и Фелек стал королевским фаворитом.

Матиуш показал Фелеку свои игрушки, книги. Они болтали, вспоминали войну, потом вместе пообедали, а после обеда побежали в парк.

Фелек позвал своих товарищей, и они весело провели время до заседания министров.

– Мне пора, – грустно сказал Матиуш.

– Будь я королем, нипочем не стал бы никого слушаться.

– Ты, Фелек, не понимаешь: мы, короли, не всегда делаем то, что нам хочется.

Фелек пожал плечами, выражая этим свое несогласие, и неохотно побрел домой. Хотя в кармане у него лежал приказ, подписанный самим королем, он чувствовал, что дома встретит его суровый взгляд отца и знакомый окрик: «Поди-ка сюда, бездельник! Ты где пропадал?»

Что следует обычно за этим коварным вопросом, Фелек отлично знал. «Но сегодня – другое дело», – утешил он себя.

ХІІІ

Заседание началось. Министры жаловались и роптали.

«Казна пуста», – сетовал министр финансов. «Купцы во время войны разорились и теперь не платят налогов», – говорил министр торговли. «Вагоны после перевозки грузов на

фронт пришли в негодность, требуется ремонт, а денег нет», – докладывал министр железных дорог. «Пока отцы были на войне, мальчишки совсем распустились, и учителя требуют, чтобы им повысили жалованье и вставили выбитые стекла», – заявил министр просвещения. «Поля не засеяны...» «Товаров мало...» И так целый час – жалобы, нарекания...

Канцлер выпил стакан воды. Это означало, что он собирается произнести длинную речь. Матиуш страшно не любил, когда канцлер пил воду.

– Господа, сегодняшнее наше заседание ни на что не похоже! Люди несведущие могут подумать, будто здесь собрались побежденные. А ведь мы победили! До сих пор было так: побежденные платили победителям контрибуцию. И это совершенно справедливо, потому что войну выигрывает тот, кто не скупится на пушки, порох, провизию для солдат. Мы не жалели денег и одержали победу. Наш отважный король Матиуш мог сам убедиться, что солдаты на фронте ни в чем не терпели недостатка. Так почему же, спрашивается, мы должны терпеть нужду в деньгах? Они первые напали на нас, но мы проявили великодушие и простили их. Спору нет, это очень благородно с нашей стороны. Но зачем же отказываться от контрибуции, то есть от возмещения военных расходов? От того, что принадлежит нам по праву? Отважный король Матиуш в порыве великодушия помиловал врагов – это поистине достойный и мудрый поступок. Однако отказ от контрибуции создал в стране исключительно тяжелое финансовое положение. Конечно, дело это поправимое, недаром мы прочли столько ученых книг, у нас за плечами колоссальный опыт, и если его величество король Матиуш соизволит отнестись к нам с прежним доверием, если он, как до войны, будет прислушиваться к нашим советам...

– Господин канцлер, кончайте эту волюнку. Меня не проведешь, тут дело не в советах – просто вы по-прежнему хотите управлять страной, а я чтобы был пешкой в ваших руках. Так вот, я решительно заявляю «нет»! Сто тысяч чертей и бочка пороха вам в глотку, этот номер не пройдет!

– Но, ваше величество...

– Довольно! Я не согласен – и все! Такова моя королевская воля!

– Прошу слова! – сказал министр юстиции.

– Только покороче.

– В законодательном кодексе: том 814, часть XII, параграф 777555, страница 5, 14 строка, читаем: «Если наследник престола не достиг двадцати лет...»

– Господин министр, меня это не интересует.

– Понятно. Ваше величество хочет нарушить закон. Пожалуйста, наше законодательство предусматривает и это: параграф 105, 486...

– Господин министр, повторяю: меня это не интересует.

– Пожалуйста, есть у нас и такой закон: «Если король пренебрегает законами...»

– Сейчас же прекратите, холера вас возьми!

– О холере тоже есть закон. «В случае эпидемии...»

Потерявший терпение Матиуш хлопнул в ладоши, и в зал вошли гвардейцы.

– Отвести их в тюрьму! – приказал Матиуш.

– Об этом тоже вот говорится в законе! – обрадованно вскричал министр. – Это называется военной диктатурой... А вот это уже беззаконие! – завопил он, получив прикладом в бок.

Белые как мел министры гуськом прошествовали в тюрьму. Военный министр остался на свободе. Он отвесил королю низкий поклон и удалился.

Наступила гробовая тишина. Матиуш в одиночестве прогуливался по залу, заложив руки за спину, и каждый раз, проходя мимо зеркала, думал: «Я немного похож на Наполеона».

Но что же все-таки делать?

На столе – кипа бумаг. Подписывать или не подписывать? Почему на одних написано: «Разрешаю», на других: «Не разрешаю», на третьих: «Отложить»?

Может, он зря арестовал всех министров? А может, этого вообще не следовало делать? Конечно, он свалил дурака с этой контрибуцией. Поторопился. Надо было посоветоваться с министром финансов.

Но откуда ему было знать, что существует какая-то контрибуция? В самом деле, рассуждая здраво, чего ради победители должны расплачиваться за разрушения из собственного кармана? Ведь не они первые начали.

Может, написать королям письмо? Их ведь трое, значит, им легче возместить военные убытки, чем ему.

А как пишутся такие письма? Министр юстиции сказал: «Том 814». Сколько же всего этих томов? А он-то прочел всего-навсего два сборника сказок и жизнеописание Наполеона.

Бедный король совсем приуныл, но тут за окном послышалось кукование кукушки.

Кончилось проклятое одиночество!

– Послушай, Фелек, как бы ты поступил на моем месте?

– На месте вашего величества я бы играл в парке и на их заседаниях вовсе не ходил. Они бы делали что хотели, и я бы делал что хочу.

«Фелек не понимает, что долг короля – управлять страной и заботиться о благе своих подданных. Король не может, как простой мальчишка, играть все время в салочки да в лапту», – подумал Матиуш, но вслух ничего не сказал.

– Теперь уже поздно. Они в тюрьме.

– Ну и пусть сидят, если такова ваша королевская воля.

– А ты посмотри, сколько бумаг! Если я не подпишу их, останятся фабрики, железные дороги...

– Ну тогда подпишите.

– Я без них, как без рук. Даже старые опытные короли не могут обойтись без министров.

– Тогда выпустите их.

Матиуш чуть не кинулся Фелеку на шею. Какой он догадливый! А ему такой простой выход в голову не приходил. В самом деле, ничего страшного не произошло. В любую минуту можно их выпустить, но с условием, чтобы они слушались его и ничего серьезного одни не предпринимали. Потому что это ни в какие ворота не лезет! Король, точно воришка, тащит тайком из собственного буфета колбасу для своего друга. Или украдкой рвет для него ягоды в собственном саду. Или с завистью смотрит из-за забора, как играют дети. Он тоже хочет играть. Он хочет, чтобы его учителем был капитан, под командой которого он воевал. Ведь ничего особенного он не требует: просто ему хочется жить как все дети.

Фелек спешил в город по делам и забежал одолжить немного денег: на трамвай, на папиросы, а если хватит, то и на шоколад.

– На, возьми, пожалуйста.

И Матиуш снова остался один.

Церемониймейстер явно избегал его, гувернер куда-то исчез, а лакеи сновали бесшумно, как тени.

«Наверно, они считают меня тираном?» От этой мысли Матиушу стало не по себе.

Их страх понятен: ведь предок Матиуша, Генрих Свирепый, убивал людей, точно мух.

Что же делать? Как быть?

Хоть бы пришел кто-нибудь.

И тут в комнату тихо вошел старый доктор. Матиуш очень ему обрадовался.

– У меня к вашему величеству очень важное дело, – робко промолвил доктор. – Но я боюсь, вы не согласитесь.

– Разве я тиран? – спросил Матиуш, пристально глядя ему в глаза.

– Никто этого не говорит. Просто у меня к вам очень большая просьба.

– В чем дело, доктор?

– Я пришел просить вас облегчить немного участь заключенных.

– Говорите смело, доктор. Я заранее на все согласен. Я не сержусь на них и скоро

выпущу из тюрьмы, но с условием, чтобы они меня слушались.

– Вот это по-королевски! – воскликнул обрадованный доктор и стал перечислять просьбы заключенных: – Канцлер просит подушку, матрац и перину – у него болят кости, он не может спать на соломе...

– А я на голой земле спал, – заметил Матиуш.

– Министр здоровья просит зубную щетку и порошок. Министр торговли не ест черный хлеб и просит прислать ему белый. Министру просвещения нужна книга. Обер-полицмейстер от огорчения заболел, ему необходимо лекарство.

– А о чем просит министр юстиции?

– Ни о чем. В своде законов, в том 745, сказано: «Заключенные министры имеют право подать прошение на высочайшее имя только спустя три дня после ареста». А они сидят три часа...

Матиуш приказал выдать заключенным белье, одеяла, подушки, отнести им обед из королевской кухни, а к ужину подать вино. Министра юстиции он велел привести под стражей к себе.

Когда министра привели, он любезно предложил ему сесть в кресло.

– Законно ли будет, если я выпущу вас завтра из тюрьмы? – спросил Матиуш.

– Не совсем, ваше величество. Впрочем, военная диктатура не признает законов. И если мы назовем это так, все будет в порядке.

– А если я их выпущу, имеют они право посадить меня в тюрьму?

– Нет, ваше величество. Хотя с другой стороны, в том 949 есть оговорка о так называемом государственном перевороте.

– Ничего не понимаю, – признался Матиуш. – Сколько надо времени, чтобы во всем этом разобраться?

– Лет пятьдесят, – невозмутимо ответил министр.

Матиуш вздохнул. Корона всегда его тяготила, а сейчас она показалась ему тяжелее пушечного ядра.

XIV

С узников сняли оковы, привели в тюремную трапезную. С воли прибыли военный министр и министр юстиции. Тюремные стражи, держась за эфесы сабель, встали у дверей, готовые ко всему, и заседание началось.

Матиушу ночью не спалось, и он придумал выход из положения.

– Вы управляйте взрослыми, а я буду королем детей, – излагал он министрам свой план. – Я – мальчик и лучше знаю, что нужно детям. За собой я оставляю право поступать как захочу. Остальное пусть будет по-старому. Что говорится об этом в законах, господин министр?

– Таких законов нет, – последовал ответ. – На основании закона, том 1349, дети являются собственностью родителей. Есть только один выход.

– Какой? – вырвалось одновременно у всех.

– Если его величество будет именоваться Реформатором, том 1764, страница 377, королем Матиушем Реформатором.

– А что это значит?

– Так называют королей, которые изменяют старые законы и порядки. Если король скажет: «Я хочу издать такой-то и такой-то закон», я ему на это отвечу: «Нельзя, об этом уже есть закон». А если король скажет: «Я хочу провести реформу», тогда я отвечу: «Пожалуйста, ваше величество!»

Все охотно с этим согласились. А вот с Фелеком дело неожиданно осложнилось.

– Королевским фаворитом он быть никак не может.

– Почему?

– Это противоречит придворному этикету, – брякнул кто-то.

Церемониймейстер на заседании не присутствовал. Поэтому проверить этого было нельзя. Фаворитов назначают только после смерти короля, пользуясь незнанием Матиуша, соврали министры, а они желают своему юному королю здравствовать долгие-долгие годы. Поэтому грамоту любой ценой у Фелека нужно отобрать.

– Да, это незаконный документ, – подтвердил министр юстиции. – Фелек может приходить в гости к королю, быть его другом, но закреплять это грамотой за подписью и печатью – такого закона нет.

– Ну ладно, – сказал Матиуш, желая их испытать. – А что, если я не соглашусь и посажу вас опять в тюрьму?

– В вашем лице повелевает владыка государства, – улыбнулся министр юстиции. – Вы – король, воля ваша – закон.

«Вот чудачки! – подумал Матиуш. – Из-за какой-то жалкой бумажонки готовы в тюрьме томиться.»

– Милостивый государь, – продолжал министр юстиции, – в наших законах предусмотрено все. В томе 235 говорится: «Король властен нарушить закон...», но тогда его называют не реформатором, а...

– Как? – с беспокойством спросил Матиуш, охваченный недобрым предчувствием.

– Тираном.

Матиуш вскочил с места. Сверкнули обнаженные сабли. Наступила мертвая тишина. Побелев от страха, все ждали, что скажет король. Даже тюремные мухи перестали жужжать.

– Прошу с сегодняшнего дня именовать меня Матиушем Реформатором... Вы свободны, господа, – отчеканивая каждое слово, громко сказал Матиуш.

Смотритель тюрьмы отнес кандалы в чулан, тюремная стража вложила сабли в ножны, а привратник отворил тяжелую, окованную железом тюремную дверь. Министры от радости потирали руки.

– Минуточку, господа. Я хочу провести реформу: выдать завтра каждому школьнику по фунту шоколада.

– Слишком много, – авторитетно заявил министр здоровья. – Животы заболят. Хватит и четверти фунта.

– Ну хорошо, черт с вами, четверть фунта.

– У нас в государстве пять миллионов школьников, считая лентяев и хулиганов...

– Всех считать! – воскликнул Матиуш. – Всех без исключения!

– Наши фабриканты изготовят столько шоколада не раньше чем через десять дней.

– А чтобы развезти его по всей стране, потребуется еще неделя.

– Ваше пожелание, государь, можно выполнить только через три недели.

– Ничего не поделаешь, придется подождать, – недовольным тоном сказал Матиуш. В глубине души ему было неприятно, что он сам не сообразил этого. Однако он не подал виду и вслух сказал: – Завтра же объявить об этом в газетах!

– Простите, ваше величество... – заметил министр юстиции. – Детям, конечно, будет очень приятно получить шоколад, но это не реформа. Это королевский дар. Вот если бы ваше величество изволили объявить, что каждый школьник будет ежедневно получать за счет государства шоколад, тогда другое дело. Это уже закон. А так это угощение, подарок, пожертвование...

– Ну хорошо, подарок так подарок, – поспешил согласиться Матиуш. Он устал и боялся, как бы опять не начались долгие разговоры и споры. – Заседание объявляю закрытым. До свидания, господа.

Приехав во дворец, Матиуш помчался в парк и свистнул.

– Ну, Фелек, теперь я настоящий король! Все хорошо!

– Кому хорошо, а кому плохо.

– Что случилось? – удивился Матиуш.

– Отец из-за этой бумажки всю спину мне исполосовал.

– Что ты говоришь! – Матиуш был поражен.

– Ага. «Пусть, говорит, король какими хочет милостями тебя осыпает, это его дело, а я с тебя, негодяй, шкуру спущу, потому что это мое, отцовское право. Во дворце ты – королевский фаворит, а дома – мой сын. Отцовская рука надежней королевской милости.»

Жизнь научила Матиуша быть осмотрительным и, главное, не торопиться, не делать ничего сгоряча. В жизни как на войне: хочешь победить, тщательно готовься к бою. С этой бумагой он опять поспешил. Свалял дурака. И поставил себя в глупое положение. Что же получается? Он, король, выдает охранную грамоту, а простой сержант, невзирая на нее, лупит почем зря своего сына.

– Видишь ли, Фелек, мы с тобой немного поторопились. Помнишь, я говорил даже, что лучше подождать. Сейчас я тебе все объясню...

И Матиуш рассказал ему историю с шоколадом.

– Короли не могут делать все, что захотят.

– Угу, ваше величество.

– Фелек, называй меня по-прежнему Томеком. Ведь мы вместе воевали и тебе я обязан жизнью.

И они решили называть друг друга по имени, когда будут одни.

– Железно. Крушигора!

– Железно, Вырвидуб!

Теперь и про злополучную грамоту стало легче говорить.

– Вместо нее я дам тебе коньки, два мяча, альбом с марками, лупу и магнит.

– А отец меня снова выдерет...

– Потерпи немного, Фелек. Короли не могут сделать все сразу. Они тоже подчиняются закону.

– А что это за штука – закон?

– Я еще сам хорошенько не знаю. Кажется, такие книги.

– Угу. – Лицо Фелека омрачилось. – Ты там на разных заседаниях бываешь, учишься понемногу, а я вот...

– Не горюй, дорогой Фелек. Увидишь, как будет здорово! Если одного моего слова достаточно, чтобы пять миллионов детей получили шоколад, значит, и для тебя я смогу сделать много хорошего. Ты и не знаешь, как долго я не засыпаю по вечерам. Ворочаюсь с боку на бок и все думаю, думаю: как сделать, чтобы всем было хорошо. Теперь мне легче. Для взрослых придумать что-нибудь приятное трудно: у них есть деньги, они могут купить себе что хотят...

– Не понимаю, зачем думать все время о других, – перебил Фелек. – Я на твоём месте приказал бы сделать в парке качели, карусели с музыкой...

– Тебе этого не понять, потому что ты не король... Ну что же, это хорошая идея. На следующем заседании я предложу во всех школах сделать качели и карусели.

– И тир, и кегельбан.

– Хорошо.

XV

Министры прямо из тюрьмы отправились в кондитерскую и заказали себе кофе со сливками и пирожные с заварным кремом. Но обретенная свобода не принесла желанной радости. Они понимали: с королем-мальчишкой сладить будет нелегко. Прощай, покой и вольготная жизнь!

– Главное, деньги занять.

– А новые нельзя выпустить?

– С этим придется подождать. Мы и так во время войны страсть сколько их напускали.

– Хорошенькое дело – ждать! А срочные долги как прикажете платить?

– Я предлагаю взять в долг у иностранных королей.

Министры слопали по четыре пирожных с заварным кремом, выпили кофе со сливками и разошлись по домам.

На другой день канцлер доложил королю: без займа за границей никак не обойтись. Но послание надо сочинить так ловко, чтобы богатые короли не отказали. Поэтому придется заседать два раза в день.

Военный министр привез во дворец капитана. Матиуш очень обрадовался и спросил, нельзя ли произвести его в майоры. Но оказалось, он еще слишком молод для этого.

– С капитаном я буду заниматься по всем предметам, а с гувернером – иностранными языками.

Матиуш занимался с таким рвением, что даже игры забросил. Капитан жил очень далеко, на окраине, и Матиуш предложил ему переехать с семьей во дворец. У капитана было двое детей: сын Стасик и дочка Еленка. Дети скоро подружились и стали вместе учиться и вместе играть. Изредка приходил Фелек. До учебы он был не охотник и поэтому часто пропускал уроки.

На заседаниях Матиуш появлялся очень редко.

– Жалко время терять, – говорил он. – Скука смертная, и ничего не поймешь.

Теперь в королевский парк приходили дети из соседних дворов. Отец Фелека был мастером на все руки: он сделал ребятам качели. Ребята качались на них, играли в салочки, в мячик, в пожарных, катались на лодке и ловили рыбу в королевском пруду. Новые порядки пришлись не по вкусу королевскому садовнику, и он даже пожаловался дворецкому. Но тот только руками развел: ничего, мол, не поделаешь, такова королевская воля. Ребята нечаянно разбили несколько стекол. Однако никто даже не пикнул. На то Матиуш и реформатор, чтобы новые порядки заводить.

Осенью Матиуш приказал позвать печника и сложить в тронном зале печь: «Надоело мне дрожать от холода во время аудиенций».

В плохую погоду игры переносились во дворец. Поначалу лакеи ворчали. Дети оставляли на полу грязные следы, и приходилось то и дело подметать да подтирать блестящий как зеркало паркет. Зато теперь обращалось меньше внимания на такую ерунду, как непришитая пуговица, неряшливая прическа и прочее, и у лакеев оставалось больше свободного времени. И потом, раньше во дворце царила гробовая тишина и становилось порой жутковато. То ли дело теперь: смех, беготня, крик. Часто в играх принимал участие веселый капитан. А случалось, и старый доктор пустится в пляс или начнет через веревочку скакать. Вот потеха!

Наконец настал день раздачи шоколада. В столице ребята выстроились вдоль улиц в две шеренги. По улицам ехали грузовики, и солдаты раздавали шоколад. За грузовиками в открытом автомобиле ехал Матиуш. Ребята ели шоколад, смеялись и кричали:

– Да здравствует король Матиуш!

Король вскакивал, приподнимал шляпу, махал носовым платком, вертелся, улыбался, кивал, шевелил руками, ногами, чтобы никто не подумал, будто по городу опять возят фарфоровую куклу.

Но это еще не все. Вечером прилежных и послушных учеников пригласили в театр. Театр был битком набит. А в королевской ложе сидели Матиуш, капитан, Фелек и Стасик с Еленкой.

Когда Матиуш появился в ложе, оркестр заиграл государственный гимн. Все встали, а Матиуш замер – руки по швам, так полагалось по этикету. Ребята весь вечер любовались своим королем. Одно только их огорчало: он был без короны.

Министры на представление не пришли, им было некогда. Они как раз дописывали письмо с просьбой о займе. Только министр просвещения забежал в театр на минутку и удовлетворенно сказал:

– Вот это я понимаю. Послушные дети награждены по заслугам.

Но всему приходит конец – кончился и праздник. А завтра Матиуша ожидали тяжелые королевские обязанности.

XVI

Послание королям читали в торжественной обстановке. Во дворец съехались все министры и все иностранные послы.

С поистине королевским достоинством восседал Матиуш на троне и внимательно и благосклонно слушал послание, которое министры сочиняли целых три месяца. С непривычки очень трудно было вынести эту скучную, утомительную процедуру. Особенно после вчерашнего веселого дня.

Послание состояло из трех частей.

В первой, исторической, упоминалось о том, как часто великие предки Матиуша выручали из беды соседние государства, предоставляя им займы на выгодных условиях.

Во второй, географической, части подробно перечислялось, сколько у Матиуша земель, городов, лесов, какие у него запасы угля, соли, нефти, сколько человек живет в его государстве, сколько пшеницы, картофеля, сахарной свеклы ежегодно выращивается на полях, и так далее.

Третья часть была посвящена экономике. В ней говорилось, как богата и обильна земля Матиуша. Сокровищница полна, подати поступают в казну исправно. Словом, денег куры не клюют. Министры, конечно, заврались. Но они написали так нарочно: пусть короли не сомневаются, что Матиуш вернет долг.

А деньги Матиушу, следовало из четвертой части, нужны, чтобы сделать страну еще прекрасней: построить новые города, железные дороги, фабрики.

Если бы не бесконечные цифры – миллионы и десятки миллионов, слушать было бы, пожалуй, интересно. Но, оглушенный потоком цифр, Матиуш начал зевать, а чужеземные послы с нетерпением поглядывали на часы.

Но вот чтение подошло к концу.

– Мы передадим послание нашим правительствам. Короли наши хотят жить в мире с Матиушем, и мы надеемся, они не откажутся дать ему денег в долг, – пообещали послы.

Матиушу подали ручку с золотым пером, усыпанную драгоценными камнями. И он сделал такую приписку:

*Ваши королевские величества!
Я вас победил и не взял контрибуции, а теперь прошу дать мне займы денег. Не будьте жадинами, дайте.
Король Матиуш Первый Реформатор.*

XVII

Иноземные короли пригласили Матиуша в гости. А вместе с ним капитана, доктора, Стасика и Еленку.

«Приезжайте, пожалуйста, ваше величество! Мы постараемся, чтобы Вам было весело и хорошо», – писали короли.

Матиуш очень обрадовался. До сих пор он был только в одном заграничном городе, и то во время войны. А теперь увидит целых три столицы, три королевских дворца и три королевских парка! Вот здорово! Одна столица славится зоологическим садом, где собраны звери со всего света. В другой, по словам Фелека, есть высоченный дом, почти до облаков. А в третьей – витрины такие красивые, что глаз не оторвешь.

Министров не пригласили, и они обиделись. Но обижайся не обижайся, а раз не

пригласили, придется дома сидеть. Главный казначей заклинал Матиуша не брать у королей денег и не подписывать никаких бумаг.

– Ваше величество, вы не подозреваете, какие они обманщики! – говорил он.

– Ничего, не обманули, когда поменьше был, а теперь и подавно не обманут, – сказал Матиуш самоуверенно. Но в душе обрадовался предостережению казначея и решил ничего не подписывать. «Может, это и правда ловушка, недаром никого из министров не пригласили».

«Вот счастливчик! – завидовали Матиушу. – Сколько стран повидаешь!»

Во дворце поднялась суматоха: укладывали вещи в сундуки, портные приносили новые костюмы, сапожники – новые башмаки. Церемониймейстер как угорелый носился по дворцу – следил, как бы чего не забыли.

Наконец наступил долгожданный день отъезда. К дворцу подкатили два автомобиля: в один сел Матиуш с капитаном, во второй – доктор, Стасик и Еленка. Улицы были запружены народом. Вдогонку королевскому автомобилю несло радостное «Ура!». У перрона стоял королевский поезд, и все министры были в сборе.

Матиуш уже ездил однажды королевским поездом, когда возвращался с войны. Но тогда от усталости он ничего не замечал вокруг. Теперь другое дело: ехали для развлечения, и можно было ни о чем не думать. По правде говоря, это был заслуженный отдых после тяжелых военных походов и не менее тяжелой борьбы с министрами.

Матиуш со смехом рассказывал своим спутникам, как прятали их с Фелеком солдаты под шинелями от поручика – теперешнего его учителя. Вспоминал солдатскую похлебку, кусачих блох и то, как, стоя на крыше хлева, встретился он взглядом с военным министром, который ехал вот этим самым поездом.

– Тут мы целый день простояли! А с этой станции нас отправили обратно! – то и дело восклицал Матиуш.

Королевский поезд состоял из шести вагонов. Один вагон спальный, здесь у каждого было по отдельному купе с мягкой полкой-кроватью, умывальником, столиком и откидным стульчиком. Во втором вагоне помещался ресторан. Посередине стоял стол, вокруг стулья, на полу лежал пушистый ковер, и всюду цветы, цветы... В третьем – библиотека; там, кроме книг, были и любимые королевские игрушки. В четвертом – кухня. В пятом ехали королевские слуги: повар и лакеи. В шестом везли королевский багаж.

Дети по очереди высовывались в окошко, смеялись, болтали. Все их забавляло и радовало. На больших станциях паровоз останавливался, чтобы набрать воду. Вагоны плавно катились по рельсам – ни толчков, ни стука!

Вечером в обычное время дети легли спать, а проснулись уже за границей.

Едва успел Матиуш одеться и умыться, как явился посланец чужеземного короля.

Оказывается, он сел в поезд ночью на границе и теперь, как предписывалось здешними обычаями, будет сопровождать гостей до самой столицы.

– Когда поезд прибывает в столицу вашего короля?

– Ровно через два часа.

Хотя Матиуш знал несколько иностранных языков, было приятно слышать из уст королевского посланца родную речь.

Прием, оказанный Матиушу, не поддается описанию. Не как покоритель городов и неприступных крепостей, а как покоритель сердец въезжал он в столицу чужой страны. Седовласый король со своими взрослыми детьми и внуками встречал его на вокзале. А утопающий в зелени и цветах вокзал напоминал прекрасный сад. На перроне гирлянды цветов сплетались в надпись, которая гласила: «Добро пожаловать, юный друг!» В четырех длинных приветственных речах Матиуша называли добрым, мудрым и отважным. Ему желали здоровья и долгих лет царствования. На серебряном подносе преподнесли хлеб-соль, на шею надели высший орден государства – орден Льва с большущим бриллиантом. Старый король отечески поцеловал его, и у Матиуша слезы навернулись на глаза: он вспомнил своего отца. Играл оркестр, развевались знамена, через улицы были перекинута

триумфальные арки, а с балконов свисали ковры и флаги.

Матиуша на руках внесли в автомобиль. На всем пути его громогласно приветствовали огромные толпы, словно люди съехались сюда со всего света. В честь приезда Матиуша школьников на три дня освободили от занятий, и они, ликуя, высыпали на улицы.

Никогда Матиуша не приветствовали так восторженно даже в собственной столице.

На площади перед дворцом толпился народ, требуя, чтобы юный король что-нибудь им сказал. Был уже вечер, когда Матиуш вышел на балкон.

– Я ваш друг! – крикнул он.

В ответ прогремели пушечные залпы, вспыхнули фейерверки и бенгальские огни. По небу рассыпались красные, голубые, зеленые звезды. Красиво, как в сказке!

И завертелось колесо развлечений: балы, театры, днем прогулка в горы, посещение старинных замков, затерявшихся в лесах, охота, военные парады, а вечером опять торжественные обеды, театры – и так без конца.

Внуки и внучки короля с радостью отдавали Матиушу самые лучшие игрушки. Ему подарили двух красавцев коней, маленькую серебряную пушечку и волшебный фонарь с картинками неопишуемой красоты.

Но самое интересное было впереди. В один прекрасный день королевский двор отправился на автомобилях к морю. И Матиуш увидел самый вразвешенный морской бой. И в первый раз в жизни плыл на флагманском корабле, названном его именем.

Десять дней пролетели незаметно. Матиуш с удовольствием погостил бы здесь подольше, но пора было ехать к тому королю, которого он отпустил из плена.

Этот король был победней, поэтому встречали Матиуша с меньшей роскошью, но не с меньшей сердечностью. И среди гостей были здесь зато жители Азии, Африки, Австралии. Матиуш впервые увидел китайцев с косами, негров, у которых в носу и ушах были украшения из ракушек и слоновой кости. Матиуш подружился с ними. И вождь одного племени подарил ему четырех говорящих попугаев. Другой вождь преподнес в дар крокодила и боа в огромном террариуме. Третий – двух забавных дрессированных обезьянок; они так потешно кривлялись, что нельзя было без смеха смотреть на них.

Побывал Матиуш и в зверинце, который славился на весь мир. Кого там только не было! От самых больших до самых маленьких обитателей суши и моря. Пингвины – птицы, похожие на людей. Белые медведи. Зубры. Огромные индийские слоны. Львы. Тигры. Волки. Лисы. А сколько рыб и разноперых птиц! Одних только обезьян около пятидесяти видов!

– Это подарки моих африканских друзей, – сказал король.

И Матиуш подумал: хорошо бы пригласить их к себе и устроить такой же замечательный зверинец. «Если звери понравились мне, значит, понравятся всем ребятам», – решил Матиуш.

Жалко уезжать, да ничего не поделаешь, пора! Интересно, что покажет Матиушу третий король? Кажется, это у него в столице высоченный дом, о котором говорил Фелек.

XVIII

У третьего, самого молодого, короля было печальное лицо. Он принял Матиуша приветливо и ласково, но очень скромно. Это удивило Матиуша и немного даже обидело.

«Скупой небось», – неприязненно подумал он.

Еще больше удивился Матиуш, когда увидел королевский дворец, который ничем не отличался от соседних особняков. И окончательно разинул рот, заметив у одного лакея грязные перчатки и – дырку на королевской скатерти, правда искусно заштопанную шелковыми нитками; но дырка есть дырка, какая бы маленькая она ни была, и никакие шелковые нитки тут не помогут.

Но каково же было изумление Матиуша, когда он попал в сокровищницу этого скупца. Горы золота, серебра и драгоценных камней переливались и сияли так, что глазам больно.

– Какой вы богат! – невольно вырвалось у Матиуша.

– Ну что вы! Если эти сокровища разделить поровну между всеми жителями моей страны, каждому достанется по маленькой монетке.

Он сказал это так просто и искренне, что Матиуш преисполнился к нему симпатией. И обиды как не бывало!

По вечерам, когда они не ходили в театр, король играл на скрипке. От его игры становилось грустно-грустно и из груди невольно вырывался вздох.

«Какие разные бывают короли», – дивился про себя Матиуш.

– В вашей столице, кажется, есть очень высокий дом? – спросил однажды Матиуш.

– Да, парламент. Я думал, вам это будет неинтересно. Ведь у вас народ не участвует в управлении государством.

– Нет, что вы! Мне бы очень хотелось увидеть этот... этот парламент.

Что это за штука, Матиуш так и не понял.

«Чудно, я столько слышал рассказов про подвиги королей, живших сто, двести, тысячу лет назад, а про то, как живут и что делают теперешние короли, мне никогда ни слова не говорили. Может, знай я их раньше, и до войны бы не дошло.»

Король снова заиграл на скрипке.

– Почему вы играете так печально? – спросил Матиуш.

– Жизнь печальная, мой друг, особенно у королей.

– У королей?! – удивился Матиуш. – А вот короли, ваши соседи, очень веселые.

– Это они только при гостях притворяются веселыми и беспечными. Таков обычай. А на самом деле им тоже грустно: ведь они проиграли войну!

– Значит, и вы грустите поэтому?

– Нет. Меня это даже радует.

– Радует? – поразился Матиуш.

– Да. Я был против войны.

– Почему же вы тогда воевали?

– Другого выхода не было.

«Вот чудак, не хочет воевать и воюет. И еще рад, что проиграл войну. Таких чудачков я еще не встречал.»

– Победа – опасная вещь, – словно про себя проговорил король. – Победители часто забывают о своем долге.

– О каком долге? – недоумевая, переспросил Матиуш.

– О королевском. Король обязан заботиться о благе своего народа. Корону носить – дело нехитрое. А вот как сделать людей счастливыми? Существуют реформы... – как бы размышлял вслух Печальный король.

«Интересно», – подумал Матиуш.

– Но реформы – вещь непростая, очень непростая.

И из-под смычка полились такие жалобные звуки, словно случилось непоправимое несчастье.

В ту ночь Матиуш долго не мог уснуть. Он ворочался с боку на бок, а в ушах раздавался жалобный плач скрипки.

«Надо обязательно с ним поговорить, посоветоваться. Кажется, он хороший человек. А то я называюсь Реформатором, а что такое реформы, не знаю. По его словам, это вещь очень непростая.»

Но эти мысли вытеснили другие:

«А вдруг он только притворяется добрым? А на самом деле они сговорились и поручили ему обмануть меня, вкрасься в доверие и заставить подписать какую-нибудь бумагу?»

Странно, почему короли ни словом не обмолвились о займе и вообще ни о чем серьезном не заводили речи. Обычно, когда они собираются, то говорят о политике и других важных вещах. А тут ни слова. Или они считают меня маленьким? Тогда почему Печальный король разговаривает со мной, как со взрослым?»

Матиушу нравился Печальный король, но он ему не доверял. Жизнь с ранних лет учит королей подозрительности.

Чтобы заснуть поскорее, Матиуш потихоньку стал напевать самую грустную песенку, какую только знал. Вдруг в соседней комнате послышались шаги.

«Может, меня хотят убить? – промелькнуло у него в голове. – В истории сколько раз так бывало: заманят короля в ловушку и предательски умерщвляют.» Наверно, бессонница и печальная песенка виной тому, что у него зародились такие чудовищные подозрения.

Матиуш щелкнул выключателем и полез под подушку за револьвером.

– Не спишь, Матиуш? – спросил, входя в комнату, Печальный король.

– Да, не спится что-то.

– Значит, маленьким королям тоже не дают покоя невеселые мысли? – Печальный король печально улыбнулся и присел на край постели.

Он сидел и молча глядел на Матиуша. И Матиуш вспомнил, что вот так же смотрел на него отец. Тогда это ему не нравилось, а теперь от ласкового взгляда становилось теплей на душе.

– Я видел, как ты удивился, услышав, что я не хотел с тобой воевать, а все-таки воевал. Тебе все еще кажется, будто короли делают что хотят.

– Нет, я знаю, мы часто должны поступать так, как велит закон и этикет.

– Ну да, сначала примем плохой закон, а потом волей-неволей исполняем его.

– А разве хорошие законы нельзя принимать?

– Можно и даже нужно! Ты, Матиуш, еще очень молод, учись и вводи в своей стране законы справедливые, мудрые.

Печальный король положил маленькую руку Матиуша на свою большую ладонь и долго смотрел на нее, будто сравнивал. Потом нежно погладил ее и поцеловал мальчика в лоб.

Матиуш смутился, а король, понизив голос, торопливо заговорил

– Вот послушай. Мой дед освободил народ, но злые люди убили его, и народ по-прежнему стал бесправен. Отец воздвиг огромный памятник Свободе. Завтра ты его увидишь. Красивый памятник, но какой от него прок, если на свете по-прежнему бушуют войны, по-прежнему есть бедные и несчастные. Я построил парламент. И все равно ничего не изменилось. А знаешь, Матиуш, – сказал он таким тоном, словно припомнил что-то очень важное, – может, ошибка наша заключалась в том, что мы издавали законы для взрослых. Попробуй начать с детей. Может, тогда что-нибудь получится. Ну, спи, дорогой мальчик! Ты приехал развлекаться, а я морочу тебе по ночам голову всякой чепухой. Покойной ночи!..

На другой день Матиуш попытался продолжить ночной разговор, но Печальный король всячески избегал этого. Зато он подробно объяснил Матиушу, что такое парламент.

Парламент помещался в большом красивом здании, внутри оно напоминало не то храм, не то театр. На возвышении за столом разместились какие-то важные господа, как у Матиуша во дворце во время заседаний. Но тут в зале стояло еще много-много кресел, на которых сидели мужчины. Они выходили на трибуну и произносили длинные речи. По бокам были ложи, а в ложах – министры. В стороне за большим столом примостились корреспонденты, которые писали в газеты о том, что слышали и видели в парламенте. На галерке было полным-полно народу. Когда Матиуш с Печальным королем вошли в зал, оратор обвинял в чем-то министров.

– Мы этого не потерпим! – истошно кричал он и потрясал кулаками. – Или вы будете слушаться, или мы прогоним вас в шею! Нам нужны умные министры!

Следующий оратор говорил прямо противоположное: министры очень умные и других нам не надо.

Началась перебранка, шум, крик. Кто-то вопил: «Долой министров!» Другой орал: «Позор!» А когда Матиуш выходил из зала, послышался крик: «Долой короля!»

– Из-за чего они ссорятся?

– Им плохо живется.

- А что будет, если они прогонят министров?
- Выберут других.
- Ну, а тот, кто кричал «Долой короля!», он что, сумасшедший?
- Нет, просто он против короля.
- А короля могут свергнуть?
- Конечно.
- А потом?
- Выберут нового.

XIX

Газеты на родине Матиуша целый месяц писали о том, какой пышный прием оказывают их юному монарху за границей, какие преподносят ему ценные подарки, как его любят и уважают. Хитрые министры решили воспользоваться этим и выманить у чужеземных королей побольше денег. Успех обеспечен, считали они, если, конечно, Матиуш опять не выкинет чего-нибудь и не испортит все дело. «Хорошо еще, что короли не обиделись за дурацкую приписку, – рассуждали они. – Ни один реформатор, далее самый великий, не позволил себе на официальном документе написать: „Не будьте жадинами“.»

Итак, министры хотели избавиться от Матиуша. И подходящий предлог нашелся: Матиуш, мол, переутомлен и нуждается в отдыхе.

Матиуш очень обрадовался и изъявил желание поехать к морю. Отправились всей компанией: Матиуш, капитан, Стасик, Еленка и доктор. На этот раз Матиуш ехал в обыкновенном поезде, останавливался не во дворцах, а в простых гостиницах, носил скромный костюм и величали его не «величеством», а «сиятельством». Это означало, что король путешествует инкогнито. Если король хочет ехать туда, куда его не звали, он делает вид, что он вовсе не король.

Матиушу это нравилось. Можно играть с другими детьми и, хотя бы на время, превратиться в обыкновенного мальчика.

Жилось им на взморье привольно: они купались, собирали на берегу ракушки, строили из песка замки и крепости, ездили верхом, катались на лодке, ходили в лес по грибы и ягоды.

Для Матиуша время летело особенно быстро, потому что он снова начал заниматься с капитаном. Три урока в день – сущий пустяк, особенно если учитель – твой кумир.

Со Стасиком и Еленкой Матиуш подружился. Они были славные ребята и ссорились с ним очень редко – и то ненадолго.

Как-то он повздорил с Еленкой из-за большого белого гриба. Матиуш сказал, что он первый увидел его, а Еленка – что она. Матиуш не стал бы с ней спорить: подумаешь, велика важность – гриб, особенно для короля! Но зачем же врать и хвастаться?

– Я увидел его и закричал: «Смотрите, какой огромный гриб!» – и показал пальцем, а ты подлетела и сорвала.

– Раз я сорвала, значит, он мой!

– Ты была ближе, а первым увидел его я.

Еленка разозлилась, швырнула гриб на землю и давай топтать:

– Не нужен мне ваш гриб! Не нужен!

Но потом ей стало стыдно, и она расплакалась.

«Станный народ эти девчонки, – подумал Матиуш, – сама растоптала, а теперь ревет.»

В другой раз получилось вот что. Стасик построил из песка крепость с высокой башней. Как трудно из песка построить высокую башню, всем известно. Песок должен быть мокрый, значит, выкапывать его приходится из глубины. Намучился Стасик со своей крепостью, пока не догадался вставить в середину палку. Ему хотелось посмотреть, что будет, когда в крепость ударит набежавшая волна. А Матиушу стрельнуло вдруг что-то в голову, и он с криком: «Ура! На штурм!» – налетел с разбегу на крепость и растоптал ее. Сначала Стасик очень рассердился. Но потом рассудил: видно, короли так устроены, что не

могут равнодушно видеть чужих крепостей и не брать их штурмом. Он подулся немного, и они помирились.

Иногда капитан вспоминал, как он сражался в африканских пустынях. Очень интересно рассказывал и доктор про микробов, которые, словно неприятельское войско, нападают на человека. Но у того в крови есть защитники – маленькие белые шарики. Они набрасываются на врагов-микробов, и, если одолевают их, человек выздоравливает, а если нет – умирает. В человеческом теле есть и крепости со множеством ходов, ловушек, рвов – это железы. Попадут микробы в такую крепость, заблудятся, а шарики-солдаты тут как тут – накидываются на них и уничтожают.

Познакомились ребята с рыбаками. Рыбаки научили их распознавать по небу, будет ли буря и какая – сильная или не очень.

Весело было играть, интересно слушать разные истории. Но иногда Матиуш один убегал в лес или под предлогом, что идет искать ракушки, отделялся от остальной компании и уходил на берег моря. Там он садился на камень и думал, что сделает, когда вернется домой.

Может, устроить так, как у Печального короля? Может, лучше, когда правит народ, а не кучка министров и король? А то создается безвыходное положение, как тогда, после войны: он – маленький, министры – глупцы и мошенники. Посадил он их в тюрьму и, оставшись один, не знал, что делать. А так пошел бы в парламент и сказал: «Выберите других хороших министров».

Матиуш подолгу размышлял об этом, но ему хотелось с кем-нибудь посоветоваться. И вот, когда они гуляли вдвоем с доктором, он спросил:

– Скажите, доктор, все дети такие здоровые, как я?

– Нет, Матиуш (доктор называл его просто по имени: ведь Матиуш жил здесь инкогнито), на свете много слабых и больных детей. Они живут в сырых, темных каморках, лето проводят в душном городе, голодают и поэтому часто болеют.

Матиуш сам видел темные, смрадные жилища бедняков и по своему опыту знал, что такое голод. Он вспомнил, как предпочитал иной раз ночевать под открытым небом на голой земле, чем в крестьянской хате. Вспомнил бледных, кривоногих ребятишек, которые выпрашивали солдатскую похлебку. С какой жадностью уплетали ее! Но Матиуш думал: так бывает только в войну, а оказывается, дети мерзнут и голодают в мирное время.

– А нельзя сделать так, чтобы у всех были теплые, светлые дома с садами и вдоволь еды?

– Это очень трудно.

– Ну, а если я очень захочу?

– Конечно, можно. От короля многое зависит. Вот, например, последний король, у которого мы были, тот, что играл на скрипке, построил больницы, дома для бедных детей, у него в стране ребята летом выезжают за город. Он издал такой закон: каждый город обязан построить в деревне дома, куда на целое лето отправляют слабых, болезненных детей.

– А у нас?

– У нас такого закона нет.

– Ну так будет! – вскричал Матиуш и топнул ногой. – Милый, хороший доктор, помогите мне! Министры опять начнут говорить, это невозможно, того, другого нет, а я не знаю: правда это или вранье?

– Это и на самом деле нелегко.

– Согласен, что нелегко, но все-таки возможно. Пример тому – история с шоколадом.

– Шоколад – это пустяки.

– Почему Печальному королю легко, а мне трудно?

– Ему тоже нелегко.

– Ну и пусть трудно, а я все равно сделаю, чего бы мне это ни стоило!..

Над морем опускалось огромное пурпурное солнце. И Матиуш уже видел в мечтах, как все ребята в его стране любят закаты и восходы, катаются на лодках, купаются в

море, ходят в лес по грибы.

– А почему, если он такой добрый, кто-то крикнул в парламенте «Долой короля!»? – спросил Матиуш на обратном пути.

– Всем ведь трудно угодить.

Матиуш вспомнил, как солдаты насмехались над королями. Если бы не война, он до сих пор воображал бы, что его все обожают и, завидев, готовы кидать шапки в воздух от восторга.

После этого разговора Матиуш стал еще прилежнее учиться и поговаривал, что пора домой.

«Надо браться за реформы, – думал он. – Чем я хуже других королей, у которых дети летом выезжают за город?»

XX

Когда Матиуш вернулся к себе в столицу, все было подготовлено, чтоб получить деньги у иностранных королей. Не хватало только его подписи.

Матиуш расписался там, где нужно, и тотчас главный кассир государства с мешками и сундуками отправился за золотом и серебром.

Матиуш с нетерпением ждал денег, ему хотелось поскорей приняться за свои реформы. Их было три:

1. В лесах, в горах, на берегах рек и озер построить дома, в которых летом будут отдыхать дети бедняков.

2. Во всех школьных дворах соорудить качели и карусели с музыкой.

3. Устроить в столице зверинец со львами, медведями, слонами, обезьянами, змеями и птицами.

Но когда деньги были получены, Матиуша постигло большое разочарование. Оказалось, министры заранее распределили все расходы. Столько-то на строительство мостов и школ, столько-то на починку железных дорог, столько-то на уплату военных долгов, а на реформы Матиуша денег не хватило.

– Если бы ваше величество сказали об этом раньше, мы попросили бы денег побольше, – лицемерно сожалели министры, а про себя думали: «Хорошо, что его не было в столице! Такую пропасть денег ухлопать на дурацкие затеи. Да иностранные короли ни за что бы не дали столько».

«Ах так! – рассердился Матиуш. – Раз вы меня обманули, я теперь знаю, что делать.» И написал обо всем Печальному королю.

Я решил провести в своей стране такие же реформы, как в вашей. А министры не дают мне денег, и я хочу попросить займы для себя.

Долго ждал Матиуш ответа и уже отчаялся его получить, как вдруг в один прекрасный день ему доложили во время урока, что его хочет видеть посол Печального короля. Матиуш сразу смекнул, в чем дело, и поспешил в тронный зал.

Посол заявил, что должен побеседовать с королем с глазу на глаз, и их оставили наедине. Когда за последним министром закрылась дверь, посол сказал: его король согласен одолжить Матиушу деньги, но с условием, что Матиуш даст своему народу конституцию. То есть управлять государством будет не он с министрами, а весь народ.

– Когда даешь деньги одному человеку, он может не вернуть их, а когда даешь всему народу – дело другое. Боюсь только, министры не согласятся, – прибавил посол.

– Согласятся. У них другого выхода нет. Ведь я король-реформатор.

Министры против ожидания согласились очень быстро. Во-первых, они боялись, как бы Матиуш опять не посадил их в тюрьму. Во-вторых, хитрецы договорились между собой: «Нам это даже выгодно, всегда можно сказать: „Такова воля народа“ – и дело с концом. Весь

народ в тюрьму не посадишь!»

И вот в столицу из всех городов и деревень съехались самые мудрые люди. Совещались они дни и ночи напролет. Разве легко решить, чего хочет весь народ?

В газетах об этом писали так много, что даже на картинки, которые любил рассматривать маленький король, не хватало места. Но не беда, теперь Матиуш хорошо читал и мог обойтись без картинок.

Отдельно совещались банкиры. Они подсчитывали, сколько денег понадобится на постройку летних домов для детей, каруселей и качелей.

Со всех концов света в столицу Матиуша потянулись дрессировщики, фокусники, укротители, торговцы дикими зверями, птицами и змеями. Вот у кого было интересно! И Матиуш не пропускал ни одного их собрания.

– Продаю четырех великолепных львов, – предлагал один.

– Во всем мире нет тигров кровожадней, чем мои! – хвалился другой.

– Могу предложить красивых попугаев, – говорил третий.

– Змеи – вот самый дефицитный товар! – восклицал четвертый. – Коварнее моих змей и крокодилов не найти! Отличительная черта моих крокодилов – долголетие и величина.

– Дрессированный слон! В молодости выступал в цирке: ездил на велосипеде, танцевал, ходил по канату. Теперь состарился, и я продам его по дешевке. Зато как обрадуются дети! Они очень любят ездить на слонах.

– Не забудьте про медведей, – раздался голос медвежатника. – У меня есть два бурых и два белых мишки.

Среди торговцев дикими зверями был один настоящий индеец и два негра. Однако одеты они были по-европейски и говорили понятно, потому что жили попеременно то в Европе, то в Африке.

Но вот однажды на собрание явился черный-пречерный негр. Таких еще никто отродясь не выдывал. К тому же он был полуголый, а в волосах столько украшений из слоновой кости понатыкано, что казалось невероятным, как голова выдерживает такую тяжесть. И ни звука ни на одном известном языке.

В государстве Матиуша жил старый профессор, который изучил пятьдесят языков. Срочно послали за ним, чтобы узнать, чего хочет черный посланец. Другие негры тоже не понимали его или делали вид, что не понимают, боясь, как бы он не испортил им коммерцию.

– О, могучий, как баобаб, великий, как море, быстрый, как молния, и ясный, как солнце, король Матиуш, я привез тебе дружбу моего владыки, пусть здравствует он семь тысяч лет и дождется десяти тысяч праправнуков! – заявил посланец африканского вождя. – В лесах у моего владыки больше зверей, чем звезд на небе, чем в муравейнике муравьев. Светлейший король Матиуш, не верь этим обманщикам, у них львы беззубые, тигры без когтей, слоны дряхлые, а птицы подмалеваны красками. У любой обезьяны больше ума, чем у всех у них, вместе взятых, а любовь моего владыки к тебе во сто крат превосходит их глупость. Они хотят выманить у тебя побольше денег, а моему владыке золота не нужно. В горах у него столько золота, что его некуда девать. Он пришлет тебе диких зверей, а сам хотел бы приехать к тебе на две недели в гости. Ему очень любопытно поглядеть, как живут европейцы. Но белые короли его не приглашают, говорят, он дикарь и дружбу с ним водить неприлично. Приезжай к нам, и ты убедишься, что я говорю правду.

Торговцы дикими зверями повесили носы: «Прощай денежки!»

– А известно ли вашему величеству, что он приехал из страны людоедов? Наш совет вам: не ездите туда и не приглашайте их к себе, – попробовали они отговорить Матиуша.

– О ясный, как солнце, и белый, как песок, король Матиуш! – сказал в ответ чернокожий великан. – С головы у тебя не упадет ни один волос в гостеприимной стране моего владыки. Мой владыка, пусть здравствует он пять тысяч лет без одного года, скорее съест самого себя, чем тронет тебя хоть одним пальцем.

– Решено: я еду в Африку! – заявил Матиуш.

Торговцам дикими зверями пришлось несолоно хлебавши покинуть столицу.

XXI

Канцлер воротился домой злющий-презлющий. Жена не решалась слова вымолвить, чтобы не рассердить его еще больше. Дети присмирели, боясь, как бы им не влетело под горячую руку. Обычно канцлер выпивал перед обедом одну рюмку водки, а кушанья запивал вином. Но сегодня он оттолкнул вино и выпил подряд пять рюмок водки.

Необычное поведение главы семейства обескуражило супругу.

– Дорогой, – робко молвила она, – я вижу, у тебя опять неприятности по службе. Так можно совсем здоровье потерять.

– Неслыханное дело! – прорвало наконец канцлера. – Знаешь, что выкинул Матиуш?

Супруга вместо ответа только горестно вздохнула.

– Знаешь, что он выкинул? – повторил канцлер. – Собрался в гости к людоедскому вождю. Да, да, к вождю людоедов! К самому дикому племени в целой Африке. Куда не ступала нога белого человека. Понимаешь? Там его съедят. Как пить дать, съедят! Я просто в отчаянии.

– Дорогой, а нельзя ли его отговорить?

– Отговаривай, если тебе жизнь не мила, а я не намерен второй раз в кутузке сидеть! Он упрямый и легкомысленный мальчишка!

– Ну хорошо, а вдруг его, не дай бог, съедят?

– Он нам сейчас нужен до зарезу! Если дикари слопают его, все наши усилия пойдут прахом: кто откроет первое заседание парламента, кто подпишет манифест? Через год пусть едет на здоровье!

Но дело было не только в этом. Отпускать малолетнего короля одного в такое опасное путешествие не полагалось, а ехать никому из министров не хотелось.

А Матиуш между тем всерьез готовился в дорогу.

КОРОЛЬ ЕДЕТ В СТРАНУ ЛЮДОЕДОВ,

– разнеслось по городу. Взрослые соболезнующе качали головами, а дети завидовали Матиушу.

– Милостивый государь, – сделал старый доктор последнюю попытку отговорить Матиуша от этой затеи, – быть съеденным очень неприятно и, я бы сказал, вредно для здоровья. Дикари, несомненно, захотят зажарить ваше величество на вертеле, а поскольку при высокой температуре белок свертывается, следовательно...

– Дорогой доктор, – перебил Матиуш, – меня хотели убить, расстрелять, повесить, а я до сих пор цел и невредим. Может, посланец черного владыки говорит правду и они не съедят меня. Так или иначе, я дал слово, и отступать уже поздно. Слово короля нерушимо!

Решили, что с Матиушем поедет старый профессор, изучивший пятьдесят языков, капитан, но без Стасика и Еленки (их не отпустила мама). В последний момент к путешественникам присоединились доктор и Фелек.

Доктор, незнакомый с африканскими болезнями, купил толстенный медицинский справочник и набил чемодан разными лекарствами.

Перед самым отъездом во дворец явились английский моряк и путешественник-француз и упростили Матиуша взять их с собой.

Багажа было немного, во-первых, в Африке не нужны теплые вещи, а во-вторых, на верблюдах много чемоданов не увезешь, это не лошади.

Наконец наступил день отъезда. Они сели в поезд и поехали. Ехали-ехали и приехали к морю. Пересели на корабль и поплыли. На море настигла их буря, и с непривычки все заболели морской болезнью. Вот тут-то и пригодились лекарства, которые доктор вез в чемодане.

Доктор был очень недоволен поездкой и всю дорогу пребывал в прескверном расположении духа.

– Дернула меня нелегкая согласиться быть придворным медиком, – ворчал он. – Будь я простым доктором, сидел бы себе в теплом, уютном кабинете, ходил в больницу, а теперь вот на старости лет изволь скитаться по белу свету. В моем возрасте особенно неприятно быть съеденным.

Зато капитан был в прекрасном настроении. Он вспоминал свою молодость и то, как мальчишкой удрал в Африку. Вот было время!

Фелек тоже радовался. Хотя одно обстоятельство слегка омрачало его радость.

– Небось в гости к белым королям взял с собой этих неженков, капитанских деток, а к людоедам ехать так и Фелек хорош! Эти-то, поди, трусили? – сказал он однажды Матиушу.

– Неправда, – возразил Матиуш, – они хотели ехать, но им мама не разрешила. А белые короли тебя не пригласили, незваным же ехать не полагается.

Это объяснение удовлетворило Фелека, и он больше не сердился.

Наконец они приплыли в порт. Опять пересели с корабля на поезд и ехали два дня по железной дороге. Тут уже росли фиговые пальмы, бананы и разные диковинные растения. При виде всех этих чудес Матиуш вскрикивал от восторга, а посланец черного владыки снисходительно улыбался, скаля белые зубы, отчего присутствующим становилось не по себе.

– Это ерунда! Настоящие джунгли впереди!

Но вместо джунглей взорам путешественников представилась пустыня.

Насколько хватал глаз – песок и песок. Безбрежный океан песка.

В последнем поселении белых, где они остановились, был расквартирован гарнизон и имелось несколько лавчонок.

Услышав, куда они держат путь, офицер сказал:

– Ну что ж, коли вам жизнь не мила, поезжайте. Много смельчаков ехало в ту сторону, а вот обратно еще никто не возвращался.

Посланец африканского короля, купив трех верблюдов, отправился вперед предупредить о прибытии гостей, а Матиушу и его спутникам велел ждать его возвращения.

Когда он уехал, гарнизонный офицер обратился к путешественникам:

– Послушайте, меня не проведешь, я стреляный воробей! Сразу видно – вы не простые путешественники. Иначе зачем вам двое мальчишек и этот старик. И туземец, сопровождающий вас, судя по раковине в носу, принадлежит к знатному роду.

Наши путешественники, видя, что отпираться бессмысленно, рассказали ему все начистоту.

Оказывается, офицер читал о Матиуше в газетах, которые приходили сюда с опозданием на несколько месяцев.

– Тогда дело другое, – сказал офицер. – Это очень гостеприимный народ. Вы или совсем оттуда не вернетесь, или вернетесь с богатыми дарами. У них золота и бриллиантов куры не клюют! В обмен на всякую ерунду – немного пороха, зеркальце или трубку – они дают несколько пригоршней золота.

Путешественники заметно повеселели. Старый профессор целыми днями лежал на раскаленном солнцем песке. Доктор сказал, что ему это полезно: у профессора болели ноги. А вечером он отправлялся в негритянские хижины и записывал новые, неизвестные науке слова.

Фелек объелся фруктами, и доктор дал ему из своей аптечки-чемодана ложку касторки. Английский моряк и путешественник-француз несколько раз брали Матиуша с собой на охоту. Матиуш научился ездить на верблюдах. Такая жизнь была ему по душе.

XXII

Как-то раз ночью в палатку ворвался негр-слуга.

– Вставайте! – кричал он. – Нападение! Измена! – И жалобно запричитал: – О я несчастный, зачем пошел я в услужение к белым! Мои собраты никогда мне этого не простят! Что мне теперь, несчастному, делать?..

Путники вскочили как встрепанные с походных коек и схватились за оружие, какое оказалось под рукой, готовые сразиться с врагом.

Кругом темень, ни зги не видно. Лишь изредка, со стороны пустыни, доносится какой-то глухой шум, будто топот огромной толпы.

Странно, почему в казарме так тихо? Никакого движения, ни одного выстрела.

Начальник гарнизона, хорошо знакомый с обычаями туземцев, сразу сообразил, что это не нападение. Но что, он сам толком не понимал и поэтому выслал вперед гонца. Гонiec вскоре вернулся и сообщил, это идет караван за Матиушем.

Впереди выступал огромный, царственно-важный верблюд с паланкином между горбами. За ним – сто верблюдов, покрытых роскошными попонами. И великое множество воинов для охраны каравана.

Только благодаря опытности и выдержке начальника гарнизона не случилось непоправимой беды: не открыли стрельбы по мирному племени. Матиуш сердечно поблагодарил офицера, наградил его орденом, и на следующий день рано утром караван тронулся в путь.

Путешествие было тяжелым. Немилосердно палило солнце. Белые открытыми ртами хватали воздух: с непривычки они задохались. А посланцам африканского вождя хоть бы что.

Высоко на верблюде в паланкине сидел Матиуш, а два туземца обмахивали его большими опахалами из страусовых перьев. Караван медленно подвигался вперед. Проводник тревожно всматривался вдаль: не приближается ли самум. Бывали случаи, когда этот страшный ветер пустыни засыпал горячим песком целые караваны и все путники погибали.

Днем никто не разговаривал – не было сил, и лишь вечером, когда становилось прохладней, люди приходили немного в себя. Добрый доктор пичкал Матиуша какими-то порошками, но проку от них было мало. Хотя за плечами у Матиуша была война и много опасных приключений, путешествие по огнедышащей пустыне показалось ему тяжелей всего, что он испытал в жизни. От жары болела голова, потрескались губы, в горле пересохло и язык одеревенел. Он загорел и высох, как щепка. Глаза от ярко-белого песка стали красными и болели, кожа шелушилась и нестерпимо чесалась. По ночам Матиуша преследовали кошмары: то снилось ему, что людоеды едят его живьем, то будто жарят на костре.

Вода!.. Какое блаженство плыть по морю! Но делать нечего, назад пути нет, иначе его ждет вечный позор.

Два раза они останавливались в оазисах на привал. До чего приятно снова увидеть зеленые деревья, напиться студеной воды из родника, а не этой противной, вонючей из бурдюков!

В первом оазисе они отдыхали два дня, а во втором пришлось задержаться на целых пять. Верблюды не меньше людей нуждались в отдыхе. От усталости они не могли идти дальше.

– Четыре восхода и захода солнца – и мы дома! – радовался посланец черного владыки.

За пять дней люди и животные отлично отдохнули. А неугомимые туземцы разожгли накануне отъезда костры и сплясали вокруг них дикий военный танец.

Последние четыре дня были не так изнурительны. Пустыня кончалась, песок не источал уже такого зноя, кое-где росли даже чахлые растеньица, и навстречу попадались люди.

Матиуш хотел с ними познакомиться, но ему объяснили, что это разбойники. Не будь караван такой большой, они непременно напали бы на них и ограбили.

Наконец вдали замаячил лес, повеяло свежестью и прохладой. Тяжелое странствие по

знойным пескам – позади, а что их ждет впереди, неизвестно. Может, смерть от руки дикарей?

Навстречу каравану выехал сам черный владыка в сопровождении придворных. Впереди выступали музыканты. Но вместо привычных инструментов у них были какие-то диковинные барабаны, дудки, трещотки, которые издавали такой невообразимый писк, скрежет и грохот, что хоть уши затыкай! После тишины и безмолвия пустыни наши путники чуть с ума не сошли.

Началось богослужение. Перед деревянной колодой, на которой были вырезаны морды неведомых чудовищ, жрец в страшной маске что-то выкрикивал, а толпа вторила ему. Это означает, пояснил Матиушу профессор, что черный владыка отдает гостя под покровительство своих богов.

Потом черный владыка и его сыновья с полчаса весело скакали вокруг Матиуша. И, лишь до мельчайших подробностей исполнив ритуал, вождь племени обратился к Матиушу с приветственной речью:

– Белый друг, ты приехал ко мне, и теперь я самый счастливый человек на земле. Умоляю тебя, сделай только знак, и в доказательство любви и преданности я вонжу эту стрелу в свое сердце. Умереть для друга – великая честь.

Говоря это, он приставил острие длинной стрелы к груди и замер в ожидании.

Матиуш попросил профессора сказать, что он не хочет, чтобы вождь из-за него умирал, он желает с ним дружить, беседовать и веселиться.

Представьте себе изумление Матиуша, когда в ответ раздался громкий плач – это рыдали негритянский король, его родственники и дети. Они горевали оттого, что белый друг пренебрегает ими.

Матиуш чуть не прыснул со смеху – такими потешными показались ему здешние обычаи, но он сдержался и сделал серьезное лицо.

Рассказывать подробно обо всем, что видел и делал Матиуш при дворе черного владыки не имеет смысла. Все это описано ученым профессором в толстой книге под названием:

49 ДНЕЙ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ БУМ-ДРУМА.

Написал участник экспедиции и переводчик
короля Матиуша Реформатора.

Бум-Друм изо всех сил старался развлечь своего белого друга. Однако некоторые забавы Матиушу не нравились, и он отказывался принимать в них участие, не думая, что кого-то этим обижает, и не подозревая, что за каждым его движением следят злые, пронзительные глазки верховного жреца. И вот однажды верховный жрец с негодованием заявил:

– Этот белый – обманщик, он только притворяется нашим другом. Он пренебрегает нашими обычаями. – И зловещим шепотом прибавил: – Но я знаю, что делать.

И в тот же день вечером во время пира незаметно подсыпал яд в раковину, из которой пил Матиуш. А этот яд обладал таким свойством: сначала человеку, который его выпьет, все кажется красным, потом синим, зеленым, черным, и наконец он умирает.

Матиуш сидит в шатре вождя в золотом кресле за золотым столом.

– Странно, почему это вдруг все стало красным? И люди и все-все, – говорит он.

Доктор, услышав это, вскочил и от ужаса не может слова вымолвить, только руками машет. Оказывается, он читал про этот яд в ученых книгах. Там говорилось: все африканские болезни излечимы, только против этого яда нет лекарства.

– Ой, смотрите, как красиво – теперь все синее! – ничего не подозревая, весело говорит Матиуш.

– Профессор! – закричал доктор. – Переведите им, что Матиуш отравлен.

Вождь схватился за голову и стрелой вылетел из шатра.

– На, выпей, белый друг! – Он протянул Матиушу чашу из слоновой кости, в которой плескалась горькая-прегорькая, кислая-прекислая жидкость.

– Фу, какая гадость! – Матиуш сморщился и оттолкнул рукой сосуд. – Ой, а сейчас все зеленое! Стол зеленый, и доктор зеленый.

Бум-Друм недолго думая сгреб мальчика в охапку, положил прямо на стол, разжал наконечником стрелы зубы и насильно влил горько-кислую жидкость.

Матиуш вырывался, брыкался, плевался, но жидкость попала в рот, и он был спасен.

Еще бы чуть-чуть – и конец! Перед глазами у Матиуша уже быстро-быстро завертелись черные круги. К счастью, их было всего шесть на зеленом фоне.

И Матиуш не умер, а только проспал подряд три дня и три ночи.

XXIII

Верховный жрец испугался гнева вождя и попросил у Матиуша прощения, пообещав показать в награду замечательные фокусы. Эти фокусы жрецу разрешалось показывать только три раза в жизни.

Все уселись перед шатром на тигровых шкурах, и представление началось.

Жрец вынул из коробочки что-то маленькое и положил на ладонь. Это оказалась крохотная змейка. Она обвилась вокруг пальца жреца, зашипела, высунула жало не толще нитки и, вонзив его в палец, застыла – прямая, как палка. Жрец оторвал змею и показал на пальце капельку крови. Зрителей охватил священный трепет. «Подумаешь, капелька крови!» – недоумевал Матиуш. Но ему растолковали, что эта маленькая змейка страшнее леопардов и гиен: от ее укуса моментально наступает смерть.

А жрец между тем продолжал показывать фокусы. Вот он взошел на костер – из ушей, носа и рта полыхает огонь, а ему хоть бы что!

После этого он заиграл на дудочке, и сорок девять огромных змей затанцевали под музыку. Потом стал дуть на высоченную столетнюю пальму; дул до тех пор, пока ствол пальмы не начал медленно клониться к земле, и – крак! – она сломалась. Взмахнул палкой и зашагал между двумя деревьями по воздуху, как по мостику. Подбросил вверх шарик из слоновой кости, поставил голову – шарик упал на нее и бесследно исчез. Но вот он быстро-быстро закружился на месте, а когда остановился, все увидели у него две головы: одна смеялась, другая плакала. А под конец показал вот какую штуку. Отрубил одному мальчику голову, уложил ее в плетеную корзину и завертелся вокруг корзины в дикой, неистовой пляске. Потом пнул корзину ногой, и оттуда послышалась игра на дудочке. Жрец открыл крышку – и из корзины выскочил мальчик, которому он только что отрубил голову, и как ни в чем не бывало стал кувыркаться и прыгать. То же самое проделал он с птицей. Подстрелил влет птицу из лука. Пронзенная стрелой птица упала на землю, выдернула клювом стрелу и полетела к волшебнику. Тот взял у нее из клюва стрелу, а птица долго порхала вокруг.

«Пожалуй, ради стольких чудес стоит и отраву выпить», – подумал Матиуш.

То на верблюде, то на слоне путешествовал он по стране своего удивительного друга. Побывал в негритянских селениях, расположенных в непроходимых джунглях. Люди ютились там в плетеных хижинах, в грязи и нищете, вместе с домашними животными. Среди негров было много больных. Их ничего не стоило вылечить, были бы лекарства. Доктор давал им порошки и микстуры, они послушно, с благодарностью принимали их и выздоравливали. В лесах Матиуш не раз наткался на трупы людей, растерзанных хищниками или укушенных ядовитыми змеями.

Матиуш очень жалел негров, с которыми успел подружиться.

«Почему они не строят железных дорог и электростанций? – недоумевал он. – Почему у них нет кино, просторных, чистых жилищ, оружия для защиты от диких зверей? Ведь золота

и бриллиантов у них столько, что ребяташки играют ими, как простыми камешками.»

– Оттого, что белые братья не хотят нам помочь, – объяснил ему Бум-Друм.

И Матиуш решил, как только вернется на родину, дать в газетах объявление, чтобы все желающие ехали в Африку строить дома и прокладывать дороги.

Но никакие самые яркие впечатления не могли вытеснить из его головы мыслей о собственной стране и о реформах.

Однажды, когда они осматривали огромную золотую жилу, Матиуш попросил Бум-Друма одолжить ему немного золота.

– Да бери сколько хочешь, сколько верблюды увезут! У меня его что песка в пустыне! – расхохотался в ответ Бум-Друм. – Давать в долг другу? Нет, белый друг, бери все, что тебе нравится. Бум-Друм любит своего белого друга и готов служить ему до самой смерти...

Пора в обратный путь. Бум-Друм устроил на прощание большой праздник – праздник дружбы.

Во время пиршества он разрезал острой раковиной себе палец, то же самое проделал Матиуш. Черный владыка слизнул каплю крови с пальца Матиуша. Матиуш последовал его примеру. Хотя это было неприятно, но, наученный горьким опытом, он не противился. За этой процедурой последовали другие. Матиуша бросили в пруд, который кишел крокодилами и ядовитыми змеями, но Бум-Друм тотчас прыгнул в воду и вытащил его. Потом, намазанного каким-то жиром, Матиуша толкнули в костер. И опять в тот же миг кинулся в огонь Бум-Друм и спас друга. Матиуш даже не обжегся, только слегка волосы опалил. Но это еще не все. Под конец Матиуш прыгнул с высокой пальмы, а Бум-Друм так ловко его подхватил, что он совсем не ушибся.

«К чему весь этот цирк?» – недоумевал Матиуш. И профессор объяснил ему: слизанная капля крови означает, что если Матиуш будет умирать в пустыне от жажды, то друг напоит его собственной кровью. И вообще, где бы Матиушу ни грозила опасность – на воде, в воздухе, в огне, – черный брат Бум-Друм, рискуя жизнью, придет ему на помощь.

– Мы, белые, – говорил профессор, – пишем договоры на бумаге, а они не умеют писать и заключают договоры таким образом.

Жалко расставаться с новыми друзьями, но на родине ждут неотложные дела.

Накануне отъезда опечаленный Матиуш в последний раз пошел погулять в лес. Ярко светила луна. В сказочно-красивом лесу было тихо-тихо. Вдруг послышался шорох. Что это? Тигр? Змея? Матиуш сделал шаг вперед, и сзади опять что-то зашуршало.

Ясно, за ним кто-то крадется. Он остановился, вынул из кобуры револьвер – и ждет.

Оказалось – Матиуш разглядел ее при свете луны, – это была дочка вождя – маленькая веселая Клу-Клу. «Странно, зачем она здесь в эту пору?» – удивился Матиуш.

– Что с тобой. Клу-Клу? – спросил он на языке ее племени. (Матиуш уже немножко научился говорить на нем.)

– Клу-Клу кики рец, Клу-Клу кин брун...

Она говорила долго-долго, но Матиуш ничего не понял. Он постарался запомнить некоторые слова: «Кики, рец, брун, буз, кин».

Под конец Клу-Клу заплакала.

«Наверно, с ней приключилась какая-нибудь беда». И, чтобы утешить ее, он дал ей часы, зеркальце и красивый флакончик. Но это не помогло – по лицу Клу-Клу по-прежнему катились слезы.

Что бы это значило?

Вернувшись домой, он повторил профессору слова, которые запомнил, и тот сказал: Клу-Клу очень его полюбила и хочет уехать вместе с ним.

Матиуш попросил профессора передать Клу-Клу, что он скоро пригласит в гости ее отца, и тогда она сможет с ним приехать.

Однако думать о маленькой Клу-Клу было недосуг: перед отъездом предстояло еще много дел.

На пятьсот верблюдов навьючивали мешки с золотом, драгоценными камнями,

фруктами, африканскими лакомствами, приторачивали бурдюки с вином и сладкими напитками. Не забыли и про сигары для министров.

Матиуш уговорился с Бум-Друмом прислать через три месяца клетки для диких зверей. И предупредил, что может прилететь аэроплан – большая железная птица с белым человеком в животе. Пусть не пугаются.

Наконец день отъезда наступил, и рано утром они двинулись в обратный путь. Дорога через пустыню уже не казалась такой страшной: перенесенные испытания закаляли путников.

XXIV

Пока Матиуш гостил у Бум-Друма, министры не теряли времени даром: они сочиняли конституцию. А когда сочинили, с нетерпением стали поджидать короля. Ведь без королевской подписи этой бумажке грош цена!

Ждут-пождут, а Матиуш все не едет. «Где он, куда подевался?» – теряются министры в догадках. Им известно, что он благополучно достиг берегов Африки, потом ехал поездом, жил некоторое время в палатке в пограничном поселении белых. А дальше, доносил гарнизонный офицер, вождь людоедов прислал за Матиушем верблюдов, он уехал и как в воду канул.

Но вот в один прекрасный день от Матиуша приходит телеграмма:

ЖИВ-ЗДОРОВ, СКОРО БУДУ ДОМА.

– Счастливчик этот Матиуш! – завидовали ему иноземные короли.

– Везет ему, – шептались министры и вздыхали. «С войны вернулся – засадил нас в тюрьму, – думали они, – а теперь, чего доброго, велит зажарить и съест. Известно, хорошему людоеды не научат!»

Возвращался на родину Матиуш в прекрасном настроении. Еще бы! Путешествие удалось на славу. Он загорел, вырос, и аппетит у него был прямо-таки волчий. Не подозревая, какие страхи мучают министров, он решил подшутить над ними.

– Ну как, железные дороги в порядке? – спрашивает король, когда все собрались в тронном зале.

– В порядке, – отвечает министр железных дорог.

– Ну, смотрите, а то я прикажу сварить вас в крокодиловом соусе. А фабрик много построили?

– Много, – отвечает другой министр.

– Смотрите, а то я велю начинить вас бананами и зажарить.

У министров физиономии вытянулись и побелели, а Матиуш не выдержал и расхохотался.

– Господа, – сказал он, – не бойтесь, пожалуйста! Я не стал людоедом. И то, что говорили про моего друга Бум-Друма, выдумка и клевета.

Министры не поверили бы ни единому слову из рассказа Матиуша о его необычайных приключениях, если бы своими глазами не увидели целый состав, груженный золотом, серебром и драгоценными камнями. А когда Матиуш раздал им подарки Бум-Друма – ароматные сигары и сладкие африканские вина, – министры сменили гнев на милость.

В манифесте говорилось: «По велению его королевского величества отныне и впредь страной будет управлять народ в лице парламента...» и т. д.

– Теперь прошу записать, что я хочу сделать для детей, – сказал Матиуш. – Деньги есть, и можно приступить к делу. Итак, каждый мальчик и каждая девочка получают к лету по два мяча, а зимой – коньки. После уроков всем ученикам выдавать по одной конфете и сладкому пирожку. Девочкам, кроме того, ежегодно выдавать по новой кукле, а мальчикам – перочинный ножик. Во всех школах соорудить качели и карусели. К каждой купленной

книжке или тетради бесплатно прилагаются переводные картинки. Это только начало, в дальнейшем я намерен осуществить много реформ. Прошу подсчитать, сколько это будет стоить и сколько времени понадобится на их осуществление. На подсчеты даю недельный срок.

Вообразите радость ребят, когда они узнали про реформы. А в газетах писали, что это только начало. Значит, будет еще лучше!

И вот все, кто умел писать, стали строчить Матиушу письма с просьбой сделать то-то и то-то. В королевскую канцелярию письма приносили мешками. Статс-секретарь просматривал их и выбрасывал в корзинку. Так всегда поступают в королевских канцеляриях. Матиуш об этом, конечно, не знал. Но однажды он увидел, как лакей тащит на королевскую помойку огромную корзину бумаг.

«А нет ли там, случайно, редких марок?» – подумал Матиуш. (Он собирал марки и наклеивал в специальный альбом.)

– Что это за бумаги и конверты? – спросил он.

– А я почему знаю? – ответил лакей не слишком любезно.

Матиуш посмотрел: письма адресованы ему. Тогда он приказал отнести корзину в королевский кабинет и вызвал секретаря.

– Что это за бумаги, господин секретарь?

– Да так, всякие ерундовские письма вашему королевскому величеству.

– А кто распорядился выбрасывать их на помойку?

– Так всегда делали!

– Значит, плохо делали! – вспыхнул Матиуш. – Если письмо адресовано мне, я один могу судить, ерундовское оно или нет. Отныне все письма прошу передавать мне! Я сам буду их читать.

– Ваше величество, короли получают очень много писем. А если бы народ еще узнал, что они сами их читают, писем скопилось бы целые горы. И так десять чиновников тем только и заняты, что отбирают и читают самые важные.

– А какие считаются важными?

– От чужеземных королей, фабрикантов и других влиятельных лиц.

– А неважные?

– Вашему величеству больше всего пишут дети. Что взбредет в голову, то и пишут. А некоторые так накалякают, что ничего не разберешь.

– Если вам трудно разбирать детские каракули, я сам буду читать письма ребят. А чиновникам дайте другую работу. Я вот тоже мальчик, а выиграл же войну с тремя королями и совершил путешествие, на которое ни один из моих взрослых министров не отважился.

Секретарь, не сказав ни слова, с низким поклоном удалился, а Матиуш принялся за чтение. Час проходил за часом, а Матиуш все читал. Церемониймейстер несколько раз подсматривал в замочную скважину: чем занят король и почему не идет обедать? Но, видя короля, склоненного над бумагами, не решался его беспокоить.

Матиуш читал, читал, а писем все не убавлялось, хотя самые неразборчивые каракули он откладывал в сторону, на потом. Ребята писали Матиушу обо всякой всячине: один мальчик рассказывал свой сон; другой писал, какие у него замечательные голуби и кролики и он хочет подарить двух голубей и одного кролика королю, но не знает, как это сделать; третий делился с королем своими планами на зиму, когда он получит коньки. Одна девочка прислала стишок собственного сочинения, другая нарисовала картинку. От какого-то мальчика пришел в подарок целый альбом рисунков, изображающих Матиуша в стране людоедов. Не очень похоже, но зато красиво, и Матиуш с удовольствием рассматривал картинки.

Но больше всего было писем с просьбами. Кто просил велосипед, кто фотоаппарат, кто пони. Одна девочка писала, что у нее больна мама, а денег на лекарство нет. Мальчик жаловался: у него нет ботинок и не в чем ходить в школу, а учиться очень хочется. Он даже табель в конверт вложил, чтобы Матиуш не подумал, будто он лентяй.

«Может, лучше раздавать ребятам ботинки, а не мячи да куклы?» – подумал Матиуш, прочтя эти письма.

До поздней ночи просидел он за письменным столом, даже ужин велел принести в кабинет. Церемониймейстер опять заглядывал в щелку. У него и у лакеев слипались глаза, но лечь спать раньше короля они не имели права.

Письма с просьбами Матиуш откладывал отдельно.

«Как быть? И лекарство нужно больной матери. И ботинки нужны мальчику, который хочет учиться.»

У Матиуша от чтения даже глаза заболели. Особенно туго подвигалось дело с письмами, написанными неразборчиво. Он откладывал их в сторону, хотя понимал, что это неправильно. «Ведь совсем недавно у меня тоже вместо букв получались каракули, а подписывал же я важные документы. Может, у этих ребят какое-нибудь важное дело, и они не виноваты, что не умеют писать разборчиво. Хорошо бы заставить чиновников переписывать набело неразборчивые письма.» Прошло еще два часа. На столе лежало писем двести или больше. И Матиуш с горечью убедился, что один не справится.

«Завтра дочитаю», – решил он и уныло побрел в королевскую опочивальню.

«Как быть? – ломал он себе голову. – Если каждый день читать по столько писем, ни на что другое времени не хватит. А выбрасывать письма на помойку – величайшее свинство. Но откуда их столько берется?»

XXV

На другой день Матиуш встал ни свет ни заря, выпил наскоро стакан молока и побежал в кабинет. Уроки на сегодня он отменил и до самого обеда читал письма. Устал зверски, больше, чем на войне или во время странствия в пустыне. И вот когда он уже мечтал об обеде и отдыхе, в кабинет вошел секретарь, а за ним четверо лакеев с тяжелой ношей.

– Сегодняшняя почта, ваше королевское величество! – доложил секретарь и, как показалось Матиушу, усмехнулся.

– Это еще что такое, сто тысяч людоедов и крокодилов! – разозлившись, топнул Матиуш ногой. – Вы что, хотите, чтобы я ослеп? Где это видано, чтобы король читал по мешку писем в день?! И вообще, как вы смеете шутить над королем? Да я вас в тюрьму за это упеку!..

В глубине души Матиуш понимал, что не прав, но признаться в этом не хотел.

– Полна канцелярия лодырей! Письма в мусорный ящик швырять да королю носить – это они умеют, а как работать надо, у них голова болит. Я вам покажу, бездельники...

К счастью, в дверях кабинета появился канцлер. Смекнув, в чем дело, он велел лакеям унести злосчастный мешок, а секретарю подождать в соседней комнате. Когда четверо лакеев с огромным мешком скрылись за дверью, у Матиуша отлегло от сердца, но он продолжал делать вид, будто еще сердится.

– На что это похоже, господин канцлер, чтобы адресованные королю письма выбрасывались на помойку?! Почему от меня утаивают нужды моих подданных? Разве это справедливо, чтобы мальчик не ходил в школу из-за того, что у него нет ботинок? Куда смотрит министр юстиции! Впрочем, у моего друга Бум-Друма тоже нет ботинок, но у них климат тропический.

Матиуш долго совещался с государственным канцлером, потом позвал секретаря. Оказывается, старик больше двадцати лет работает в канцелярии. Он читал письма, которые приходили ещё на имя отца Матиуша и даже деда. Опыт по этой части у него был огромный.

– При жизни дедушки вашего величества в королевскую канцелярию ежедневно поступало сто писем. Это были хорошие времена! Во всем государстве насчитывалось не больше ста тысяч грамотных. А вот когда Стефан Мудрый построил школы, грамотных стало уже два миллиона. И в канцелярию приходило от шестисот до тысячи писем ежедневно. Одному читать столько писем было не под силу, и я нанял себе в помощь еще

пятерых чиновников. А с тех пор как наш милостивый король Матиуш Реформатор изволил подарить куклу дочке начальника пожарной команды, посыпались письма от детей – от пяти до десяти тысяч в день. Особенно много приходит в понедельник: в воскресенье дети школу не посещают и у них много свободного времени. Я как раз собирался подать прошение, чтобы мне разрешили взять еще пятерых помощников.

– Знаю, знаю, – перебил его Матиуш. – Но какая от вашего чтения польза, если письма выбрасываются на помойку?

– Прежде чем выбросить, их читают, конечно, если удастся разобрать почерк, и заносят каждое письмо под номером в особую книгу. И в отдельной графе записывают просьбу корреспондента.

Желая проверить, правда ли это, Матиуш спросил:

– Ну, а среди тех писем, которые лакей вчера нес на помойку, была просьба насчет ботинок?

– Не помню, но это можно проверить.

По распоряжению секретаря два чиновника, тяжело отдуваясь, внесли в королевский кабинет огромную книгу. И действительно, под № 47 000 000 000 нашли имя, фамилию и адрес мальчика, а в графе «Содержание письма» было написано: «Просит ботинки, чтобы ходить в школу».

– Я больше двадцати лет работаю чиновником, и у меня в канцелярии образцовый порядок.

Матиуш был мальчик справедливый. Он понял, что зря обидел старика.

– Большое вам спасибо, – сказал он, протянув ему руку.

В конце концов придумали такой выход из положения: письма по-прежнему будут читать чиновники, а самые интересные – не больше ста в день – откладывать для Матиуша. Для чтения писем с просьбами специально выделяют двух чиновников. Они должны проверять, правду пишут ребята или врут.

– Например, вот этот мальчик пишет, что ему нужны ботинки. А может, это неправда? Ваше королевское величество пошлет ему ботинки, а он продаст их и накупит сладостей.

Пришлось признать, что секретарь прав. Матиуш вспомнил, как на войне один солдат продавал сапоги и покупал водку, а потом просил новые.

«Жаль, что из-за лгунов и мошенников нельзя верить людям», – с горечью подумал Матиуш.

И решили еще вот что: Матиуш сам будет выдавать мальчикам и девочкам то, о чем они просили в письмах.

«Вот здорово! – обрадовался он. – Хоть с ребятами поговорю, а то все министры да послы – скука смертная!»

Итак, установили распорядок дня его величества короля Матиуша. С утра до двенадцати часов – уроки. В двенадцать – завтрак. После завтрака прием иностранных послов и министров. Потом чтение писем. Потом обед; после обеда будут приходить дети. А потом до ужина разные заседания и совещания с министрами. И – спать.

Когда все рассчитали по часам и минутам, Матиушу взгрустнулось. А когда же играть? Но он тут же одернул себя: «Король, даже если он мальчик, прежде всего должен думать не о себе, а о других. Может, настанет такое время, когда я переделаю все дела и тогда смогу поиграть часок-другой. И потом, я ведь путешествовал, – сам с собой рассуждал Матиуш, – видел столько интересного, месяц жил на море, побывал в гостях у Бум-Друма. Отдохнул, поразвлекся, пора за королевские дела приниматься!»

Сказано – сделано.

С утра Матиуш учится, потом чиновник вслух читает ему письма, а Матиуш, которому трудно долго сидеть на одном месте, заложив руки за спину, ходит взад-вперед по кабинету. В хорошую погоду письма по совету доктора читали в королевском парке.

В часы аудиенции во дворце собирался разный народ. Иностранные послы приходили справиться, когда открытие парламента. Фабриканты и подрядчики спрашивали у короля,

какие делать качели и карусели. Прибывали посольства из дальних тропических стран. Всем хотелось жить в дружбе с маленьким королем, который побывал в гостях у Бум-Друма. Некоторые послы хитрили, стараясь выгородить своих вождей и очернить Бум-Друма в глазах Матиуша.

Вообще с ними надо было держать ухо востро, не то попадешь впросак. Другое дело – дети. Они входили по очереди в тронный зал, и Матиуш давал им то, о чем они просили в письмах. Нужные вещи по распоряжению Матиуша заранее покупались в магазинах, и ребята, получив кто пальто, кто учебники, кто ботинки, довольные расходились по домам. Чистюли-девочки часто просили гребенки и зубные щетки. Кто хорошо рисовал, получал краски. Один маленький музыкант, который играл на губной гармошке, мечтал о скрипке. Когда ему дали новенькую скрипку в красивом футляре, он на радостях сыграл королю веселую песенку.

Иногда во время аудиенции ребята просили еще что-нибудь. Это сердило Матиуша: он ведь не маг и не волшебник и не может достать из-под земли книжку, игрушку или что-то еще.

Одна девочка, получив новое платье к свадьбе своей тети, попросила и куклу до самого потолка.

– Дура! – сказал Матиуш. – Будешь жадничать, я у тебя и платье отниму!

Вообще Матиуш стал многоопытным королем, и обмануть его было совсем не просто, не то что раньше.

XXVI

Однажды во время послеобеденной аудиенции Матиуш услышал за дверью необычный шум и возню. Сначала он не обратил на это внимания: ребята галдели иногда в приемной. Но нет, судя по всему, там кто-то спорил, возмущался, чего-то требовал. Лакей, посланный узнать в чем дело, доложил: какой-то взрослый уперся и требует, чтобы король во что бы то ни стало принял его.

Матиушу захотелось взглянуть на упряма, и он приказал его впустить.

В комнату ворвался длинноволосый человек с портфелем под мышкой и, не поздоровавшись, татараторил:

– Я, ваше королевское величество, журналист. Вы, конечно, знаете, так называются люди, которые делают газету. Целый месяц пытаюсь проникнуть к вам, но безуспешно. Все только слышу: «Завтра, завтра». А назавтра говорят: «Король устал, приходите в другой раз». Я уже по горло сыт этими «завтраками»! И вот, окончательно потеряв терпение, сделал вид, будто пришел со своим сыном. Думал, авось пропустят. Но не тут-то было! Лакеи узнали меня и опять гонят вон. А у меня очень важное дело, даже не одно, а несколько. Я не сомневаюсь, что вы с интересом меня выслушаете.

– Хорошо, – согласился Матиуш, – только подождите, пока я приму детей – это их часы.

– Позвольте, ваше величество, мне остаться в зале. Я буду сидеть тихо и не помешаю вам. А завтра напечатаю в газете статью про аудиенцию. Наши читатели с интересом прочтут об этом.

Матиуш велел принести стул, журналист сел и все время что-то записывал в свой блокнот...

– Ну, я вас слушаю, – сказал Матиуш, когда за последним мальчиком закрылась дверь.

– Государь, я не отниму у вас много времени. Я буду краток.

Несмотря на обещание, он говорил очень долго и рассказал Матиушу много интересного.

– Дело действительно важное, – выслушав его, сказал Матиуш. – Давайте поужинаем вместе, а потом продолжим наш разговор.

Журналист проговорил до одиннадцати часов, а Матиуш, заложив руки за спину, ходил

по кабинету и слушал.

Никогда Матиуш до сих пор не видел человека, который пишет газету. «Умный и, хотя взрослый, совсем не похож; ни на одного из моих министров» – отметил он про себя

– Вы только пишете или рисуете тоже?

– В газете одни сотрудники пишут статьи, другие рисуют. Мы будем очень рады, если вы завтра посетите нашу редакцию.

Матиуш, который уже давно никуда не выезжал из дворца, с радостью согласился.

Редакция помещалась в большом доме, украшенном в честь приезда короля флагами, цветами и коврами. На первом этаже находилась типография, там печатали газеты. В конторе на втором этаже свежие газеты связывали пачками и отправляли на почту, а оттуда рассылали по всей стране. Там же принимали объявления и продавали газеты. И, наконец, еще выше была редакция, где за столиками сидели мужчины и строчили статьи, которые немедленно набирались и печатались в типографии. Жизнь здесь была ключом: приносили телеграммы со всех концов мира, беспрерывно звонили, телефоны, чумазные мальчишки-курьеры сновали с бумагами из типографии в редакцию и обратно. За одним столом писали, за другим – рисовали, за стеной стучали пишущие машинки.

Совсем как на войне.

На серебряном подносе принесли свежую, пахнущую типографской краской газету с фотографией Матиуша во время аудиенции. А в статье под снимком слово в слово, что говорил он и что отвечали дети.

Матиуш пробыл в редакции целых два часа, и ему очень понравилось, как здесь быстро все делается. «Теперь я понимаю, почему они первыми узнают обо всем на свете: про пожары, кражи, происшествия, про то, кто под машину попал, и что делают короли и министры.»

– Как же вы не догадались, что я на фронте, а вместо меня на троне сидит фарфоровая кукла?

– Нам-то об этом было известно, только о некоторых вещах не полагается писать в газетах. Народ не должен знать слишком много. Это была государственная тайна, а разглашать тайны нельзя.

Вечером Матиуш опять долго беседовал с журналистом. Из разговора выяснилось следующее.

Никакой Матиуш не реформатор, и то, что он делал до сих пор, не реформы. Если он хочет, чтобы страной не на словах, а на деле управлял народ, надо созвать два парламента: один для взрослых, другой для детей. Дети выберут своих депутатов, и те от их имени заявят, нужны ли им шоколад, куклы, перочинные ножи или, скажем, ботинки и конфеты. Или деньги, чтобы самим покупать себе что хочется. И газета у них должна выходить своя, каждый день. Писать в нее будут сами дети о своих нуждах и пожеланиях. Это неправильно, что король один решает за всех. Разве может один человек все знать? А газета знает все. Вот, например, когда по приказу Матиуша ребятам раздавали шоколад, во многих деревнях чиновники съели его сами. Разве это справедливо? А так дети написали бы об этом в газету.

Четыре вечера подряд проговорили они с журналистом. И Матиуш словно прозрел. Как же ему самому не пришло это в голову? И вот на ближайшем государственном совете Матиуш попросил слова.

– Господа министры! – Матиуш по примеру канцлера выпил воды в знак того, что намерен произнести длинную речь. – Отныне страной будет править народ – это дело решенное. Но вы, господа, забыли, что народ – это не только взрослые, но и дети. У нас в стране несколько миллионов детей, значит, они тоже должны участвовать в управлении государством. Поэтому предлагаю создать два парламента: для взрослых и для детей. Я король взрослых и детей. Но если взрослые считают, что я для них мал, пусть выберут другого короля, а я буду королем детей...

Матиуш четыре раза отпивал воду из стакана – так долго он говорил. И министры смекнули: дело серьезное! Шоколадом, коньками да каруселями от него не отделаешься, ему

теперь настоящие реформы подавай!

– Это, конечно, нелегко, – продолжал Матиуш. – Любая реформа требует жертв и усилий. Но пора начинать. Если моей жизни не хватит, чтобы довести это дело до конца, его завершат мои дети и внуки.

Министры опустили головы, боясь, как бы король не догадался, о чем они думают. А они думали о том, какие глупые дети. Но вслух этого не скажешь, когда сам король – мальчишка.

«Хочешь не хочешь, а на уступки пойти придется. Например, газета. Можно издавать детскую газету, деньги ведь теперь есть.»

– А кто будет писать статьи в детскую газету? – Министры втайне надеялись похоронить эту идею.

– У меня есть на примете один журналист, а министром я назначу Фелека.

В последнее время Фелек часто злился и открыто высказывал недовольство, и Матиуш хотел доказать, что по-прежнему считает его своим другом.

– Эх, знаем мы цену королевской милости! На войне под пулями и Фелек хорош. А как по балам и театрам разъезжать да ракушки на морском берегу собирать – тут Фелека побоку, тут эти паиньки, Стасик да Еленка, больше подходят. А к людоедам ехать – опять про Фелека вспомнил. Еще бы, дело опасное. Стасика и Еленочку мамочка не пускает! Оно и понятно, мой отец простой солдат, а не господин капитан. Ну ничего, авось опять для какого-нибудь рискованного дела понадобится.

Очень неприятно, когда тебя считают гордецом и в придачу еще неблагодарным.

Пусть же Фелек убедится, что он нужен Матиушу не только в беде. Фелек – самый подходящий министр для детей. Вечно он носится с оравой мальчишек по улицам, и никто лучше его не знает ребят.

XXVII

Бедный Матиуш! Он и не подозревал, как трудно быть справедливым королем. Сколько трудов, хлопот и огорчений ждет его впереди!

В стране дела шли хорошо. В лесах полным ходом строили летние дома для детей. У каменщиков, плотников, печников, кровельщиков, стекольщиков и слесарей была работа, а значит, и деньги. Кирпичные и стекольные заводы, лесопилки работали в полную силу. Построили специальный завод, где делали коньки, и четыре кондитерские фабрики. Сооружали клетки и вагоны для перевозки диких зверей. Больших трудов и расходов потребовал вагон для слонов и верблюдов. А с длинношейей жирафой дело обстояло еще сложнее. За городом разбивали зоологический сад. А в городе строили два больших здания – парламент для взрослых и парламент для детей. У детей все было как у взрослых. Только дверные ручки прибили пониже, чтобы маленькие депутаты сами могли открывать дверь, стулья пониже, чтобы ноги доставали до пола, да окна пониже, чтобы смотреть на улицу во время скучных заседаний.

Страна благоденствовала. У ремесленников и мастеров была работа, фабриканты получали большие прибыли, дети радовались, что король заботится о них. Они читали свою газету, и каждый писал статьи о чем хотел. А кто не умел читать и писать, тот срочно учился. Статья в газете – это нешуточное дело! Родители и учителя тоже были довольны: дети стали учиться прилежней. И драк меньше: всем известно, драчунов и забияк в депутаты не выбирают. Для этого надо заслужить всеобщую любовь и уважение.

Матиуша любили теперь не только солдаты. Им восхищались все. Еще бы! Маленький, а какой мудрый!

Но никто не знал, сколько у него неприятностей, и все из-за зависти чужеземных королей.

– И чего этот Матиуш нос задирает? – ворчали они. – Хочет доказать, что он лучше нас, старых королей? Подумаешь, велика заслуга быть благодетелем за чужой счет! На его месте

каждый дурак сумел бы провести реформы. Вон сколько золота отвалил ему Бум-Друм! Только это еще вопрос, пристало ли белому королю якшаться с черномазым людоедом!

Об этих разговорах Матиушу донесли его шпионы. А министр иностранных дел предупредил, что может начаться война. Ах, как некстати сейчас война! Она расстроит все планы. Рабочие наденут солдатские шинели, уйдут на фронт, и дома останутся недостроенными.

А Матиуш мечтал, чтобы дети еще этим летом выехали за город, а осенью собрались оба парламента – взрослый и детский.

– Как избежать войны? – спросил Матиуш, в раздумье расхаживая по кабинету.

– Перессорить королей между собой и заключить союз с самым сильным.

– Вот здорово! Печальный король непременно будет за нас. Он еще тогда говорил мне, что не хотел воевать с нами. Потом, мы с его армией не сражались: она находилась в резерве. К тому же он мне сам советовал заняться реформами для детей.

– Это очень важно. Ну, допустим, он будет за нас, но те двое – наши злейшие враги.

– Почему? – спросил Матиуш.

– Один зол на нас из-за парламента.

– А ему какое дело?

– Как это какое дело? Его народ узнает про реформы и тоже захочет сам управлять своей страной. Произойдет революция – и ему капут!

– Ну, а второй?

– С этим, пожалуй, можно договориться. Он недоволен тем, что африканские вожди присылают теперь подарки не ему, а нам. Надо поделиться с ним, и он успокоится.

– Сейчас все меры хороши, лишь бы не было войны! – решительно сказал Матиуш.

И в тот же вечер написал Печальному королю длинное письмо, в котором сообщал о своих реформах, просил совета, жаловался на то, как трудно быть королем. В письме были такие строчки:

Как стало известно из донесений моих шпионов, иностранные короли завидуют мне из-за золота, которое присылает Бум-Друм, и хотят снова начать войну. Ваше королевское величество, будьте другом, поссорьтесь с ними, пожалуйста.

Поздно ночью Матиуш кончил писать и вышел на балкон посмотреть на город. На улицах горели фонари, а в домах ни одно окошко не светилося: все спали.

«Все давно спокойно спят, только я один бодрствую и пишу по ночам письма, – с горечью подумал Матиуш. – Да, войны надо избежать любой ценой, не то дома для ребят останутся недостроенными и никуда они летом не поедут. Каждый мальчик и девочка думает о своих уроках и игрушках, а у меня нет времени даже учиться, потому что я должен заботиться обо всех детях моей страны.»

Матиуш заглянул в детскую комнату. Игрушки покрылись толстым слоем пыли, их давно никто не трогал.

Матиуш взял в руки своего любимого Петрушку.

– Милый Петрушка, не сердись, что я тебя совсем забросил. Видишь ли, ты сделан из дерева и, пока тебя не сломают, лежишь себе спокойно и ничего тебе не надо. А мне приходится заботиться о живых людях, которым очень много всего надо.

Матиуш лег в постель, погасил свет и, уже засыпая, вспомнил, что не написал письмо тому королю, который злился на него из-за подарков негритянских королей.

Как быть? Оба письма надо отправить одновременно. Медлить нельзя, не то они, чего доброго, объявят войну, прежде чем получают письма.

Ничего не поделаешь, придется вставать. И хотя у Матиуша от усталости болела голова, он до самого утра сочинял письмо второму Королю.

После бессонной ночи опять целый день работай! А день выдался особенно тяжелый.

Из приморского города пришла телеграмма: Бум-Друм прислал пароход с дикими зверями и золотом, а король, которому принадлежит порт, не разрешает провозить груз через свою территорию.

Потом явились иноземные послы и сказали: их короли не желают, чтобы по их земле возили людоедские подарки. Раз позволили – и хватит. И вообще они не обязаны слушаться Матиуша. Слишком много он о себе воображает. Подумаешь, победил их один раз, зато теперь они купили новые пушки и не боятся его.

Послы вели себя вызывающе. Они явно хотели затеять ссору. Один даже ногой топнул, и церемониймейстер сделал ему замечание, что в присутствии короля топтать ногами не полагается. Матиуш покраснел от гнева – недаром в жилах его текла кровь Генриха Свирепого – и чуть не крикнул: «Я вас тоже не боюсь! Давайте посмотрим, кто кого!»

Но он взял себя в руки и, побледнев, заговорил так, словно не слышал обидных речей:

– Господа послы, вы напрасно сердитесь! Я вашим королям не угрожаю войной и как раз вчера написал им письма, в которых предлагаю жить в мире. Вот, пожалуйста, передайте им. Здесь только два письма, третье будет готово сегодня. Если они не хотят провозить бесплатно подарки Бум-Друма по своей земле, я охотно им заплачу. Мне просто не пришло в голову, что вашим королям это может быть неприятно.

Не зная, что написано в письмах – конверты были заклеены и запечатаны сургучом с королевской печатью, – послы прикусили языки и, ворча себе что-то под нос, отправились восвояси.

После их ухода Матиуш совещался с журналистом, потом с Фелеком, потом с министрами. И еще в тот же день подписывал важные бумаги, принимал кого-то и присутствовал на военном параде по случаю годовщины победы, одержанной его предком Витольдом Непобедимым.

Доктор, увидев вечером бледное, измученное лицо Матиуша, всплеснул руками:

– Ваше величество, нельзя так переутомляться. Вы слишком много работаете, а спите и едите мало. В вашем возрасте человек растет, и при таком образе жизни легко заболеть туберкулезом. Смотрите, как бы у вас не пошла горлом кровь...

– Я вчера уже плевался кровью, – признался Матиуш.

Доктор переполошился, осмотрел его, но оказалось, у него просто выпал молочный зуб.

– А зуб где, ваше величество? – спросил присутствовавший при осмотре церемониймейстер.

– Я его в корзинку для бумаг выкинул.

Церемониймейстер промолчал, но про себя подумал: «Ну и времена настали! Королевские зубы, как ненужный хлам, выбрасываются на помойку».

Оказывается, испокон веку существовал обычай: выпавшие королевские зубы оправлять в золото и складывать в шкатулку, выложенную бриллиантами, а шкатулку хранить в королевской сокровищнице.

XXVIII

Матиуш решил пригласить в гости иностранных королей. Во-первых, он был у них с визитом, и теперь полагалось позвать их к себе. Во-вторых, Матиуш хотел в присутствии всех королей торжественно открыть первое заседание парламента. В-третьих, пусть полюбуются его новым зверинцем. Но это все предлоги, а главное – встретиться и поговорить откровенно: мир или война?

И вот за одним письмом летит вдогонку второе, третье, за телеграммой – телеграмма, министры уезжают и приезжают. Дело чрезвычайной важности: или мир, то есть спокойный труд на благо своей страны, изобилие и всеобщее счастье, или война, то есть смерть, разорение и всеобщее горе.

Во дворце днем и ночью заседают. Та же картина за границей, у иностранных королей.

Однажды на аудиенцию к Матиушу явился иноземный посол.

– Мой король хочет жить с вами в мире.
– Тогда зачем же он вооружается и строит новые крепости? Кто не собирается воевать, тому крепости не нужны.

– Достаточно с моего короля и одного поражения. Он не желает быть застигнутым врасплох. Но это вовсе не значит, что он собирается напасть на вашу страну.

А шпионы донесли Матиушу, что именно этот король грозит ему отомстить. Собственно, не сам король – он был дряхлым, уставшим от жизни стариком, – а его сын, наследник престола. Он подбивал отца напасть на Матиуша. Шпионам даже удалось подслушать один их разговор.

– Ты, отец, стар и немощен, отдай мне корону, и увидишь, я в два счета разделаюсь с этим мальчишкой!

– А что он сделал тебе плохого? По-моему, он очень славный мальчик.

– «Славный, славный»... – передразнил тот старика отца. – А тебе известно, что этот славный мальчик предложил Печальному королю заключить союз против нас? И с другим нашим соседом договорился поровну делить подарки африканских вождей... А нам кто будет присылать золото и драгоценные дары? Потом они сговорятся между собой и втроем нападут на нас. Поэтому необходимо построить две новые крепости и увеличить войско.

Когда короли не доверяют друг другу, они посылают шпионов за границу, и те подсматривают, подслушивают, вынюхивают и доносят обо всем. У наследника Старого короля тоже были шпионы, поэтому он знал все секреты Матиуша.

Как ни кричал и ни жался Старый король, а пришлось согласиться на постройку одной крепости и на увеличение войска. Страшно было снова проиграть войну. А еще страшней было б слушать попреки сына: «Вот и вышло по-моему, опять тебе накостыляли. Нечего быть собакой на сене. Коли нет сил, отдавай власть!»

Переговоры тянулись всю осень и зиму. Было непонятно, кто кому друг, а кто – враг.

Наконец, Матиуш получил такой ответ:

Приедем с удовольствием, но с одним условием: если среди приглашенных не будет Бум-Друма. Мы, белые короли, не так воспитаны, чтобы сидеть за одним столом с людоедом. Это унижает наше королевское достоинство.

Послание трех королев задело Матиуша за живое. Ах вот как, значит, он плохо воспитан, значит, он не дорожит своей честью! Министр иностранных дел уговаривал его успокоиться и сделать вид, будто он не понял обидных намеков.

Но Матиуш заупрямился:

– Не желаю прикидываться дурачком! Не хотят – как хотят! Они оскорбляют не только меня, но и моего лучшего друга, который присягнул мне в верности. Где бы мне ни угрожала опасность – в огне, на воде или в воздухе, – он готов отдать за меня жизнь. Он мой самый верный друг. И лучшее тому доказательство – ни я к нему, ни он ко мне не засылает шпионов. А белые короли – лицемеры и завистники. Я так им и напишу!

Министр иностранных дел не на шутку перепугался.

– Ваше величество, вы не хотите войны, а такой ответ – это явный вызов. Надо ответить иначе.

Опять Матиуш всю ночь не спал: сочинял с министром письмо королям.

Он писал, что подружился с Бум-Друмом. Что Бум-Друм не хочет быть дикарем, но жрецы чинят ему препятствия и грозятся отравить. Им выгодно держать народ в темноте и невежестве. Он готов лично проверить, исправился ли Бум-Друм, и известить об этом белых королей.

А в конце была приписка:

Что касается королевского достоинства, то я дорожу им не меньше, чем вы. А честь моего черного друга готов защищать до последней капли крови.

Иными словами это означало: «Берегитесь! Я за себя сумею постоять. И хотя войны не хочу, но, если нужно, буду воевать».

Белые короли написали в ответ: «Хорошо, если Бум-Друм действительно исправился и усвоил хорошие манеры, мы согласны приехать и сидеть с ним за одним столом».

Но это оказалась хитрая уловка. На самом деле они хотели выиграть время. Особенно сын Старого короля, чьи крепости еще не были готовы.

Они думали так: «Допустим, Матиуш напишет нам, что Бум-Друм отказался от своих дикарских привычек, а мы ему ответим: негры вероломны, им верить нельзя. Нам нужны более веские доказательства, иначе мы не приедем».

Но Матиуш перехитрил их. Как говорится, утер им нос.

– Лечу в Африку на аэроплане! – заявил он, ко всеобщему удивлению, получив письмо белых королей. – Хочу убедиться, что черный король умеет держать слово.

Напрасно министры советовали ему отказаться от опасного путешествия. Чем только они его не пугали: и сильным ветром, и тем, что не хватит бензина и что мотор испортится и пилот заблудится...

Сам фабрикант, который делал аэропланы, отговаривал Матиуша лететь в Африку. Хотя это было не в его интересах: ведь королевский заказ сулил ему огромную прибыль.

– Я не ручаюсь, что мотор выдержит пятидневный перелет и не забарахлит. Наши аэропланы рассчитаны на умеренный климат, и неизвестно, как влияет на них жара. А где найти в пустыне механика, если сломается самый маленький винтик? Больше двух человек аэроплан не поднимет, значит, лететь могут только король да пилот. А как же договориться с Бум-Друмом без профессора, который знает пятьдесят языков?

Матиуш слушал и кивал головой: согласен, мол, путешествие очень опасное. Да, можно заблудиться в пустыне. Действительно, обойтись без профессора очень трудно... Но тем не менее он решил лететь и своего решения не изменит.

Фабриканта он попросил не жалеть денег и пригласить самых лучших мастеров, раздобыть самые лучшие инструменты и материалы: аэроплан надо изготовить быстро и хорошо.

Фабрикант отложил все другие заказы. В три смены день и ночь работали самые опытные мастера. А главный инженер от переутомления даже заболел.

Матиуш ежедневно приезжал на завод и просиживал там долгие часы, рассматривая каждый винтик и каждый болтик.

Трудно себе представить, какую сенсацию в стране и за границей вызвало сообщение о предполагаемом полете Матиуша в Африку. В газетах ни о чем другом не писали. Как только не называли Матиуша: и «Покорителем атмосферы», и «Владыкой пустыни», и «Матиушем Великим», и «Матиушем Безумным».

– Ну, теперь ему крышка! – пророчили недоброжелатели. – Два раза этот номер не пройдет.

Остановка была за пилотом. О своем желании лететь заявили двое – безногий одноглазый старик и Фелек.

Безногий старик работал старшим механиком на фабрике самолетов. Он летал на аэропланах еще в те времена, когда они были очень несовершенны: часто падали на землю и разбивались. На его счету было семь аварий: четыре раза он отделался сильным ушибом, в пятый – лишился глаза, в шестой – переломал ноги, в седьмой – сломал Два ребра и так трахнулся головой об землю, что потерял дар речи и год пролежал в больнице. До сих пор он говорил не очень разборчиво. Последний случай отбил у него всякую охоту летать, но любовь к аэропланам привела его на завод, где их строили.

«Если мне самому не суждено летать, буду хоть строить аэропланы для других», – подумал он.

Когда весть о полете Матиуша дошла до старого пилота, он решил, что на этот раз полетит. «Руки у меня еще сильные, – сказал он, – а мой один глаз двух стоит».

Где Фелеку тягаться с таким опытным пилотом! И он охотно уступил старику эту честь, понимая, как велик риск погибнуть и как мало шансов на успех.

И вот безрассудный Матиуш со своим безногим товарищем отправился в путь.

XXIX

К телеграфисту зашел как-то начальник гарнизона. Сидит, курит трубку и жалуется на свою судьбу:

– Вот собачья жизнь! Сижу в этой проклятой дыре, кругом сплошные пески, света белого не вижу. А с тех пор как побывал здесь король Матиуш и через наш поселок стали возить клетки с дикими зверями да мешки с золотом, вовсе неведомо стало. Подумать только, дикие звери и те будут жить в красивом, большом городе, а я до конца своих дней обречен прозябать в этой глуши!

Телеграфист хотел что-то сказать, но тут – дзинь-дзинь! – зазвонил аппарат.

– Телеграмма!

Аппарат застучал, и по белой бумаге побежали буквы.

– Ого, важные новости!..

– Что, что случилось?

– Подождите, сейчас скажу. Ну, слушайте:

Завтра четыре прибудет поездом король Матиуш тчк
Тем же поездом доставят аэроплан тчк
Приказываю испортить аэроплане
самую важную деталь тчк
Полет необходимо сорвать тчк
Совершенно секретно тчк

– Понятно, – сказал офицер. – Нашим королям не по нраву дружба Матиуша с Бум-Друмом. Приказ очень неприятный. Они как собаки на сене: сами жить в дружбе с Бум-Друмом не хотят и Матиушу не дают. Это свинство с их стороны. Но ничего не поделаешь, я человек военный, обязан выполнять приказ.

Офицер немедленно вызвал верного солдата и велел ему переодеться грузчиком.

– На железной дороге грузчиками работают негры. Когда Матиуш увидит среди них белого, он непременно наймет тебя наблюдать за дикарями. Приказываю тебе вывинтить самый важный винтик, без которого аэроплан не сможет подняться в воздух.

– Есть вывинтить самый важный винтик! – ответил солдат, переоделся грузчиком и пошел на станцию.

Поезд остановился. Из вагона вышел Матиуш, и его сразу окружили негры-грузчики. Матиуш знаками объясняет им: надо выгрузить вон ту машину, только очень осторожно, чтобы не сломать. И вдруг, к своей великой радости, видит в толпе белого человека.

– Я вам хорошо заплачу, – сказал Матиуш, обращаясь к переодетому солдату, – только растолкуйте им, пожалуйста, что они должны делать, и последите за ними.

Тут примчался офицер с таким видом, будто только что узнал о приезде Матиуша:

– Как?! Что я слышу?! На аэроплане через пустыню? Вот это здорово!.. Завтра? Поживите у нас денек-другой, отдохните. А сейчас пожалуйста ко мне завтракать.

Матиуш охотно согласился, а пилот отказался наотрез:

– Я на свой единственный глаз надеюсь больше, чем на десяток чужих.

– Не извольте беспокоиться, все будет в порядке, – заверил его мнимый грузчик.

Но безногий пилот – ни в какую: нет и нет! Пока аэроплан не выгрузят и не соберут, он никуда отсюда не уйдет.

Как известно, спорить с упрямым – дело бесполезное. Негры выгрузили по отдельности крылья, ящик с мотором, пропеллер, а потом под руководством пилота стали

собирать аэроплан. Все старания переодетого солдата избавиться от дотошного пилота ни к чему не привели. Тогда он прибегнул к крайнему средству: угостил пилота усыпляющей сигарой. Тот затанулся несколько раз и уснул.

– Пусть белый человек поспит, он устал с дороги, – сказал обманщик. – И вам пора отдохнуть. Вот деньги – идите выпейте водки.

Грузчики ушли.

Пилот крепко спал. А солдат отвинтил самый важный винтик, без которого аэроплан не мог летать, и закопал его в песок под пальмой.

Через час пилот проснулся. Ему стало стыдно, что он заснул во время такой ответственной работы, и он быстро dokonчил сборку аэроплана. Негры откатали его к казарме.

– Ну как? – тихо спросил офицер.

– Все в порядке, – прошептал солдат. – Винтик зарыл под пальмой. Прикажете принести?

– Не надо, пусть лежит там.

Солнце еще не взошло, а Матиуш уже готовился в путь: взял запас воды на четыре дня, немного еды, два револьвера, налил бензина, на всякий случай прихватил машинное масло. Лишнего ничего не взял: аэроплан перегружать нельзя.

– Ну, можно трогаться.

Но что это? Мотор не заводится. Что случилось? Ведь пилот сам укладывал мотор в ящик, сам проверил все детали.

– Вот здесь не хватает винтика! – вдруг воскликнул он. – Кто мог отвинтить его?

– Какого винтика? – с невинным видом спрашивает офицер.

– Вот тут, тут должен быть винтик. Без него аэроплан не может лететь.

– А запасного вы не захватили?

– Только сумасшедшие берут про запас части, которые никогда не ломаются.

– Может, его забыли привинтить?

– Как бы не так! Я его сам на фабрике привинчивал. И вчера, когда мотор вынимали из ящика, я его тоже видел. Это кто-то нарочно сделал.

– А он блестящий? – спросил офицер. – Негры страсть до чего любят все блестящее!

Матиуш с убитым видом молча стоял возле аэроплана и вдруг видит – что-то сверкнуло в песке под крылом.

– Что это? Ну-ка посмотрите!

Каково же было всеобщее удивление, когда оказалось, что блестящий предмет – это пропавший винтик.

– Чудеса в решете! – воскликнул пилот. – Не иначе здесь нечистая сила орудует! Сколько лет на свете живу, никогда раньше на работе не засыпал, а вчера заснул. Сколько разных деталей портилось и ломалось у меня – не счесть! Но чтобы этот винтик отвинтился, такого еще не бывало! И как он здесь очутился?

– Скорей! – сказал Матиуш. – Мы и так целый час потеряли.

Не меньше путешественников был удивлен случившимся и офицер, а стоявший неподалеку солдат и вовсе сбит с толку.

«Не иначе проделки этих черных дьяволов!» – подумал он.

Сойдясь в трактире, негры стали рассуждать об удивительной машине, которую они сгружали с поезда:

– Совсем как птица. Белый король полетит на ней к Бум-Друму.

– И чего только эти белые не придумают! – качали они головами.

– А меня больше белой птицы удивил белый грузчик, – промолвил старик негр. – Тридцать лет работаю я у белых и не припомню случая, чтобы белый человек пожалел негра да еще деньги вперед заплатил.

– Правда, откуда он взялся? Может, с ним приехал?

– Нет, это кто-то из местных переоделся грузчиком. Для приезжего он слишком хорошо

знает наш язык.

– А вы заметили, безногий механик заснул после того, как белый носильщик угостил его сигарой? Сигара-то, наверно, была усыпляющая.

– Здесь что-то неладно, – согласились все.

Закончив работу, белый грузчик ушел, а негры расположились в тени пальмы, под которой был зарыт винтик.

– Смотрите, здесь кто-то совсем недавно копал песок. Я хорошо помню: когда мы пришли сюда, песок под пальмой был нетронутый.

Негры разгребли песок, нашли винтик и сразу обо всем догадались.

Как быть? Ясно, белые хотят погубить Матиуша, а они, негры, любят Матиуша. Разве мало денег зарабатывают они, с тех пор как из страны Бум-Друма привозят на верблюдах большие тяжелые клетки, ящики, мешки и они грузят все это в утробу изрыгающего пламя дракона, которого белые называют поездом!

Как быть? Отдать винтик Матиушу! Но офицер узнает и жестоко им отомстит. После долгих пересудов решили подкрасться ночью к аэроплану и подбросить винтик.

Так они и сделали. И вот благодаря неграм Матиуш с опозданием на три часа отправился в путь.

XXX

Заблудились!

Кто не пережил это сам, не поймет, в каком ужасном положении очутился Матиуш. Если ты заблудился в лесу, можно утолить голод ягодами, напиться из ручья, лечь под дерево и заснуть; наконец, есть надежда набрести на сторожку лесника. Если корабль сбился с курса, тоже не так страшно: на корабле много народу – поговоришь, отведешь душу, и станет легче. Кроме того, на корабле есть запас провизии, а там, глядишь, покажется на горизонте какой-нибудь островок. А вот заблудиться вдвоем, да еще в воздухе, над пустыней – страшной этого, пожалуй, нет ничего на свете. Дорогу спросить не у кого: кругом, насколько хватает взгляд, – песок да небо. Даже целительный сон не приходит.

Сидишь в брюхе чудовищной птицы, и она как стрела летит неведомо куда, но ты знаешь: ей суждено мчаться до тех пор, пока хватит бензина, а потом она замертво рухнет на землю. Умрет гигантская птица и вместе с ней надежда на спасение. Если повезет и ты не разобьешься при падении, тебя ждет верная смерть в знойных песках пустыни.

Двадцать ученых высчитали, сколько часов отважные путешественники будут находиться в полете. Высчитали точно, с учетом силы ветра. И вот два дня назад они точно по графику пролетели над вторым оазисом. Сегодня в семь утра должны миновать третий оазис, а в четыре достигнуть границ страны Бум-Друма. Направление они не меняли: ведь в воздухе нет преград, которые нужно огибать.

Что же произошло?

Сейчас без двадцати минут восемь, а под ними песок и песок.

– Сколько времени мы еще можем продержаться в воздухе?

– Самое большее шесть часов. Бензина хватило бы и дольше, но масла это чудовище выпивает страх сколько. Да и неудивительно – жарко, вот ему и пить охота.

Их тоже мучила жажда, но запас воды был небольшой.

– Пейте, ваше величество, мне, безногому, меньше воды нужно, – шутил пилот, но Матиуш заметил слезы в глазах у смельчака.

– Без четверти восемь...

– Без десяти восемь...

– Восемь...

Оазиса все нет.

Если бы гроза бушевала или ураган, не так обидно бы погибнуть. А то все идет гладко, первый оазис пролетели на десять секунд раньше срока, второй – с опозданием на четыре

секунды. Скорость полета все время одинаковая. Ну, допустим, возможно опоздание на пять минут, но прошел-то уже целый час.

А ведь они были почти у цели. И сегодня завершилось бы последнее опасное путешествие Матиуша, на которое возлагалось столько надежд!

– Может, изменим направление? – предложил Матиуш.

– Изменить направление – дело нехитрое. Мой аэроплан послушен малейшему движению руки. Как славно он летит! Он не виноват в том, что случилось. Не огорчайся, моя птаха, тебя никто не винит... Ну, изменим направление. А дальше что? По-моему, не надо менять курс. Может, это опять, как с винтиком, дьявольские козни? Каким образом он исчез и почему вдруг нашелся?.. Мотор снова пить просит. Ну, дуралей, выпей стопочку масла, только помни: пьянство до добра не доводит. Если будешь продолжать в том же духе, тебя ждет плачевная участь.

– Оазис! – вскричал вдруг Матиуш, не отрывавший глаз от бинокля.

– Тем лучше, – невозмутимо сказал пилот. Ему все нипочем. Он одинаково спокоен: нет оазиса или есть оазис. – Опаздываем на час пять минут. Но это не беда. Благодаря попутному ветру горячего хватит на три часа. Давай-ка выпьем. – Пилот налил кружку и чокнулся с масляной горловиной: – За твое здоровье, дружище!.. – и, подлив масла в машину, залпом выпил целую кружку воды. – Дайте-ка, ваше величество, бинокль, посмотрю и я своим единственным глазом на это чудо... Хе-хе, знатные у Бум-Друма деревья! А вдруг Бум-Друм все-таки людоед? Быть съеденным, если знаешь, что придется по вкусу, еще полбеды. А у меня мясо жесткое, жилистое, да и бульон из поломанных ребер наваристый не получится.

Матиуш очень удивился: почему этот молчаливый человек, не сказавший почти ни слова за всю дорогу, стал вдруг таким разговорчивым и веселым?

– А вы уверены, ваше величество, что это тот самый оазис? Если за ним опять начнется проклятая пустыня, лучше уж приземлиться здесь.

Матиуш не мог утверждать с уверенностью: ведь сверху все выглядит иначе. Но одно знал он твердо, приземляться ни в коем случае нельзя, иначе попадешь в руки кровожадных разбойников пустыни или тебя растерзают хищные звери.

– Может, спустимся пониже, посмотрим что и как?

– Давайте, – согласился Матиуш.

До сих пор они летели на большой высоте, это спасало их от жары и уменьшало расход масла. Но теперь, когда до конца путешествия осталось несколько часов, об этом можно было не заботиться.

Аэроплан зарычал, дернулся и пошел на снижение.

– Что это? – удивился Матиуш и тут же крикнул: – Скорей набирай высоту!

В крылья аэроплана вонзилось с десятков стрел.

– Вас не ранило? – встревожился Матиуш.

– Нет, нет, не беспокойтесь! Нечего сказать, хорошо они нас встречают! – прибавил пилот.

Просвистело еще несколько стрел, и аэроплан взмыл вверх.

– Это тот самый оазис! Разбойники пустыни рыщут поблизости от лесов Бум-Друма: в безлюдных песках им нечего делать.

– Вы уверены, что аэроплан не понадобится нам больше и обратно мы поедем на верблюдах?

– Конечно! Бум-Друм, как и в прошлый раз, отправит нас на верблюдах. И потом, если масло там еще можно раздобыть, где же мы возьмем бензин?

– В таком случае, – сказал пилот, – рискнем. Всякий уважающий себя машинист, когда опаздывает, поддает пару и прибывает на станцию точно по расписанию. Сделаю и я так:

разовью предельную скорость, чтобы прилететь на место вовремя. Эх, была не была! Может, это мой последний полет!

Пилот поднажал, и через минуту разбойники и оазис остались далеко позади.

– А стрелы не причинят нам вреда? – спросил Матиуш.

– Нет, пусть себе торчат на здоровье.

Летят, летят они. Мотор работает без перебоев, и вот внизу снова замелькали редкие кустики и чахлые деревца.

– Лошадка моя почуяла конюшню! – пошутил пилот.

Они выпили остаток воды, доели продукты. Ведь неизвестно, сколько времени продлится торжественная встреча и когда их накормят. И потом, неловко приезжать в гости голодными, а то хозяева еще подумают, будто они приехали специально для того, чтобы поесть.

Матиуш разглядел серую полосу лесов вдаль. Они сбавили скорость и стали осторожно снижаться.

– А в лесу есть какая-нибудь полянка? – спросил пилот. – Ведь на деревья мы не можем сесть. Правда, однажды я посадил аэроплан в лесу, вернее, не я – его, а он – меня. Вот тогда я и потерял глаз. Но в то время я сам был молод, и аэропланы были молодые и непослушные.

Матиуш помнил: перед королевским дворцом, то есть шалашом, была полянка. Самолет низко кружил над землей, отыскивая место для посадки.

– Правее! – командовал Матиуш, приставив к глазам бинокль. – Не так круто. Чуть-чуть назад. Левее. Поменьше круг... Хорошо.

– А теперь и я вижу. Но что это?!

– Набрать высоту! – испуганно вскричал Матиуш.

Они поднялись выше, а снизу до их слуха долетел оглушительный крик, словно разом завывали все обитатели джунглей. Поляна перед королевским шалашом кишела людьми – как говорится, яблоку негде упасть.

– Что-то случилось. Или Бум-Друм умер, или у них праздник...

– Все это хорошо, но головы – не самая лучшая посадочная площадка.

– Надо опускаться и подниматься до тех пор, пока они не разбегутся.

Аэроплан опускался и поднимался семь раз. Наконец негры поняли, что огромная птица хочет сесть на поляну, и отступили к деревьям. Аэроплан благополучно приземлился.

Не успел Матиуш ступить на землю, как к нему подлетел кто-то маленький, лохматый и повис у него на шее. Когда у него перестала кружиться голова и рябить в глазах, он узнал в этом маленьком лохматом существе дочь вождя – Клу-Клу.

XXXI

Что случилось? Матиуш ничего не понимал. Все произошло, как во сне или в кино – стремительно и внезапно.

Прежде всего Матиуш увидел на куче хвороста Бум-Друма, связанного африканскими веревками из лиан. Вокруг стояли черные жрецы. Вид их вселял ужас, особенно страшен был один: с двумя крыльями, двумя головами, четырьмя руками и двумя ногами. В одной из четырех рук он держал доску, на которой было не то написано что-то, не то нарисовано человеческой кровью. И Матиуш догадался: Бум-Друма хотят сжечь на костре. В стороне стояли жены Бум-Друма, тоже связанные, и каждая держала острием к сердцу отравленную стрелу. Дети Бум-Друма плакали, бегали в знак печали на четвереньках и кувыркались через голову. Так в их стране принято выражать скорбь. А маленькая Клу-Клу тащила Матиуша к отцу и лепетала что-то по-своему, но что именно, Матиуш не понимал. На всякий случай, выхватив револьвер, он выстрелил в воздух. И в тот же миг позади себя услышал страшный крик. Обернувшись, Матиуш увидел, как пилот взмахнул руками, посинел и замертво упал на землю.

Прежде чем Матиуш опомнился, из всех глоток вырвался дикий вопль. «С ума они

сошли, что ли!» – подумал Матиуш. Жрец о двух головах перерезал веревки, которыми был связан Бум-Друм, и закружился в дикой пляске. Потом вспрыгнул на кучу хвороста, где только что лежал Бум-Друм, и поднес к дровам горящий факел. Дрова, пропитанные каким-то легковоспламеняющимся составом, мгновенно вспыхнули, и запылал жаркий огонь. Матиуш и Клу-Клу едва успели отскочить в сторону.

У аэроплана, стоявшего неподалеку от костра, загорелось одно крыло, потом раздался грохот – это взорвался бак с бензином. Кто-то подхватил Матиуша на руки и посадил на золотой трон. Бум-Друм и другие вожди, помельче, подходили по очереди к трону, низко кланялись, произнося непонятные заклинания.

Тело мертвого пилота обернули пропитанными благовониями тканями. От них исходил такой сильный запах, что у Матиуша закружилась голова.

«Что все это значит?» – недоумевал Матиуш.

Произошло какое-то из ряда вон выходящее событие. Это ясно. Но какое именно? Похоже, он спас жизнь Бум-Друму и его женам. Самому Матиушу, кажется, тоже не угрожает опасность. Но разве можно быть в чем-нибудь уверенным в этой чудной стране?

Откуда взялись эти несметные толпы? И что они затевают? Вот в джунглях вспыхнуло несколько тысяч костров, и негры пляшут, поют, играют. У каждого племени свои мелодии, свои песни.

То, что здесь собрались не только подданные Бум-Друма, Матиуш догадался по нарядам. У одних – это были обитатели джунглей – одежда состояла из пальмовых ветвей и перьев; у других за спиной висели панцири гигантских морских черепах; третьи были в обезьяньих шкурах; четвертые – совсем голые, с украшениями в носу и ушах.

Матиуш был не робкого десятка. Ему не раз приходилось смотреть смерти в глаза. Но оказаться совсем одному, вдали от дома, среди тысячи дикарей... Нет, это было чересчур даже для мужественного сердца Матиуша. А когда он вспомнил, при каких таинственных обстоятельствах погиб его преданный спутник, ему стало до того грустно, что он громко заплакал.

Матиуша поместили в шатре из львиных и тигровых шкур. Он хотел поплакать без помех и свидетелей, но не тут-то было! Маленькая Клу-Клу, которая ходила за ним по пятам и не оставляла ни на минуту одного, и на этот раз оказалась рядом. Матиуш разглядел ее при свете огромного алмаза. Она положила ему на лоб руку и тихо-тихо заплакала.

«Как жалко, что я не понимаю их языка! – досадовал Матиуш. – Клу-Клу мне бы все объяснила.» Девочка без умолку говорила, медленно, по нескольку раз повторяя одни и те же слова. Она думала: может, так будет понятней. Пыталась растолковать что-то знаками. Но Матиуш из всего этого понял только две вещи. Первое: Клу-Клу – его самый преданный друг, и второе: ему не угрожает никакая опасность – ни сейчас, ни в будущем.

Несмотря на усталость, Матиуш всю ночь не сомкнул глаз.

И лишь под утро, когда крики немного утихли, Матиуш заснул. Но его скоро разбудили, посадили опять на золотой трон, и каждое племя преподнесло ему дары. Матиуш улыбался, благодарил, но про себя думал: на всем земном шаре не хватит верблюдов, чтобы перевезти это добро через пустыню. Кроме того, перед отъездом белые короли объявили Матиушу, что разрешат провозить через свои страны только клетки с дикими зверями и больше ничего – ни за какие деньги!

«Был бы у меня собственный порт и собственный флот, тогда другое дело», – подумал Матиуш.

И еще он подумал: «Если опять начнется война и я опять одержу победу, то потребую у заграничного короля один морской порт и не буду зависеть от его милостей».

Матиуш с удовольствием отдохнул бы здесь с недельку, да нельзя, дела не позволяют. Вдруг без него вспыхнет война? И потом, как быть с письмами? Ведь он каждый день должен прочитывать сто писем и каждый день ста ребятам выдавать то, что им нужно.

– Пора возвращаться, – сказал Матиуш и показал сначала на верблюдов, а потом на север.

И Бум-Друм понял его.

Матиуш объяснил знаками, что хочет забрать с собой тело отважного пилота.

Бум-Друм понял и это.

Когда развернули пропитанные благовониями тряпки, Матиуш увидел мертвого пилота: он был белый и твердый, как мрамор. Его положили в ящик из черного дерева и знаками объяснили Матиушу, что он может увезти его с собой.

Обломки аэроплана сложили в другой ящик из черного дерева. Но Матиуш дал понять, что они ему не нужны, и очень удивился, увидев, как обрадовался Бум-Друм. Будто невесть какой ценный подарок получил!

Все это хорошо, но главного Матиуш так и не выяснил: отказался Бум-Друм от своих дикарских привычек или нет? Ничего другого не оставалось, как взять его с собой. Матиуш так и сделал. И вот королевский караван уже знакомым путем двинулся назад через пустыню.

Только дома, у себя в кабинете, понял Матиуш смысл загадочных событий, свидетелем которых он оказался. Вот что рассказал ему профессор, который изучил пятьдесят языков.

– Давным-давно, когда один из предков Бум-Друма захотел ввести у себя в стране новые порядки, его в наказание отравили. А верховный жрец поведал своим соплеменникам такую легенду.

Настанет время, когда они заживут по-другому. И произойдет это так: однажды под вечер на небе появится огромная птица с железным сердцем и с десятью отравленными стрелами в правом крыле. Птица семь раз окружит поляну царской столицы и упадет на землю. У птицы будут два огромных крыла, четыре руки, две головы, три глаза и две ноги. Одна голова и две руки птицы погибнут от одной из десяти отравленных стрел. Два раза прогремит гром. Тогда верховный жрец взойдет на костер и сгорит, а железное сердце птицы разорвется. И останется от птицы кусок белого мрамора, горсть пепла и... белый человек. Тогда они не будут больше дикарями, начнут учиться разным хорошим и полезным вещам. Но пока не появится птица, ничего изменить нельзя. И вождь, который раньше времени вздумает ввести новые порядки, будет сожжен на костре или отравлен...

Бум-Друм предпочел отраве костер. И вот, когда должно было состояться торжественное сожжение Бум-Друма, в небе появился аэроплан с двумя путешественниками. Два раза прогремел гром – это Матиуш два раза выстрелил из пистолета, а пилот – две руки и один глаз птицы – умер, наткнувшись случайно на одну из десяти отравленных стрел. Верховный жрец добровольно сжег себя на костре, огромная птица сгорела, а Матиуш стал другом всех африканских вождей. И с этого дня дикари – уже не дикари: они будут учиться читать и писать, перестанут засовывать в нос ракушки и разные украшения из слоновой кости и одеваться будут, как все люди на земле.

– Вот здорово! – воскликнул Матиуш. – Пусть Бум-Друм пришлет к нам сто негров. Наши портные научат их шить, наши сапожники научат их тачать сапоги, наши каменщики научат их строить дома. Мы пошлем им граммофоны – пусть слушают красивую музыку, – потом отправим в Африку духовые трубы, барабаны и флейты, а потом скрипки и пианино. Научим танцевать наши танцы, чистить зубы и умываться с мылом... А еще я сделаю вот что! – воскликнул Матиуш. – Установлю в столице Бум-Друма беспроволочный телеграф. Тогда, чтобы с ним договориться, не нужно будет совершать далекое и опасное путешествие.

Он призвал королевских портных, сапожников, шляпников и велел сделать для Бум-Друма двадцать костюмов, двадцать пар обуви и двадцать шляп. Королевский брадобрей остриг Бум-Друму волосы. И Бум-Друм всему безропотно подчинялся. Правда, он по ошибке съел тюбик зубной пасты и кусок туалетного мыла, и у него заболел живот. Чтобы этого не повторилось, к Бум-Друму приставили четырех лакеев, которые не спускали с него глаз.

XXII

На следующий день после приезда Матиуша канцлер назначил заседание

государственного совета. Но Матиуш попросил отложить его. Ночью выпал белый-белый пушистый, липкий снег, как раз подходящий, чтобы играть в снежки. В дворцовом парке собралась ватага мальчишек – человек двадцать, и среди них Фелек и Стасик. За окном разворачивались такие баталии, что Матиуш не мог усидеть во дворце.

– Господин канцлер, – сказал он. – Я только вчера вернулся из опасного и утомительного путешествия. И добился успеха. Неужели королю нельзя передохнуть хоть один денек? Я ведь как-никак мальчик и очень люблю играть. Если нет срочных дел и один день можно подождать, я предпочел бы перенести совет на завтра, а сегодня поиграть с ребятами. Посмотрите, какой выпал чудесный снег и, наверно, последний в этом году!

Канцлеру стало жалко Матиуша. Ведь он был королем и имел право приказывать, а не просить, как обыкновенный мальчик, разрешения поиграть.

– Один день подождать можно, – согласился канцлер.

Матиуш даже запрыгал от радости. Надел меховую куртку, чтобы легче было бегать, – и айда в парк! Вот он уже лепит снежки и швыряет в мальчишек. Но мальчишки не решаются бросаться снежками в короля.

– Я так не играю! – заметив это, закричал Матиуш. – Я в вас бросаюсь снежками, а вы – нет. Не беспокойтесь, я за себя сумею постоять. Снежки – не отравленные стрелы!

Ребята разделились на две партии: одни нападают, другие защищаются. Крик стоял такой, что даже лакеи выскочили из дворца посмотреть, не случилось ли беды. Но, увидев короля, скроили постные мины и, не проронив ни слова, ретировались.

Короля не отличить от других мальчишек. Он несколько раз падал и с головы до ног был в снегу. Один снежок угодил ему в спину, другой – в голову, третий – в ухо. Матиуш защищался отчаянно.

– Послушайте! – крикнул Матиуш. – Давайте так: в кого попадут снежком, тот убит и выбывает из игры. Тогда будет видно, кто победил.

Очень скоро все оказались «убитыми». Тогда уговорились по-другому: убитым считается тот, в кого попадут три раза. Некоторые ребята, правда, жульничали и продолжали сражаться уже «убитые», но играть все равно стало интересней. Меньше галдели, старательней лепили снежки и лучше целились. Потом решили: убитым считать того, кто упадет. Играли так здорово, что Матиуш позабыл обо всем.

Когда надоело играть в войну, слепили огромную снежную бабу. Сунули ей в руку метлу, из угольков сделали глаза, из морковки нос.

– Господин повар, дайте, пожалуйста, два уголька! – кричал Матиуш, врываясь в королевскую кухню.

– Господин повар, дайте морковку, нос сделать для снежной бабы!

Повар злился, потому что следом за Матиушем вваливалась в кухню вся орава. Снег в тепле таял, на полу образовывались грязные лужицы.

– Двадцать восемь лет королевским поваром служу, а такого свинарника у меня на кухне еще не бывало! – ворчал повар и шпынял поварят, чтобы побыстрее пол подтирали.

«Жалко, что в стране Бум-Друма нет снега, – подумал Матиуш, – а то бы я научил негрят лепить снежные бабы».

Потом Фелек предложил покататься на санках. В королевской конюшне имелось четверо саней и четыре пони.

– Мы сами будем править, – сказал Матиуш конюхам. – Давайте устроим состязание: кто первый пять раз объедет вокруг парка.

– Давайте! – согласились ребята.

Только сел Матиуш в санки, видит – в их сторону трусцой бежит канцлер.

– Наверно, за мной. – Матиуш печально вздохнул. Так и есть.

– Тысяча извинений, ваше величество! К сожалению, я должен прервать вашу игру.

– Ничего не поделаешь. Играйте без меня, – сказал Матиуш ребятам. – Ну, что случилось?

– Приехал наш главный заграничный шпион, – зашептал канцлер, – очень важные

новости привез. Писать он боялся – письма могли перехватить. Надо немедленно принимать решение, через три часа он снова уезжает за границу.

Тут перевернулись первые санки: норовистый пони отвык ходить в упряжке и, вместо того, чтобы тянуть вперед, дернул вбок. С завистью смотрел Матиуш, как ребята, смеясь, вскочили на ноги и стали поднимать сани. Но хочешь не хочешь, а идти надо.

Взглянуть на настоящего шпиона тоже интересно. До сих пор Матиуш знал о них только понаслышке.

Вместо босоногого парня или нищего старика с мешком за спиной (так Матиуш представлял себе шпионов) к нему ввели элегантно одетого господина. Сначала Матиуш подумал, что это министр земледелия, которого он не знал в лицо, так как тот жил в деревне и редко приезжал в столицу.

– Я главный шпион в стране Старого короля, – представился щеголь. – Приехал предупредить ваше величество, что сын Старого короля вчера закончил строительство крепости. Но это еще не все. Год назад он в величайшей тайне выстроил в лесу пороховой завод, и теперь ему никакая война не страшна. У него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

– Вот негодяй! – вырвалось у Матиуша. – Я строил в лесах дома для детей, а он тем временем делал снаряды и пушки, готовясь уничтожить то, что я построил...

– И это еще не все, – тихим, вкрадчивым голосом перебил Матиуша шпион. – Он задумал нечто более чудовищное. Прознав, что вы собираетесь разослать иноземным королям приглашения на торжественное открытие парламента, он подкупил вашего секретаря, и тот вместо приглашений заготовил фальшивые ноты с объявлением войны.

– Ах, мошенник! Я сразу догадался, когда был у них в гостях, что он меня терпеть не может!

– Я еще не кончил, ваше величество! О, сын Старого короля очень хитрый! На случай если бы афера с письмами провалилась, заготовлено дерзкое, оскорбительное послание Печальному королю. Ваша подпись подделана. Наследник Старого короля во что бы то ни стало хочет вас поссорить. А теперь, ваше величество, давайте подумаем, как предотвратить несчастье.

– Итак, что же следует сделать?

– Прежде всего подпишите приглашения иноземным королям, а я втайне заберу их с собой. А завтра с серьезным видом советуйтесь, как и когда пригласить гостей, будто письма еще не отправлены. Пусть секретарь вершит свое черное дело, но в последний момент вскройте конверты, а секретаря арестуйте.

– Ладно. А как быть с крепостью и пороховым заводом?

– Чепуха! – ухмыльнулся шпион. – Взорвать – и дело с концом! Я как раз приехал затем, чтобы получить ваше разрешение, государь.

Матиуш побледнел.

– Как это взорвать? Одно дело во время войны уничтожить неприятельский завод, но так... Пригласить в гости, а самим устроить такую пакость исподтишка...

– Я понимаю, ваше величество, вы считаете, что это неблагородно и некрасиво. Разумеется, без вашего разрешения я ничего не буду делать. Но имейте в виду: у него в шесть раз больше пороха, чем у нас.

Матиуш в волнении заходил по кабинету:

– А как вы собирались это осуществить?

– Помощник главного инженера на этом заводе нами подкуплен. Он знает завод, как свои пять пальцев. Там есть небольшой склад, набитый стружками. Стружки загорятся, и вспыхнет пожар.

– Ну, его потушат.

– Нет, не потушат. – Шпион ухмыльнулся и прищурил один глаз. – Окажется, что лопнула водопроводная труба, и на заводе нет ни капли воды. Не беспокойтесь, ваше величество, все будет в порядке.

– А как же рабочие – погибнут? – спросил Матиуш.

– Пожары возникают обычно ночью, поэтому рабочих погибает немного. Во всяком случае, во время войны людей погибло бы в сто, в тысячу раз больше.

– Знаю, знаю, – с досадой перебил Матиуш.

– Ваше величество, мы должны это сделать, у нас нет иного выхода, – робко вставил канцлер.

– Знаю, что нет! – рассердился Матиуш. – Тогда зачем спрашивать моего разрешения?

– Без вашего разрешения мы не имеем права...

– «Не имеем права», «должны»... Ну, ладно, поджигайте завод, а крепость не трогайте. Матиуш быстро подписал приглашения трем королям и пошел к себе в комнату.

Там он сел у окна, подпер руками голову и стал смотреть, как весело ребята катаются на санках.

«Теперь я понимаю, – подумал он, – почему Печальный король так печально играет на скрипке и почему он воевал со мной, хотя не хотел этого».

XXXIII

На заседании Матиуш с нетерпением ждал прихода статс-секретаря. Ему не терпелось посмотреть, как это он вместо приглашений на открытие парламента сумеет вложить в конверты фальшивые бумажки с объявлением войны. Каково же было его разочарование, когда вместо статс-секретаря явился его помощник.

Заседание продолжалось.

– Значит, дома будут готовы? – спросил Матиуш.

– Всенепременно, ваше величество!

– Хорошо.

Следующий вопрос повестки дня: приезд иноземных королей. Решили, что торжества продлятся неделю, и установили такую программу: в первый день – военный парад, торжественный обед, вечером большое представление в театре; на другой день – открытие парламента взрослых; на третий день – открытие детского парламента; на четвертый – открытие зверинца; на пятый – шествие детей, выезжающих на лето за город, где они будут жить в построенных Матиушем домах; на шестой день – прощальный бал для иностранных королей; на седьмой – отъезд гостей.

В программу четвертого дня Матиуш внес дополнение: открытие памятника отважному пилоту, развлечения и аттракционы для черных королей. Депутаты обоих парламентов имеют право присутствовать на всех торжествах. Министр Фелек будет сидеть по левую руку от короля, а канцлер – по правую. Чтобы все видели: министр детей и министр взрослых – равноправны. И Фелека обязаны называть «господин министр».

Когда с этим было покончено, Матиуш подписал приглашения: белым королям – на белой бумаге; желтым – на желтой; черным – на черной. Приглашения белым королям были написаны черными чернилами, желтым королям – красными, а черным королям – желтыми.

Церемониймейстер внес ларчик, в котором хранилась королевская печать. Одно за другим вкладывали приглашения в конверты и на расплавленном красном или зеленом сургуче оттискивали королевскую печать.

Матиуш внимательно следил за каждым движением помощника статс-секретаря. Раньше эта церемония казалась ему скучной и ненужной. Он сердился, что приходится тратить столько времени на такие пустяки. Но сегодня он понял, почему короли придают этому такое большое значение.

Незапечатанными остались три письма. Министрам эта процедура надоела. От скуки они закурили сигары и тихо переговаривались между собой, хотя этикет не разрешает разговаривать в то время, когда королевской печатью запечатывают письма. Но министры ни о чем не подозревали. Посвященных в тайну было трое: Матиуш, канцлер и министр юстиции. Потом, когда все выяснилось, министр иностранных дел был в претензии: почему ему ничего не сказали?

Помощник статс-секретаря чуть побледнел, но внешне оставался совершенно спокоен, даже руки у него не дрожали. Когда очередь дошла до последних трех конвертов, он вдруг закашлялся и полез в карман за носовым платком. И вместе с платком так ловко вытащил точно такие же листки бумаги, запихнув в карман приглашения, что никто, кроме трех посвященных, ничего не заметил.

– Прошу прощения, ваше величество, – непринужденно сказал он, – у меня в кабинете выбито стекло, и я немного простужен...

– Ну что вы, это я должен перед вами извиниться. Ведь стекло-то разбил я, когда мы играли в снежки, – также непринужденно ответил Матиуш.

Помощник статс-секретаря рад-радехонек – думает, пронесло. Но не тут-то было!

– Господа министры, прошу внимания. Немедленно отложите сигары! – прогремел в тишине бас министра юстиции.

Все поняли: что-то стряслось. А министр юстиции нацепил на нос очки и, обращаясь к помощнику статс-секретаря, объявил:

– Именем закона вы арестованы за шпионаж и предательство. Согласно параграфу 174, это преступление карается смертью через повешение.

У помощника секретаря беспокойно забегали глаза, на лбу выступили крупные капли пота, но он не подал вида, что струсил.

– Господин министр, это недоразумение! Я ничего не понимаю! Я простужен, у меня кашель, потому что в кабинете разбито стекло. Мне необходимо пойти домой и лечь в постель, – лепетал помощник секретаря.

– Нет, приятель, никуда ты не пойдешь! В тюрьме сразу тебя вылечат, не беспокойся!

Двери растворились, в зал вошли пять тюремщиков и надели предателю на ноги и на руки кандалы.

– Что такое? Что случилось? – галдели ошалело министры.

– Сейчас увидите. Пожалуйста, ваше величество, вскройте эти конверты.

Матиуш вынул из конвертов поддельные письма и прочел вслух:

«Теперь, когда черные короли за меня, мне на вас наплевать. Один раз я разбил вас и еще разобью. Тогда вы станете шелковыми. А пока объявляю вам войну.»

В это время пятый тюремщик извлек из кармана помощника секретаря вместе с носовым платком три скомканных приглашения на открытие парламента.

Закованному в кандалы узнику велели подписать протокол, что все это правда. И срочно вызвали по телефону статс-секретаря, который немедленно примчался чуть живой от страха.

– Ах, мерзавец! – возмущался он. – Я хотел сам прийти, а он упросил поручить это ему. Сказал, что в цирке очень интересная программа, и даже билет мне купил. А я-то, дурак, поверил!

На суд прибыли пять генералов: военных юристов.

– Подсудимый, вы должны говорить только правду. Это может облегчить вашу участь. Если вы будете врать и изворачиваться, вы погибли!

– Я буду говорить правду.

– Когда вы стали шпионом?

– Три месяца назад.

– Что побудило вас вступить на этот преступный путь?

– Я проигрался в карты, а денег у меня не было. Как известно, карточный долг полагается платить в течение двадцати четырех часов. Вот я и взял казенные деньги...

– Значит, вы совершили растрату?

– Я рассчитывал вернуть деньги, когда выиграю.

– Ну и что дальше?

– Я снова проиграл.

– Когда это было?

– Примерно полгода назад.

– А потом? Рассказывайте!

– Потом я все время боялся: вот будет ревизия и меня арестуют. Наконец мне стало невмоготу жить в вечном страхе, я поехал за границу и предложил иноземному королю свои услуги.

– Сколько он вам платил?

– Как когда; за важные сообщения – много, за мелкие – гроши. За это дело мне была обещана крупная сумма.

– Господа судьи, – начал свою речь министр юстиции, – этот человек совершил три преступления: первое – растрата казенных денег; второе – шпионаж и третье, самое чудовищное, – он хотел, чтобы снова вспыхнула война и погибли тысячи ни в чем не повинных людей. Согласно параграфу 174, я требую для него смертного приговора. Поскольку обвиняемый человек штатский, расстрел заменяется виселицей. Что касается статс-секретаря, он должен нести ответственность за своего подчиненного. Я и сам не прочь сходить в цирк, но на такое важное заседание он не имел права присылать своего заместителя, который оказался к тому же шпионом. За такое серьезное упущение по службе полагается по закону тюремное заключение сроком на шесть месяцев.

Судьи-генералы удалились на совещание.

– Как же так? Ведь шпион говорил, что это сделает сам секретарь, а не помощник? – шепотом спросил Матиуш у канцлера.

– Ах, ваше величество, сведения шпионов никогда не бывают абсолютно точными! Если они станут расспрашивать, что да как, это может показаться подозрительным и их арестуют.

– Это он здорово придумал – арестовать его только на заседании. А меня так и подмывало отдать приказ, чтобы его тогда же взяли под стражу, – не унимался Матиуш.

– Что вы, ваше величество, разве так можно! Самое лучшее – прикинуться, будто ничего не подозреваешь, поймать мошенника на месте преступления, и дело в шляпе!

Церемониймейстер трижды ударил серебряной булавой по столу: в зал вошли судьи-генералы.

– Именем закона объявляем приговор. Секретаря – на месяц в тюрьму, его помощника – повесить.

Приговоренный к смерти так громко плакал и просил о помиловании, что Матиушу стало его жалко.

Он вспомнил, как судили его самого и только благодаря тому, что судьи разошлись во мнении, расстрелять его или повесить, он, Матиуш, остался жив.

– Государь, в вашей власти помиловать преступника. Смертную казнь, если на то будет ваша королевская воля, можно заменить пожизненным заключением.

И Матиуш, не колеблясь, написал на приговоре:

Заменить пожизненным заключением.

А теперь угадайте, когда Матиуш лег спать?

В три часа ночи.

XXXIV

Матиуш еще завтракал, когда явился журналист:

– Ваше величество, мне не терпится показать вам сегодняшнюю газету. Она, несомненно, вам понравится.

– А что там нового?

– Извольте сами посмотреть.

Матиуш взял газету. Почти во всю первую страницу рисунок: он, Матиуш, на троне, а перед тронem на коленях – тысячи детей с букетами цветов. Под рисунком стишок, в

котором неизвестный поэт превозносит его до небес, называя самым великим владыкой от сотворения мира, самым великим реформатором, сыном солнца и братом богов.

Ни рисунок, ни стишок Матиушу не понравились, но он промолчал, боясь обидеть журналиста.

На второй странице красовалась фотография Фелека, а под ней большая статья: «Первый в мире министр-ребенок». И снова неумеренные похвалы Фелеку: какой он мудрый, храбрый! Матиуш одолел взрослых королей, а он одолеет взрослых министров.

И еще там было написано: «Большие плохо управляют государством, потому что не умеют бегать. А бегать им не хочется, потому что они старые и у них болят кости».

И в таком духе целая газетная страница!

Это тоже не понравилось Матиушу: зачем хвастать раньше времени и ругать взрослых?

Внизу, где мелким шрифтом печатались происшествия, Матиуш прочел нечто заставившее его насторожиться:

«Грандиозный лесной пожар».

– Да, да, горит самый большой королевский лес, – подтвердил журналист.

Матиуш кивнул, давая понять, что сам видит, и углубился в чтение заметки. Причина пожара объяснялась тем, что лесорубы бросили горящий окурочок.

– Странно... – бормотал журналист. – Я понимаю, летом, в сушь, лес может загореться от папиросы, но сейчас, когда только что стоял снег... Очень странно! И потом, ходят слухи о каком-то взрыве. А при лесных пожарах, насколько мне известно, взрывов не бывает.

Матиуш молчал.

– А вы что думаете об этом, ваше величество? – пристал газетчик. – По-моему, тут что-то нечисто.

Голос у него сделался, тихий, вкрадчивый, и Матиуш почему-то подумал: «С ним надо держать ухо востро».

Журналист закурил папиросу и переменял тему разговора.

– Говорят, статс-секретаря приговорили вчера к месяцу тюрьмы. Я не сообщил об этом в нашей газете, полагая, что детей не интересуют дела взрослых. Вот приключись что-нибудь с их министром, тогда другой разговор! Как это удачно, что министром назначили именно Фелека! Солдаты ликуют: сын простого сержанта – министр! Газетчики тоже рады, они ведь давно знают Фелека, он до войны газеты продавал. Ну, а детвора и подавно в восторге. А за что же все-таки бедненький секретарь угодил в кутузку? – ввернул журналист, надеясь неожиданным вопросом захватить Матиуша врасплох и что-нибудь выведать.

– За непорядки в канцелярии, – уклончиво ответил Матиуш. «А вдруг журналист тоже шпион?» – почудилось ему. «Ерунда! – подумал он, когда журналист ушел. – Просто я слишком мало сплю, а вокруг столько разговоров о шпионах, что невольно каждого начинаешь подозревать в предательстве.»

И Матиуш, у которого перед приездом королей дел было по горло, скоро забыл об этом.

Церемониймейстер в буквальном смысле дневал и ночевал у него в кабинете. То требовалось срочно отремонтировать в парке летний дворец для черных королей, то построить на всякий случай отдельный домик, то решить, где разместить белых королей.

Начали поступать клетки с дикими зверями, а зоопарк не готов! А тут еще летние дома для ребят! И строительство двух огромных зданий – для парламентов.

Между тем во всем государстве выбирали депутатов. В малый, или, как его называли еще, детский парламент выдвигали депутатов не моложе десяти и не старше пятнадцати лет. По одному ученику от младших и по одному от старших классов каждой школы. Тут и возникли первые непредвиденные осложнения: оказалось, школ так много, что депутаты даже в самом большом зале не поместятся.

Матиуш долгие часы проводил в кабинете за чтением писем: теперь их стало гораздо больше, чем раньше. И все важные, с разными вопросами.

Например: «Можно ли выбирать в парламент девочек?»

«Чудаки. Конечно, можно!»

Или еще: «Можно выбирать в парламент ребят, которые еще плохо пишут? Где будут жить депутаты из разных городов и сел? Нельзя ли открыть школу для депутатов, чтобы они могли учиться во время парламентских сессий, не теряя года?»

Столько дел, а статс-секретарь, как на беду, в тюрьме. Пришлось тюремное заключение заменить домашним арестом. Это значит, что он целый месяц не имел права выходить гулять, зато каждый день его привозили во дворец.

Церемониймейстер совсем потерял голову. И было от чего: попробуй-ка сообрази, где соорудить триумфальные арки, на каких улицах разместить оркестр, какие цветы купить! А тут еще не хватает тарелок, ножей, вилок! Срочно нужно купить автомобили! А как рассадить королей за обедом и в театре, кого поближе, а кого подальше, чтобы не было обид и рядом не оказались короли, которые враждуют друг с другом? Из теплых стран целыми вагонами везли фрукты, вина, цветы. Спешно красили дома, чинили мостовые.

Матиуш работал с утра до ночи; на сон и еду времени не хватало. Целыми днями только и слышалось:

- Ваше величество, архитектор!
- Ваше величество, не угодно ли вам поговорить с садовником?
- Ваше величество, министр иностранных дел ждет!
- Ваше величество, прибыл посол из заморской страны!
- Ваше величество, два каких-то субъекта требуют, чтобы их впустили.
- Чего им надо? – недовольно спросил Матиуш, которого сегодня уже в третий раз отрывали от обеда.

- О фейерверке хотят поговорить.

Матиуш, злой и голодный, направился в кабинет. Он редко принимал теперь посетителей в тронном зале – не до церемоний было!

- Что вам угодно? Только прошу говорить покороче: мне некогда.

- Мы слышали, в столицу придут короли из заморских стран. Хорошо бы показать им что-нибудь сногшибательное. Зоопарком их не удивишь – в Африке дикие звери на свободе разгуливают. Театр тоже вряд ли их заинтересует...

- Ну хорошо! – перебил Матиуш. – Что вы предлагаете? Фейерверк?

- Так точно, ваше величество!

Решили на крышах всех высоких домов разместить ракетницы, в дворцовом парке соорудить высокую башню, мельницу и водопад.

Вечером все это запылает разноцветными огнями. С верхушки башни в небо устремятся красные ракеты и рассыплются зелеными и голубыми звездами. Пониже с бешеной скоростью завертятся мельничные крылья, описывая красные и зеленые круги. Диковинные цветы расцветут в небе. Потечет-забурлит огненный водопад.

- Вот эскизы. Извольте взглянуть, государь.

Пиротехники принесли сто двадцать рисунков. Пока их просмотришь, обед совсем остынет.

- А сколько это будет стоить? – предусмотрительно осведомился Матиуш.

- На последнем заседании казначей объявил, что нужен новый заем.

- Как? – удивился Матиуш. – Ведь у нас было столько золота!

- Реформы вашего королевского величества обходятся очень дорого.

И стали подсчитывать, сколько денег ушло на летние дома для ребят, на возведение двух парламентов, сколько стоит шоколад для школьников. А куклы, а коньки?

- Хорошо бы, на прием иностранных королей денег хватило.

- А может не хватить? – не на шутку испугался Матиуш.

- Ну, это не беда, – успокоили его министры. – Введем новый налог, пусть народ платит!

- Эх, – вздохнул Матиуш, – иметь бы свой порт и свои корабли, тогда Бум-Друм прислал бы нам столько золота, сколько бы мы ни пожелали.

– Это дело поправимое, – заметил военный министр. – Не жалеете денег на пушки, ружья, крепости – будет вам и порт. Как видите, пушки важнее шоколада и кукол.

Матиуш покраснел. Что правда, то правда, две-три новых крепости очень быгодились. Военный министр на каждом заседании требовал выделить ему часть золота Бум-Друма, но Матиуш, поглощенный другими делами, всякий раз просил его немного подождать.

С тяжелым сердцем Матиуш дал согласие устроить фейерверк. «Ничего не поделаешь, экономить будем потом. Надо и африканским королям доставить удовольствие.»

«Может, я зря не разрешил взорвать крепость? – размышлял Матиуш, лежа поздно ночью в постели. – Все-таки одной крепостью было бы меньше. Он первый начал, так ему и надо! Но теперь, если будет война, я не дам маху, не сваляю дурака. „Я победил тебя, – скажу я ему, – отдавай мне один порт и десять кораблей“.

Матиуш знал, как полагается принимать гостей: недаром он побывал недавно в чужих краях. Но встреча, которую он устроил иностранным королям, превзошла все ожидания. Это признали даже его недруги. Много интересного было предусмотрено заранее, а многое Матиуш придумал, когда гости уже съехались. Каждый день – что-нибудь новое: то охота, то пикник, то дрессированные звери в цирке, то состязание силачей. Словом, развлечений хоть отбавляй!

Первыми прибыли негритянские короли. И к ужасу и негодованию придворных, они, точно сговорившись, привезли с собой сыновей – черных как сажа, шустрых, озорных мальчишек. Короли расхаживают степенно по городу, озираются с любопытством по сторонам, дружелюбно беседуют друг с другом. А с маленькими бесенятами никакого сладу нет, прямо караул кричи! Если бы не Бум-Друм, беды не миновать. Незваные гости, во-первых, отчаянно дрались друг с другом, царапались, кусались. Во-вторых, объедались сладостями, которые готовил для них королевский кондитер. Потом у обжор болели животы, и они громко ревели. А когда доктор давал им лекарство, они выплевывали его, показывали язык и удирали. Один сорвиголова, увидев свое отражение в большом зеркале, чуть не хлопнулся в обморок. Пришлось давать ему капли, чтобы привести в чувство. Другой съехал на перилах с лестницы, упал и сломал себе ногу. Третий укусил за палец лакея. Четвертый съел туалетное мыло и зубную пасту впридачу. А сколько они себе шишек набили и синяков наставили – не счесть! Какой-то озорник привез с собой ядовитого паука и всех пугал им. Когда попытались его отнять, мальчишка, как обезьяна, вскарабкался на дерево и просидел там пять часов. Не помогли никакие уговоры и посулы. Тогда вызвали пожарных, они пустили сильную струю воды из брандспойта, и упрямый мальчишка свалился в подставленную сетку.

Бум-Друм совсем замучился с ними. Пока они безобразничают в парке или у себя в летнем дворце – это еще полбеды. Но вдруг им взбредет в голову отколоть какой-нибудь номер на торжественном обеде или торжественном представлении в театре в присутствии белых королей?

Ясно одно – срочно надо принимать какие-то меры.

В королевском дворце в одном из залов размещался необычный музей, где были собраны всевозможные орудия пыток, которым Генрих Свирепый подвергал непокорных подданных. Волосы вставляли дыбом при виде спиц для выкалывания глаз, щипцов, которыми вырывали ногти и ломали пальцы, чудовищных пил для отпиливания рук и ног, всевозможных плеток, ремней, палок и дубин. Матиуш терпеть не мог этот музей. И еще был в дворцовом парке глубокий колодец без воды, куда в давние времена бросали приговоренных к голодной смерти.

И вот Бум-Друм решил воспользоваться этим для устрашения мальчишек. Накануне приезда белых королей он повел их сначала в музей, потом показал глубокий колодец в парке и что-то им долго-долго объяснял. Что именно говорил Бум-Друм, Матиуш не понял, но результаты были налицо: мальчишки с этого дня заметно присмирели.

Но без наказаний все-таки не обошлось. Одного мальчишку за то, что он укусил за

палец лакея, выпороли, другого за шум, поднятый ночью, заперли на целый день в темную комнату.

А дело было так.

Малолетнему музыканту приспичило поиграть ночью на дудке. Сколько ему ни втолковывали, что взрослые устали и хотят спать, он слышать ничего не хотел. Попробовали отнять дудку силой – не тут-то было: он сиганул в шкаф и стал швырять на головы растерянных слуг тяжелые вазы и статуэтки, расставленные там в образцовом порядке. И наконец – о ужас! – сорванец выскочил в окно и устроил на террасе зимнего дворца такой концерт, что белые короли повскакали с постелей и, обозленные, не дожидаясь утра, отправились к Матиушу с жалобой.

Все повисло на волоске. Белые короли объявили: они не потерпят, чтобы им мешали по ночам спать, и немедленно уедут, и вообще хватит с них, они по горло сыты проделками этих чертенят.

Матиуш клялся, что это больше не повторится, и просил их остаться.

И белые короли, против ожидания, довольно быстро согласились. Одних прельщала охота, других – состязания силачей, и всем без исключения не терпелось увидеть фейерверк.

Случались и другие недоразумения. Король Дзинь-Дань во что бы то ни стало хотел со всеми здороваться и прощаться по церемониалу, принятому у него при дворе. В этом, конечно, ничего предосудительного нет, но если бы вы знали, как он здоровался! Сначала отвечивал каждому из присутствующих 14 вступительных поклонов, потом 12 обыкновенных, затем 10 официальных, 8 церемониальных, 6 торжественных и 4 дополнительных – итого $14 + 12 + 10 + 8 + 6 + 4 = 54$ поклона. Продолжалась эта церемония 47 минут: вступительные поклоны по полминуты, остальные по минуте.

«Мои предки пять тысяч лет так здоровались и прощались, и никакая сила в мире не заставит меня отречься от этого древнего обычая!» – заявил оскорбленный король, когда ему деликатно намекнули, чтобы он поторопился.

«Ну хорошо, – говорили ему, – так можно здороваться с одним, с двумя королями, но с целой оравой королей это просто немыслимо!»

«Чудно, – думал Матиуш, – одни – совсем невоспитанные, другие – чересчур воспитанные. Как примирить их, таких разных?»

Наконец кому-то пришла в голову гениальная мысль: уговорить Дзинь-Даня отвечать поклоны не лично королям, а их портретам. Так и сделали. Сфотографировали всех королей, и Дзинь-Дань каждое утро и каждый вечер без помех кланялся им в своей комнате. Отвесит положенное число поклонов одному королю, слуги тотчас подставляют портрет следующего, и так далее, пока всем не перекланяется. Бедняга всегда опаздывал к завтраку, хотя вставал на два часа раньше, а ложился спать на два часа позже остальных.

Бум-Друм по этому поводу рассказал Матиушу невероятную историю о том, как в минувшем веке целых пятнадцать лет шла кровопролитная борьба между двумя племенами. И вот из-за чего: прикладывать при встрече к носу указательный палец или мизинец? Каждое племя стояло на своем, никто не хотел идти на уступки. В борьбу вмешались жрецы, соседние вожди, и вспыхнула война. Предавали огню целые деревни, убивали детей и женщин, угоняли в рабство мирных жителей, бросали врагов на растерзание львам. Начались болезни, голод. Смерть косила людей, и наконец некому стало воевать. Борьба кончилась ничем – каждое племя сохранило свой обычай. И хотя это происходило сто лет назад, вожди двух враждовавших племен до сих пор не здоровались и сидели поодаль друг от друга.

Больше всех приезду радовалась детвора. Школы в столице пришлось временно закрыть: все равно никто не посещал занятий. Да разве удержишь в классе, когда по городу расхаживают настоящие негры! И за каждым – толпа мальчишек. Полиция с ног сбилась. Обер-полицмейстер жаловался, что похудел на семь кило.

«Сами посудите, – говорил он, – разбрелись эти чучела по всему городу, того и гляди хулиган какой-нибудь запустит в него камнем или машина их переедет».

Матиуш наградил обер-полицмейстера за усердие орденом. Вообще во время торжеств

Матиуш, ко всеобщему удовольствию, раздал много орденов.

Наступил долгожданный день охоты. Но тут негритянских королей постигло разочарование. И не удивительно: они привыкли охотиться на слонов, тигров и крокодилов, а тут какая-то мелюзга – зайчишки да серны! Они решили, что над ними издеваются, и подняли такой крик, так грозно потрясали копьями и луками, что белые короли труслили и бросились к своим автомобилям. Бум-Друм носился как угорелый, размахивал руками, что-то кричал, успокаивал своих возмущенных братьев. Наконец ему это удалось.

В остальном охота прошла благополучно. Белые подстрелили далее двух кабанов и одного медведя. По их мнению, это неопровержимо доказывало, что и в Европе тоже водятся дикие звери. Король, убивший медведя, до конца охоты не отходил от негров, знаками объясняя им, какой он меткий стрелок и замечательный охотник. Он разглядывал их луки и стрелы и даже выразил желание переночевать в летнем дворце. А наутро за завтраком рассказывал, что его чернокожие друзья – милейшие люди, у которых можно перенять много полезного.

XXXV

Чрезвычайное происшествие! Дочь Бум-Друма, маленькая отважная Клу-Клу, приехала в столицу Матиуша в клетке с обезьянами!

Произошло это так. В зоопарке все было готово. На среду назначено торжественное открытие, а с четверга ворота зверинца гостеприимно распахнутся перед детворой. Все звери сидели по своим клеткам. Не хватало только трех обезьян редчайшей породы, каких нет ни у одного короля на земле.

Огромный ящик с обезьянами решили распаковать на глазах у толпы, собравшейся в тот день в зверинце. Ящик приставили вплотную к клетке и оторвали доску. Все замерли в ожидании. И вот в клетку перепрыгнула одна обезьяна, за ней вторая. А третьей нет. Когда ящик немного отодвинули от клетки, из него выскочила маленькая Клу-Клу, кинулась в ноги Бум-Друма и что-то быстро-быстро залопотала по-своему.

Бум-Друм страшно рассвирепел и, хотя уже не был дикарем, хотел пнуть девочку ногой, но Матиуш не позволил.

Конечно, убежать из дома нехорошо. Нехорошо, что Клу-Клу потихоньку открыла ночью клетку, выпустила одну обезьяну на волю, а сама заняла ее место. Но Клу-Клу уже наказана. Провести шесть недель в клетке с обезьянами – дело нешуточное. А Клу-Клу вдобавок – королевская дочка, привыкшая к роскоши. В пути же ей пришлось еще хуже, чем обезьянам: она не решалась подходить к окошечку, в которое сторож просовывал пищу, боясь, как бы ее не увидели и не отослали домой.

– Бум-Друм, дружище! – сказал растроганный Матиуш. – Ты должен гордиться своей дочерью. На такое не то что девочка, ни один белый мальчик не отважился бы!

– Ну и бери себе эту непослушную девчонку, раз ты ее так защищаешь! – проворчал Бум-Друм сердито.

– Хорошо! – согласился Матиуш. – Пусть живет в моем дворце и учится, а когда вырастет и станет королевой, проведет в своей стране такие же реформы, как я.

Удивительное дело, не прошло и часа после всех этих событий, а Клу-Клу вела себя так, словно ничего не случилось.

Когда старый профессор, который знал пятьдесят языков, рассказал ей о планах Матиуша, она выслушала его и преспокойно ответила:

– Я с ним совершенно согласна. – И, обращаясь к ученому, затараторила: – Милый, золотой, тигровый, крокодиловый профессор, научи меня поскорее вашему языку! А то как же я расскажу, о чем я думаю? У меня очень важные планы, а ждать и откладывать я не люблю.

Оказалось, Клу-Клу уже знает сто двадцать слов. Она выучила их, когда Матиуш был в Африке.

– До чего эта малышка способная! – удивлялся старый профессор. – У нее феноменальная память!

И в самом деле, Клу-Клу запомнила не только слова, но и где, от кого она их слышала. Сидя в клетке с обезьянами, она усвоила много новых слов от матросов.

– Фу, Клу-Клу, – брезгливо поморщился профессор. – Откуда ты знаешь такие нехорошие слова? Надеюсь, тебе неизвестно, что они значат...

– Эти три слова, – деловито объяснила Клу-Клу, – произнес грузчик, когда взваливал на спину нашу клетку. А эти четыре он сказал, когда споткнулся и чуть не упал. А так говорил наш сторож, когда приносил еду. А так кричали пьяные матросы.

– Милая Клу-Клу, как жалко, что первые слова, которые ты услышала от белых людей, оказались такими скверными! – сокрушался профессор. – Забудь их поскорей! Мы, белые, умеем разговаривать друг с другом вежливо и красиво. Я с радостью буду учить тебя, милая, храбрая, бедная Клу-Клу!

С этого дня и до конца торжеств Клу-Клу была в центре внимания. Во всех витринах красовались ее фотографии. Стоило ей появиться на улице в автомобиле, как мальчишки начинали неистово кричать «ура» и подкидывать кверху шапки. А когда на открытии детского парламента Клу-Клу без единой ошибочки произнесла: «От имени моих черных братьев и сестер приветствую первый в мире детский парламент!» – ее слова были встречены такой бурей аплодисментов, такими восторженными воплями и ревом, что даже энергичный, никогда не терявшийся Фелек в первую минуту растерялся. И, забыв о своем высоком сане, подскочил к самому горластому депутату и закричал на весь зал:

– Заткнись, не то в зубы дам!

Белые короли были шокированы таким непарламентарным обращением с депутатами, но из вежливости промолчали.

С удовольствием описал бы я подробнейшим образом, какие забавы, пиры, веселые празднества устроил Матиуш в честь знатных гостей, но тогда не хватило бы места для более важного: ведь в книге о короле-реформаторе нельзя писать о всяких пустяках. Вы ведь помните, что Матиуш пригласил королей не для забавы, а ради важных политических целей.

Среди гостей был и Старый король со своим сыном – лютым врагом Матиуша, и Печальный король, который подолгу беседовал с Матиушем.

– Дорогой Матиуш, – говорил он, – надо отдать тебе должное: начал ты очень смело, с размахом, и твои замечательные реформы имеют огромное значение. Пока у тебя все идет хорошо, можно сказать, блестяще. Но запомни: реформы даются дорогой ценой – ценой тяжкого труда, слез, крови. Ты делаешь только первые шаги. Не обольщайся, что и дальше все пойдет так же гладко. Смотри не зазнавайся!

– О, я знаю, как это трудно! – воскликнул Матиуш и рассказал, по сколько часов в день он работает, сколько ночей провел без сна, сколько раз ел остывший обед...

– Вот был бы у меня порт... А так они чинят мне препятствия с перевозкой золота, – пожаловался он.

Печальный король задумался.

– Знаешь, Матиуш, сдастся мне, Старый король уступит тебе один порт.

– Что вы! Ему сын не позволит.

– А я думаю, позволит.

– Ведь он ненавидит меня... Завидует, подозревает в каких-то кознях. Одним словом, не может простить мне победы.

– Это верно. И все-таки он согласится.

– Почему? – удивился Матиуш.

– Он тебя боится. На мою дружбу он больше не рассчитывает. – Печальный король улыбнулся. – Другой твой сосед доволен, что ты не вмешиваешься в его дела и делишься с ним дарами африканских вождей. Это очень благоразумно с твоей стороны. Успех многих портит, и они начинают задирать нос...

Тут в комнату вошел Старый король с сыном.

– О чем это вы так оживленно беседуете?

– Да вот Матиуш горюет, что у него нет своего порта. Горы, леса, поля, города есть, а моря и кораблей – нет. А порт ему очень нужен, особенно теперь, когда он подружился с африканскими королями.

– Я тоже так считаю, – промолвил Старый король. – Но это дело поправимое. В последней войне Матиуш победил нас и не потребовал контрибуции. С его стороны это очень благородно. Теперь наш черед доказать, что мы ценим его великодушие. Ведь правда, сын мой, мы можем без ущерба для себя уступить Матиушу часть моря и один порт?

– За корабли только пусть заплатит, – поспешно вставил сын. – У него теперь богатые друзья.

– С удовольствием! – обрадовался Матиуш.

Во дворец срочно вызвали министра иностранных дел и статс-секретаря. Они сочинили нужный документ, и все короли подписали его. Потом церемониймейстер принес шкатулку с королевской печатью, и Матиуш дрожащей рукой приложил печать.

Тут начался фейерверк. С делами пора было кончать, зрелище стоило того. На улицы высыпал весь город. В дворцовый парк пропускали только депутатов парламента, офицеров и чиновников. Особые места отвели журналистам, которые съехались со всех концов света. Еще бы! Такие чудеса стоило описать в газетах. На балконах, террасе и в окнах дворца теснились короли, а сыновья негритянских вождей и даже некоторые вожди влезли на деревья, чтобы лучше видеть. Вот озарилась золотым сиянием башня. Заискрились бенгальские огни, взметнулись в небо шутихи, полетели зеленые, красные шары. Темноту зигзагами прорезали огненные змеи. Рассыпались каскадами разноцветные звезды. А когда вспыхнул и, переливаясь, побежал огненный водопад, у зрителей вырвался крик восхищения.

Воздух сотрясали несмолкаемые выстрелы и пушечная пальба.

– Еще! Еще! – кричали в восторге африканские вожди, называя Матиуша «Повелителем огня» и «Владыкой семицветного неба».

Но пора было спать: гости рано утром уезжали.

На улицах играло сто оркестров, когда автомобили мчали королей на вокзал. Десять поездов увозили гостей из столицы Матиуша.

– Мы одержали победу на дипломатическом поприще, – потирая от удовольствия руки, промолвил государственный канцлер, когда они возвращались с вокзала.

– А что это значит? – спросил Матиуш.

– Вы просто гений, ваше величество! Сами того не подозревая, вы одержали огромную победу. Побеждают не только на поле боя. Там все ясно: победил и требуй чего хочешь. А вот без войны выторговать то, что нужно, – это и есть дипломатическая победа. Мы получили порт. Это самое главное.

XXXVI

Матиуш вставал теперь в шесть часов утра. Иначе не переделать всех дел! И распорядок дня он изменил: выкроил два часа для занятий. К прежним обязанностям прибавились новые: заседание парламента и потом, кроме писем, приходилось еще читать две газеты – взрослую и детскую, чтобы быть в курсе событий.

Но однажды дворцовые часы пробили восемь, а из королевской опочивальни не доносилось ни звука. Во дворце переполошились.

– Наверное, заболел.

– Неудивительно, этого давно надо было ожидать.

– Ни один взрослый король столько не работает.

– В последнее время он очень похудел.

– И почти ничего не ест.

– И сердится из-за пустяков.

– Да, в последнее время он стал раздражителен.

– Послать за доктором!

Приехал испуганный доктор и без доклада, без стука не вошел, а вбежал в королевскую опочивальню.

– Что случилось? Который час? – с беспокойством спросил Матиуш, протирая глаза.

Доктор немедленно приступил к делу. Он торопился, точно боялся, что Матиуш не даст ему договорить до конца.

– Мой милый мальчик, я тебя знаю с пеленок. Я старик и жизнью своей не дорожу. Можешь повесить меня, расстрелять, посадить в тюрьму – мне ничего не страшно. Твой отец, умирая, поручил мне заботиться о тебе. Так вот, я запрещаю тебе вставать с постели! Всех, кто придет надоедать тебе делами, я велю спустить с лестницы! Ты за один год хочешь сделать столько, сколько другие делают за двадцать лет. Это никуда не годится. Посмотри, на кого ты стал похож? Не король, а жалкий заморыш. Толстяку обер-полицмейстеру полезно похудеть, а тебе вредно, потому что ты растешь. О других детях ты позаботился. Завтра двадцать тысяч ребят едут отдыхать. А ты? Ну посмотри на себя! Мне, старому недотепе, так стыдно, так стыдно... – С этими словами доктор протянул Матиушу зеркало. – Ну взгляни на себя, – повторил доктор и расплакался.

Матиуш взял зеркало. Лицо – белое как бумага, губы – синие, взгляд – печальный, под глазами круги, а тощая шея кажется длинной, как у жирафа.

– Заболеешь и умрешь, – всхлипывая, говорил доктор. – И не кончишь начатого дела. Ты и сейчас уже болен...

Матиуш отложил зеркало и закрыл глаза. Какое блаженство! Доктор ни разу не назвал его «королевским величеством», запретил вставать с постели и поклялся спустить с лестницы всех, кто придет к нему по делам.

«Как хорошо, что я болен», – промелькнуло в голове у Матиуша, и он поудобнее улегся в постели.

«Ну ясно, это от переутомления пропал у меня аппетит и сон, – утешал себя Матиуш, – и кошмары мучают по ночам». Ему снилось, то будто он попал под горячий дождь, который обжигает, как кипяток; то будто ему отрезали ноги и выкололи глаза; то бросили в колодезь, приговорив к голодной смерти. Часто у него болела голова. На уроках он плохо соображал, и ему было стыдно перед Стасиком и Еленкой, а особенно перед Клу-Клу, которая уже через три недели свободно читала газеты, писала под диктовку и показывала по карте, как проехать из столицы Матиуша в страну ее отца, короля Бум-Друма.

– Летом у депутатов парламента каникулы. Деньги есть. Порт и корабли тоже есть. Дома для детей готовы. С остальными делами справятся министры и чиновники. А ты два месяца будешь отдыхать, – сказал доктор.

– Я должен осмотреть свой порт и корабли.

– А я не разрешаю. Это сделают без тебя канцлер и министр торговли.

– А маневры?

– Ничего. Военный министр справится один.

– А как же письма ребят?

– Фелек прочтет.

Матиуш вздохнул. Нелегко поручать дела другим, когда ты привык все делать сам. Но Матиуш действительно нуждался в отдыхе.

Завтрак ему принесли в постель. Потом Клу-Клу рассказывала интересные негритянские сказки. Потом он поиграл со своим любимым Петрушкой, посмотрел книжки с картинками. Принесли яичницу из трех яиц, стакан горячего молока и белый хлеб с маслом. И только после того как он все съел, доктор разрешил ему встать, одеться и посидеть в кресле на террасе.

Сидит Матиуш на террасе и ни о чем не думает. Тревог и забот как не бывало! И никто его не теребит, не пристает с делами: ни министры, ни церемониймейстер, ни журналист. Ни одна душа.

Сидит и слушает, как птички поют в парке. Слушал-слушал да заснул и проспал до

обеда.

– А сейчас мы пообедаем. – Добрый доктор улыбался. – После обеда покатаемся немного по парку в экипаже. Потом поспим. Потом примем ванну – и в постельку. А там поужинаем – и спать.

Матиуш спал, спал и никак не мог выспаться. Страшные сны снились ему все реже. И аппетит вернулся. За три дня он прибавил полтора кило.

– Вот это я понимаю! – радовался доктор. – Если и дальше так пойдет, через неделю я снова буду называть тебя «ваше величество». А пока ты не король, а заморыш, сирота несчастный, который за всех болеет душой, а о нем некому позаботиться, потому что у него мамы нет.

Через неделю доктор опять дал ему зеркало.

– Ну как, похож на короля?

– Нет еще! – ответил Матиуш. Ему хотелось продлить это блаженное состояние. Еще бы! Доктор возится с ним как с маленьким и не называет «королевским величеством».

Матиуш ожил и повеселел, и теперь доктор с трудом загонял его в постель после обеда.

– А что пишут в газетах?

– В газетах пишут, что король Матиуш болен и, как все дети в его государстве, уезжает завтра отдыхать.

– Завтра? – обрадовался Матиуш.

– Да, ровно в полдень.

– А кто еще поедет?

– Я, капитан, Стасик, Еленка, ну и Клу-Клу – ведь нельзя оставить ее одну.

– Конечно, Клу-Клу поедет с нами.

Но перед отъездом Матиушу все-таки пришлось подписать две бумаги: по делам взрослых его заместителем назначался канцлер, а по ребячьим делам – Фелек.

Две недели Матиуш ничем серьезным не занимался, только играл. Верховодила в играх Клу-Клу. То придумает игру в охоту, то в войну, то сплетет шалаш из веток и ребят научит, как это делается.

Сначала Клу-Клу ни за что не хотела надевать туфли.

– Что за дикий обычай – носить одежду на ногах! – сетовала она.

Потом восстала против платья:

– Почему у вас девочки одеты иначе, чем мальчики? Что за дикость! Оттого они такие неловкие. Попробуй-ка влезь в юбку на дерево или перепрыгни через забор! Проклятая эта юбка вечно путается и мешает.

– Да ты и так лазаешь по деревьям, как обезьяна. Деревенские мальчишки по сравнению с тобой неповоротливые увальни. А Стасик и Матиуш тебе в подметки не годятся!

– Разве это деревья?! – расхохоталась Клу-Клу. – На такие палки только двухлетним малышам карабкаться, а я уже большая.

Как-то раз дети с интересом наблюдали за белкой, которая ловко перепрыгивала с дерева на дерево.

– Подумаешь, и я так умею! – воскликнула Клу-Клу.

И не успели дети опомниться, как она стащила с себя платье, скинула сандалии – скок на дерево, и погоня началась. Белка – с ветки на ветку, Клу-Клу – за ней. Белка – прыг на другое дерево, а Клу-Клу – за ней. Погоня продолжалась минут пять, пока наконец измученная, загнанная белка не кинулась на землю. Клу-Клу – тоже, ребята обмерли: сейчас разобьется. Но она с такой ловкостью то цеплялась за ветки, то отводила их в сторону, что благополучно скатилась вниз и еще успела схватить белку, и не как-нибудь, а за спинку, чтобы та ее не укусила.

– А эти северные обезьяны ядовитые?

– Что ты! У нас только змеи ядовитые.

Клу-Клу подробно расспросила, как они выглядят, посмотрела картинки с

изображением ядовитых змей и отправилась в лес. Она пропадала целый день. Где только ее не искали! Но все напрасно. Лишь под вечер явилась она домой: голодная, вся в ссадинах и царапинах, зато в банке принесла трех живых змей.

– Как это тебе удалось? – удивились ребята.

– Очень просто, – простодушно ответила Клу-Клу.

Деревенские ребята сначала побаивались Клу-Клу, но потом привыкли и полюбили ее.

– Вот это девчонка! Любому мальчишке нос утрет. Интересно, какие же у вас в Африке мальчишки?

– Не хуже и не лучше меня. Это у вас девочки носят длинные волосы и юбки и поэтому не умеют ничего делать.

XXXVII

Клу-Клу не только лучше всех метала камни в цель, стреляла из лука, собирала грибы и орехи – но была лучшей ученицей по ботанике, зоологии, географии и физике. Увидит на картинке какое-нибудь растение или насекомое и без труда отыщет его в поле или в лесу. Услышала она как-то про цветы, которые растут только на болотах, и айда в деревню, разузнать у мальчишек, где здесь болота.

– Далеко. Верст пятнадцать отсюда.

Кому далеко, а кому – нет. Клу-Клу взяла ломоть хлеба, кусок сыра – и только ее и видели!

Теперь, когда она пропадала, ее даже не искали.

– Опять Клу-Клу хозяйничала в буфете, значит, в поход отправилась.

Вот уже вечер, а Клу-Клу все нет.

Оказывается, она заночевала в лесу, а утром возвращается с триумфом и несет букет кувшинок и в придачу лягушек, тритонов, ящериц и пиявок.

Гербарий у нее – самый лучший, коллекция насекомых, бабочек и камней – самая большая. Аквариум свой она содержит в образцовом порядке, и ни у кого улитки и рыбки не размножаются так хорошо, как у нее.

И всегда она улыбается, сверкая ослепительно белыми зубами. Но Клу-Клу умеет быть и серьезной.

– Знаешь, Матиуш, когда я любовалась замечательным фейерверком и огненным водопадом, то пожалела, что этих чудес не видят африканские дети. У меня к тебе огромная просьба.

– Говори, какая.

– Пригласи к себе в столицу пятьдесят наших ребяташек. Пусть они учатся, как я, а потом вернутся домой и других научат всему.

Матиуш ничего определенного не ответил. Он решил сделать Клу-Клу сюрприз и в тот же вечер написал письмо в столицу.

Дорогой Фелек! – писал он. – Когда я уезжал, на крыше устанавливали беспроводный телеграф и работу собирались закончить к первому августа. Беспроводный телеграф нужен нам для связи с Бум-Друмом. Пожалуйста, сообщи ему в первой же телеграмме, чтобы он прислал к нам пятьдесят негритят, Я открою для них в столице школу. Пожалуйста, не забудь об этом.

Матиуш.

Он послунывил конверт и хотел уже его заклеить, но тут открылась дверь и в комнату собственной персоной вошел Фелек.

– Фелек! Вот здорово, что ты приехал, а я как раз собирался отправить тебе письмо.

– Я, ваше величество, по делам службы, с ответственной миссией, – сухим официальным тоном заявил Фелек и, достав золотой портсигар, протянул Матиушу. –

Попробуйте, ваше величество, сигары – высший сорт, экстраприма, аромат прямо-таки королевский.

– Я не курю, – заметил Матиуш.

– Вот то-то и оно! – назидательно сказал Фелек. – Это очень плохо. Короля должны уважать. Миссия, с которой я прибыл к вашему величеству, состоит в том, чтобы ратифицировать мой контрпроект. Я предъявляю ультиматум! Пункт первый: отныне я не Фелек, а барон Феликс фон Раух. Пункт второй: детского парламента нет, а есть Прогресс-парламент, сокращенно Пропар. Пункт третий: до каких пор вас будут называть Матиушем? Вам, государь, уже двенадцать лет, вы должны торжественно короноваться и потребовать, чтобы вас величали императором Матиушем Первым. Не то все ваши реформы полетят к чертям.

– А у меня был другой план, – сказал Матиуш просто. – Пусть взрослые выберут себе другого, взрослого короля, а я останусь Матиушем – королем детей.

– Не смею возражать против примитивной конфекции (он перепутал «концепцию» с «конфекцией») вашего величества. Дело хозяйское. Но лично я желаю именоваться бароном фон Раух, министром Пропара.

Матиуш согласился.

Дальше – больше. Фелек потребовал собственную канцелярию, два автомобиля и жалованье в два раза больше, чем у канцлера.

Матиуш и на это согласился.

Но это еще не все. Фелек потребовал графского титула для редактора Прогаза, то есть Прогресс-газеты (так будет называться газета для детей). Матиуш и на это дал свое согласие.

Фелек привез заготовленные заранее указы и грамоты. Матиуш подписал их.

От этого разговора у Матиуша остался неприятный осадок. И он готов был согласиться на все, лишь бы поскорее отделаться от Фелека.

Матиушу жилось так привольно, что он и думать забыл о государственных делах, о разных совещаниях и заседаниях. Вспоминать о том времени, когда он работал, выбиваясь из последних сил, не хотелось: не хотелось думать, что будет, когда кончатся каникулы. Поэтому ему не терпелось, чтобы Фелек поскорей уехал.

Выручил его доктор.

– Фелек, я просил оставить Матиуша в покое! – ворвался в комнату рассерженный доктор, узнав о приезде Фелека.

– Господин доктор, попрошу не повышать голоса и называть меня настоящим именем.

– А какое же твое настоящее имя?

– Барон фон Раух.

– С каких пор ты стал бароном?

– С тех пор как его величество милостиво пожаловали мне этот титул. – И Фелек величественным жестом указал на столик, где лежали бумаги со свеженькой, еще не просохшей подписью Матиуша.

Многолетняя служба при дворе приучила доктора ничему не удивляться.

– Господин барон фон Раух, – спокойно, но твердо сказал он, – его королевское величество находится на отдыхе, и ответственность за его здоровье несу я. Поэтому, господин барон фон Раух, извольте немедленно убираться туда, куда Макар телят не гонял!

– Я тебе это припомню, противный старикашка! – проворчал Фелек, сгреб бумаги в портфель и, надувшись как индюк, удалился.

Матиуш был бесконечно благодарен доктору за вмешательство. Тем более, что Клу-Клу придумала новую игру: ловить лошадей с помощью лассо. Делалось это так.

К длинной прочной веревке привязывался свинцовый шарик. Дети, притаившись за деревьями, как настоящие охотники, ждали, когда конюх выпустит из конюшни десять пони. Тогда они набрасывали на них лассо, вскакивали им на спину и мчались вскачь.

Сначала Клу-Клу не умела ездить верхом. У нее на родине есть верблюды и слоны, а лошадей нет. Но скоро она скакала не хуже остальных. Только не любила ездить в седле и

особенно по-дамски.

– Седло годится для стариков, у которых болят кости. Когда едешь верхом, сидеть надо на лошади, а не на подушке. Подушка хороша для сна, а не для игры.

Весело жилось деревенской детворе в то лето! Почти ни одна игра не обходилась без них. Клу-Клу научила их новым песенкам, сказкам, показала, как мастерить лук, как сделать шалаш, сплести корзинку и соломенную шляпу, как лучше искать и сушить грибы. Но не только этому научились деревенские ребята. Клу-Клу, еще два месяца назад не умевшая говорить на их языке, учила пастухов читать.

Чтобы легче было запомнить, она каждую букву сравнивала с каким-нибудь растением или насекомым.

– Как? – поражалась Клу-Клу. – Знать столько разных червячков, мушек, паучков, бабочек, трав и цветов и не запомнить каких-то несчастных тридцати букв! Вам только кажется, что это очень трудно. Так всегда бывает, когда учишься кататься на коньках или ездить верхом. Надо себе сказать: это легко, и сразу станет легче.

Ребята повторяли: «Читать легко» – и скоро научились читать. Их матери разводили от удивления руками.

– Ай да девчонка! Учитель целый год горло драл, аж охрип. И линейкой их лупил, и за вихры таскал, и за уши драл... И все нипочем – сидели олухи олухами. А она сказала: буквы похожи на жучков да паучков, и ребята все поняли.

– А корову как она доила – любо-дорого смотреть!

– Послушайте, заболела у меня телка. Так она, даром что девчонка, посмотрела на нее и говорит: «Ваша телка больше трех дней не проживет». Я и без нее это знала: у меня на глазах не один теленок сдох. А она говорит: «Если у вас растет одна такая трава, я теленка вылечу». Я пошла с ней из любопытства в лес. Искала она, искала, видимо-невидимо трав перенюхала да перепробовала. «Нет, говорит, у вас такой травы. Попробую эту, она тоже горькая». Принесла траву домой, как заправский лекарь перемешала с золой, высыпала в молоко и дала выпить телке. А та будто почуяла, что в горьком пойле ее спасение. Мычит, но пьет и облизывается. И что вы думаете? Выздоровела! Разве это не чудо?..

Лето подходило к концу. Жителям деревни жаль было расставаться с королем Матиушем, с вежливыми, послушными детьми капитана, с доктором, который их бесплатно лечил. Но больше всего жалели они, что расстаются с Клу-Клу.

XXXVIII

Недоброе предчувствие, с которым Матиуш возвращался на родину, не обмануло его. Столица встретила короля неприветливо. Уже на вокзале он заметил: что-то неладно. Вокзал оцеплен солдатами. Флагов и цветов меньше, чем обычно. У канцлера озабоченное лицо. Встречать Матиуша явился почему-то обер-полицмейстер, хотя это не входило в его обязанности.

Автомобиль ехал окольным путем, по окраинным, незнакомым улицам.

– Почему мы не едем по центру?

– Там демонстрация рабочих.

– Рабочих? – переспросил удивленный Матиуш, вспомнив веселое шествие детей, которые выезжали летом за город. – А куда они уезжают?

– Никуда, наоборот, они недавно вернулись. Они строили дома для детей, а теперь дома готовы и у них нет работы.

Тут Матиуш сам увидел демонстрацию. Рабочие шли с красными флагами и пели.

– А почему у них знамена красные? Ведь наш государственный флаг другого цвета.

– Они говорят: «Красное знамя – знамя рабочих всего мира».

Матиуш задумался. «Хорошо бы, у всех на земле детей – белых, черных, желтых – тоже был свой флаг. Только вот какого цвета?»

Автомобиль ехал в это время по узкой пыльной улице. Глядя на унылые, серые дома,

Матиуш вспомнил зеленый лес, зеленые луга и сказал вслух:

- А нельзя, чтобы у детей всего мира тоже был свой флаг – зеленый?
- Конечно, можно, – промямлил канцлер.

Матиуш сам не свой бродил по дворцу, а за ним по пятам, как тень, – печальная Клу-Клу.

«Пора приниматься за дело! Пора!» – твердил он себе, но делать ничего не хотелось.

– Барон фон Раух, – доложил лакей.

Вошел Фелек.

– Завтра после летнего перерыва – первое заседание Пропара. Ваше величество, наверно, пожелает выступить с речью?

– А что я им скажу?

– Короли в таких случаях обычно говорят, что рады услышать глас народа и желают успешной работы.

– Хорошо, приеду, – пообещал Матиуш.

Ехать, однако, не хотелось. Матиуш представил себе орущих ребят, взгляды, устремленные на него, и поежился.

Но, обведя глазами зал, битком набитый детворой, приехавшей со всех концов страны, чтобы обсудить, как сделать жизнь интересной и веселой, и, заметив в толпе деревенских ребятишек, он вспомнил недавние игры, воодушевился и произнес пламенную речь.

– Вас, депутатов, много. А я был один. И хотел сделать так, чтобы всем жилось хорошо. Но разве может один человек знать, что нужно всем? Вам это легче сделать. Одним из вас известны желания городских ребят, другим – деревенских. Маленькие знают, что нужно малышам, большие – большим. Я надеюсь, недалеко то время, когда со всего мира съедутся дети – белые, желтые, черные – и, как недавно короли, обсудят свои дела. Например, к чему жителям жарких стран коньки, если у них не бывает зимы? У рабочих есть знамя. Оно (красного цвета. Пусть будет и у детей свое знамя. Может, выбрать зеленое? Дети любят лес, а лес зеленый...

Долго говорил Матиуш. И ему было приятно, что его внимательно слушают.

Когда он кончил, выступил журналист. Для детей, сказал он, ежедневно выходит газета, в которой можно прочесть разные интересные новости, а кто хочет, может сам писать статьи. В конце речи он спросил: как жилось им в деревне?

Тут поднялся невообразимый галдеж: и ничего нельзя было разобрать. Фелеку пришлось прибегнуть к крайним мерам: он вызвал полицию. Только тогда депутаты угомонились.

– Крикунов буду выставять за дверь, – пригрозил Фелек. – И вообще полагается говорить по очереди.

Первым взял слово босоногий мальчуган в поношенном пиджаке.

– Я как депутат заявляю: жилось нам плохо. Играть и гулять не разрешали, кормили впроголодь, а когда шел дождь, с потолка лило из ведра, потому что крыши были дырявые.

– И белье не меняли! – выкрикнул кто-то с места.

– И на обед давали не суп, а помой!

– Как свиньям!

– И никакого порядка не было!

– В чулан запирали безо всякой вины.

Снова поднялся крик.

Пришлось на десять минут прервать заседание и навести порядок.

За дверь выставили четырех самых горластых депутатов. Журналист в короткой, но выразительной речи объяснил, что ни одно начинание не обходится без недостатков, следующим летом будет лучше, и попросил вносить свои предложения.

Опять закричали все сразу:

– Я хочу голубей держать!

– А я – собаку!

- У всех ребят должны быть часы!
- Пусть нам не запрещают звонить по телефону!
- Не хотим, чтобы нас целовали!
- Сказки пусть рассказывают!
- Мы любим колбасу!
- Зельц!
- Не хотим рано ложиться спать!
- Каждому – велосипед!
- И свой шкафчик!
- И карманов побольше. У моего отца тринадцать карманов, а у меня только два. И ничего не помещается, а потеряешь платок – ругают.
- Свистки хотим!
- Револьверы!
- В школу на автомобиле ездить!
- Долой девчонок и малышей!
- Я хочу быть волшебником!
- Всем – по лодке!
- Каждый день хотим в цирк ходить!
- Чтобы каждый день была пасха!
- И рождество!
- Всем детям – по отдельной комнате!
- Хотим туалетным мылом умываться!
- Душиться духами!
- Чтобы каждый имел право раз в месяц разбивать окно!
- Разрешить курить!
- Долой контурные карты!
- И диктанты!
- Установить день, когда взрослые будут сидеть дома, а дети ходить куда хочется!
- Пусть королями везде будут дети!
- Взрослые пусть ходят в школу!
- Апельсины вместо шоколада!
- И ботинки!
- Автомобили!
- И пароходы!
- И дома!
- И поезда!
- Деньги! Сами будем покупать, что нам надо!
- Корову в каждый дом, где маленький ребенок!
- И лошадь!
- И по десять моргов земли!..

Так продолжалось около часа. Журналист ухмылялся и быстро-быстро записывал все в блокнот. Деревенские ребята сначала стеснялись, но потом разошлись и тоже стали орать. Матиуш очень устал.

- Ну хорошо, вот вы записали все, а дальше что?
- Надо их воспитывать, – сказал журналист. – Завтра напечатаем в газете отчет и объясним, что можно сделать, а чего нельзя.

По коридору прошел депутат – противник девочек.

- Господин депутат! – обратился к нему журналист. – Что вы имеете против девочек?
- У нас во дворе есть одна противная девчонка. Никому житья от нее нет. Сама первая пристаёт, а тронешь ее пальцем, орет и бежит ябедничать. Вот мы и решили положить этому конец.

Журналист остановил другого депутата:

– Господин депутат, почему вы возражаете против поцелуев?
– Посмотрел бы я, что бы вы сказали, будь у вас столько теток, сколько у меня! Вчера был день моего рождения. Так они до того меня всего обслуживали, что даже крем шоколадный в горло не полез. Пусть взрослые лижутся, если им это нравится, а нас оставят в покое: мы этого терпеть не можем!

Журналист записал его ответ в блокнот.

– Господин депутат, подождите минутку! У вашего папы в самом деле столько карманов?

– Сосчитайте сами. В брюках два кармана по бокам и один сзади. В жилете четыре маленьких кармашка и один внутренний. В пиджаке – два внутренних, два боковых и наверху один. Даже для зубочистки отдельный карманчик. А у меня для биты кармана нет! Кроме того, у них разные ящики, письменные столы, шкафы, полки. И еще хватает нахальства хвастаться, что они ничего не теряют и все кладут на место.

Журналист записал и это.

Тут прошли два депутата, которые ополчились на малышей.

– Почему? – спросил журналист.

– А кто качает люльку и нянчит их? Мы!

– И вечно уступай им, потому что они, видите ли, маленькие.

– И пример хороший подавай. Он набедокурит, а попадает тебе: «Это он у тебя научился». А кто ему велел обезьянничать?

Журналист слушал и строчил.

XXXIX

Журналист напечатал в газете статью, в которой говорилось: ни один парламент на свете не может превратить человека в волшебника, сделать так, чтобы каждый день было первое апреля и ребята каждый вечер ходили в цирк. И еще: надо смириться с тем, что на свете всегда были и будут мальчики и девочки, большие и малыши.

Статья была написана в доброжелательном корректном тоне. Никаких обидных, резких выражений, вроде «несли чушь... бессмыслицу... глупость» или «отодрать бы их за уши». Журналист перечислил, что можно осуществить, а чего – нельзя.

Больше карманов? Пожалуйста! Издадут указ, чтобы портные пришивали по два лишних кармана... И так далее.

Клу-Клу прочла газету и возмутилась:

– Матиуш, разреши мне пойти на заседание парламента. Я им все начистоту выложу! Почему в парламенте нет девочек?

– Есть, но они молчат.

– Тогда я отвечу за них. Тоже мне умник нашелся: из-за одной девчонки-ябеды долой всех девочек? А сколько среди мальчишек задир и приставал! Значит, их тоже долой? Белые люди столько полезных, хороших вещей придумали – и вдруг такая глупость! Ничего не понимаю!

Едет Клу-Клу с Матиушем в парламент, а сердце у нее – тук-тук! – вот-вот из груди выскочит, не из трусости, а оттого, что она сочиняет в уме речь и волнуется. Ребята таращатся на Клу-Клу, а она как ни в чем не бывало сидит рядом с Матиушем в королевской ложе.

Фелек позвонил колокольчиком.

– Заседание объявляю открытым. Оглашаю повестку дня. Первое: чтобы каждый ребенок имел часы. Второе: чтобы детей не целовали. Третье: о карманах. Четвертое: чтобы не было девочек.

По первому пункту записалось пятнадцать ораторов.

Один заявил:

– Часы нужны, чтобы не опаздывать в школу. Взрослые могут обойтись без часов: они

лучше нас считают.

– Почему я должен страдать, если у папы или мамы отстают часы? А за своими я сам буду следить, чтобы они ходили точно, – сказал другой.

– И не только, чтобы вовремя приходить в школу, нужны часы. Опоздаешь к обеду или заиграешься вечером во дворе – скандал. А откуда нам знать, который час?

– Для игр тоже необходимы часы. Попробуй рассуди без часов по справедливости, кто быстрее бежит или дольше на одной ножке простоит!

– Возьмешь лодку на час, покатаешься немного, а тебе говорят: время истекло. Это вранье, но как докажешь без часов, что ты прав. Приходится платить.

Фелек опять позвонил.

– Приступаем к голосованию. Я думаю, постановление о часах будет принято единогласно.

Однако девять оказалось против часов. К ним тотчас же подскочил журналист: в чем дело, почему, отчего, по какому случаю?

– Начнем разбирать, крутить – и ломаем... Потерять можно. Сделаешь стойку, они выпадут из кармана и разобьются. Часы не у всех взрослых есть, они будут нам завидовать и злиться. Можно прекрасно обойтись без них. Отец отнимет, продаст, а деньги проплет.

Снова зазвонил колокольчик.

– Принято большинством голосов.

Насчет поцелуев разногласий не было. Ребята заявили единодушно: «Не хотим, чтобы каждый имел право нас целовать. Для родителей придется сделать исключение, а для теток и прочих родственников – нет».

По третьему пункту повестки дня приняли следующее решение: девочкам пришивать по два кармана, а мальчикам – по шесть.

Клу-Клу недоумевала. Почему такое неравноправие: у девочек в три раза или на четыре кармана меньше, чем у мальчиков? Но она промолчала, решила подождать, что будет дальше.

Фелек снова позвонил колокольчиком.

– Переходим к следующему пункту повестки дня: насчет девочек.

Что тут началось!

– Девчонки – ревы! Неженки! Ябеды! Задавалы! Размазни! Трусихи! Девчонки вечно обижаются, шушукаются, царапаются.

Бедные девочки-депутаты сидят – и ни слова, только из глаз слезы каплют.

– Прошу слова! – послышался из королевской ложи голос Клу-Клу.

Воцарилась тишина.

– У нас в Африке девочки такие же ловкие, как и мальчики. Они так же быстро бегают, лазают по деревьям и кувыркаются. А у вас – сплошное безобразие! Мальчики все время ссорятся с девочками, пристают к ним, мешают играть, а сами в их играх не участвуют. По моему, среди мальчишек больше озорников, чем среди девочек.

– Ого! – послышалось из зала.

Колокольчик Фелека заливался, призывая к порядку.

– Мальчики – драчуны, грубияны, грязнули, они рвут одежду, говорят неправду...

Раздался крик и свист.

Опять зазвонил колокольчик.

– Мальчишки вырывают из тетрадей страницы и пачкают книги. Плохо учатся. На уроках шумят. Бьют стекла. Обижают девочек. Нечестно пользоваться тем, что бедные девочки ходят в Европе в юбках, и у них длинные волосы, и поэтому они слабее мальчиков...

– Пусть остригутся!

– Пусть наденут брюки!

Фелек потряс колокольчиком.

– Разве обижать слабых хорошо? И еще говорят, что девочки плохие!

Тут разразилась настоящая буря. Топот, свист, крик – все слилось и перемешалось!

– Гляньте-ка, учить нас вздумала!

– В клетку ее, к обезьянам!

– Невеста короля!

– Жена Матиуша!

– Жених и невеста, тили-тили-тесто!

– С девчонкой связался!

– Канарейка желтопузая ты, а не король!

Один мальчишка вскочил на стул и, покраснев от натуги, заорал что есть мочи.

Фелек знал его. Это был хулиган, карманный воришка по имени Антек.

– Антек, заткнись, не то в зубы дам! – крикнул Фелек.

– Слабо, барон фон Раух! Феля, Феля – министр без портфеля! Феля – пустомеля! Забыл, как у торговков яблоки воровал? Фе-ля, Фе-ля – пус-то-ме-ля!

Фелек запустил в Антека чернильницей и колокольчиком. В зале забурило, как в котле. Более благоразумные депутаты поспешили к выходу. Оставшиеся разделились на две партии и накинулись друг на друга.

Матиуш, белый как полотно, взирал на побоище из своей ложи. А журналист что-то быстро строчил в блокноте.

– Не огорчайтесь, барон фон Раух! Ничего страшного. Борьба сплачивает единомышленников, – сказал он Фелеку.

А Фелек и не думал огорчаться. Пусть себе дубасят друг друга, лишь бы ему не досталось.

Клу-Клу так и подмывало спуститься по карнизу вниз, схватить стул и показать этим воображалам, как в Африке дерутся девочки. Ведь драка вспыхнула из-за нее. Ей было жалко Матиуша: она видела, как он страдает. Ничего, успокаивала она себя. Так им и надо. Обозвали ее черномазой? Подумаешь, что ж в этом обидного? В клетку к обезьянам? Она-то побывала там, а вот они пусть попробуют, каково это. Невеста Матиуша? А что в этом плохого? Она бы им показала, если бы не дурацкие эти европейские обычаи...

А дерутся-то как! Тоже мне мальчишки! Растяпы, слабаки, олухи! Девять минут прошло, и никаких результатов. Наскакивают друг на друга, как петухи, размахивают кулаками, и все без толку.

Фелек – тот даже чернильницу и колокольчик не сумел как следует бросить. Если бы Клу-Клу угостила этого крикуна тем или другим, не стоял бы он сейчас в позе победителя на столе.

В конце концов Клу-Клу не выдержала. Перелезла через барьер и – прыг! – вниз. Уцепилась за люстру, потом соскочила на пол. Перепрыгнув через стол для прессы и разогнав, как назойливых мух, пятерых противников Антека, она прокричала ему в лицо:

– А ну, выходи!

Антек, не подозревая, с кем имеет дело, замахнулся, но в тот же миг получил четыре удара; собственно, не четыре, а один: Клу-Клу ударила его одновременно головой, ногой и двумя руками. Антек брякнулся на пол: из носа течет кровь, шея не ворочается, рука одеревенела, трех зубов как не бывало.

«До чего у этих белых слабые зубы», – подумала Клу-Клу и, подскочив к председательскому столу, смочила водой носовой платок и приложила Антеку к носу.

– Ничего, рука цела. У нас в Африке после такого удара один день лежат пластом, а ты послабей, значит, ты очухаешься через неделю. А за зубы прости, пожалуйста. Я не рассчитала, наши ребята намного крепче белых.

– Ноги моей больше не будет в парламенте! – вернувшись во дворец, решил смертельно оскорбленный Матиуш. – Черной неблагодарностью отплатили они мне за все, что я для них сделал. За бессонные ночи, за опасные путешествия, за защиту государства, едва не стоившую мне жизни...

Им, видите ли, волшебниками захотелось стать, кукол им, дурам, подавай до небес! Подумаешь, беда: крыша немного протекает, еда недостаточно вкусная, играть не во что. А в какой стране у ребят есть такой зверинец? А фейерверки, а духовой оркестр? Газета специально для них выходит! Напрасно я старался. Завтра весь мир узнает из газет, что меня дразнили, называли размазней, женихом Клу-Клу. Нет, не стоило стараться ради них.

И Матиуш распорядился: писем ему больше не приносить. Он их не станет читать. Аудиенция после обеда отменяется: хватит, никаких подарков не будет!

Матиуш решил посоветоваться с канцлером, как быть дальше.

– Соедините меня, пожалуйста, с квартирой господина канцлера, – сказал он в трубку.

– Алло, кто говорит?

– Король.

– Господина канцлера нет дома, – ответил канцлер, надеясь, что Матиуш не узнает его по голосу.

– Как? Ведь вы со мной говорите!

– Ах это вы, ваше величество! Простите, но я никак не могу прийти: мне нездоровится и я ложусь в постель. Поэтому я сказал, что меня нет дома.

Матиуш, не говоря ни слова, повесил трубку.

– Притворяется, обманщик! Ему уже известно о моем позоре. Меня никто больше не будет уважать, все будут надо мной смеяться.

Тут лакей доложил о приходе Фелека и журналиста.

– Проси!

– Ваше величество, я пришел посоветоваться, как осветить сегодняшнее заседание Пропара в газете. Можно, конечно, это дело замять, но тогда пойдут сплетни. Есть другой выход: написать, что заседание было очень бурным и барон фон Раух подал в отставку, то есть оскорбился и не захотел больше быть министром. Но король упросил его не покидать свой пост и наградил орденом.

– А обо мне вы что напишете?

– Ничего. О таких вещах не принято писать. Как быть с Антеком – вот проблема! Высесть его нельзя, он – депутат, а личность депутата неприкосновенна. Между собой они могут драться сколько угодно, а правительство не имеет права вмешиваться. Впрочем. Клу-Клу здорово его отделала, может, он теперь остепенится.

Вот здорово! В газете не напишут про то, как Антек оскорблял его и ругал обидными словами. И Матиуш от радости готов был простить противного мальчишку.

– Заседание завтра в двенадцать.

– Меня это не интересует. Ноги моей больше там не будет!

– Это нехорошо, – сказал журналист. – Еще подумают, что вы трусите.

– Как же быть? Ведь меня оскорбили, – проговорил Матиуш со слезами в голосе.

– Парламентская делегация явится во дворец и попросит у вашего величества прощения.

– Ладно, – согласился Матиуш.

Журналист торопился в редакцию: к утру статья должна быть готова. Фелек остался во дворце.

– Что, достукался? Матиуш, Матиуш! Будто не король, а младенец. Не говорил я тебе: этому надо положить конец?..

– Подумаешь, – перебил его Матиуш, – ты вон бароном фон Раухом велел себя величать, а тебя обозвали дураком и пустомелей. Еще почище, чем меня.

– Ну и что? Ведь я всего-навсего министр, а ты король. Лучше быть дураком

министром, чем размазней королем.

На этот раз Клу-Клу осталась дома, Матиуш поехал на заседание парламента один. Настроение у него было препаршивое, но депутаты вели себя так хорошо и выступали так интересно, что Матиуш скоро забыл о вчерашнем.

На повестке дня стояло два вопроса: о красных чернилах и о том, чтобы над детьми не смеялись.

– Почему учителя исправляют ошибки и ставят отметки красными чернилами, а мы пишем черными? Это несправедливо: красные чернила красивее!

– Правильно! – сказал следующий оратор, девочка. – И еще пускай в школе выдают бумагу для обертывания тетрадей. А то обложка быстро пачкается. И картинки, чтоб наклеивать на обложку.

Когда девочка кончила, раздались аплодисменты. Мальчики старались загладить свою вину и доказать, что причиной вчерашнего скандала были хулиганы. Ну, а несколько хулиганов на три-четыре сотни депутатов – это не так уж много.

Выступавшие жаловались, что взрослые смеются над ними.

– Спросишь их о чем-нибудь или сделаешь что-нибудь не так, они начинают кричать, сердиться или смеются над нами. Это нехорошо. Они думают, будто все знают, а на самом деле это не так. Мой папа не мог назвать всех заливов в Австралии и всех рек Америки и даже не знал, из какого озера берет начало Нил.

– Нил не в Америке, а в Африке! – крикнул кто-то с места.

– Без тебя знаю. Я просто так, для примера сказал. Они не смыслят ничего в марках, не умеют свистеть, засунув пальцы в рот, и говорят, это неприлично.

– Послушал бы ты, как мой дядя свистит!

– Просто свистеть каждый умеет.

– А ты почему знаешь, как он свистит?

– Дурак!

Опять чуть не вспыхнул скандал, но председатель объявил:

– Депутатов обзывать дураками нельзя. Нарушителей будут удалять из зала заседаний.

– Что значит «удалять из зала»?

– Так принято выражаться в парламенте. По-школьному – выставлять за дверь.

Так депутаты постепенно учились, как вести себя в парламенте.

Когда заседание подходило к концу, в зал влетел запыхавшийся депутат.

– Простите за опоздание! – выпалил он. – Еле вырвался! Мама не пускала меня в парламент из-за того, что мне вчера оцарапали нос и набили шишку на лбу.

– Это насилие. Личность депутата неприкосновенна, и родители не имеют права запретить ему идти на заседание. Если тебя выбрали в парламент, изволь управлять! А в школе разве не разбивают носы? Однако в школу они почему-то не запрещают нам ходить.

Так начались разногласия между взрослыми и детьми.

В заграничных газетах появились сообщения о детском парламенте. И ребята во всем мире – дома и в школе – заговорили о своих правах. Поставят несправедливо плохую отметку или от родителей ни за что попадет, они говорят:

– Был бы у нас свой парламент, мы бы этого не потерпели!

На юге Европы в маленьком государстве королевы Кампанеллы дети рассердились на взрослых и устроили забастовку. Колонны ребят шагали по улицам с зелеными знаменами.

– Только этого нам не хватало, – ворчали взрослые. – Мало у нас своих забот...

Матиуша это известие очень обрадовало. В Прогазе появилась статья под названием: «Лед тронулся».

«Скоро зеленое знамя завоюет все континенты. И тогда на земле прекратятся драки, ссоры и войны. Ребята с малых лет привыкнут жить в мире и, когда вырастут большими, не захотят воевать».

Идея единого – зеленого – знамени принадлежит Матиушу. За это он достоин быть королем детей всего мира.

Клу-Клу вернется на родину и установит там новые порядки. Это очень хорошо.

Вот требования, которые должны быть начертаны на боевых знаменах детей:

Детям – одинаковые права со взрослыми!

Дети – полноправные граждане своих стран!

Тогда дети будут слушаться старших не из боязни наказания, а потому что они сами будут дорожить порядком».

В газете писали еще много интересного.

«Почему же Печальный король пугал меня, будто реформатором быть очень трудно, будто они всегда плохо кончают? – недоумевал Матиуш. – Будто признание приходит к ним лишь после смерти, и тогда им ставят памятник.

А у меня пока все идет хорошо, и никакая опасность мне не угрожает. Конечно, не обошлось без неприятностей и огорчений, но это неизбежно, когда управляешь государством.»

XLI

Однажды перед зданием парламента собралась толпа ребят, которым исполнилось пятнадцать лет. Один влез на фонарь и оттуда держал речь.

– Безобразие! Про нас забыли! Мы тоже хотим иметь своих представителей в парламенте! У взрослых есть парламент, у малышей есть, а мы чем хуже других? Не позволим соплякам командовать! Почему им – шоколад, а нам папирос не выдают? Это несправедливо!

Депутаты направлялись в это время в парламент на заседание, а большие ребята их не пускали.

– Хороши депутаты, таблицу умножения не знают! «Корову» пишут через «а»!

– Писать не умеют!

– Не потерпим, чтобы они нами командовали!

– Долой правительство сопляков!

Обер-полицмейстер позвонил во дворец и сообщил: на улице беспорядки, пусть Матиуш не выходит из дворца. А сам вызвал конную полицию, и она стала теснить толпу. Но ребята не думали расходиться, они швыряли в полицейских учебниками, булками, которые им дали на завтрак, кое-кто выворачивал булыжники из мостовой. Это последнее обстоятельство окончательно вывело из себя обер-полицмейстера.

– Разойтись! – закричал он зычным голосом. – Немедленно разойтись, не то солдат вызову! Бросите камень в солдат – я выстрелю для предупреждения в воздух, и если не прекратите, отдам команду открыть огонь!

Но страсти от этого еще сильнее разгорелись. Ребята выломали дверь и ворвались в зал заседаний.

– Не уйдем, покуда не получим одинаковые права с молокососами!

Все растерялись: что предпринять? Тут в королевской ложе появляется Матиуш. Он не послушался обер-полицмейстера и приехал в парламент: хотел своими глазами убедиться, что происходит.

– Даешь парламент! Мы тоже хотим выбирать депутатов! Мы требуем для себя прав! – орали из зала. Отдельные выкрики тонули в шуме и гаме, вопле и реве, так что ничего не разберешь.

А Матиуш стоит и молча смотрит. Выжидает. Ребята видят: криком не возьмешь, и зашикали друг на друга:

– Тише, перестаньте галдеть!

– Король хочет говорить! – выкрикнул кто-то

И наступила тишина.

Матиуш произнес длинную и очень умную речь.

– Граждане! – сказал он. – Ваши требования справедливы. Вам наравне со всеми

должны быть предоставлены права! Но вы скоро будете взрослыми, и вас смогут выбрать во взрослый парламент. Я начал с детей, потому что сам маленький и мне ближе и понятней их нужды. Нельзя сделать все сразу. У меня и так дел по горло. Когда мне исполнится пятнадцать лет и мы наведем порядок у детей, я займусь вами.

– Покорно благодарим! К тому времени мы вырастем и без ваших милостей обойдемся!

Матиуш сообразил, что дал маху, и попробовал подойти с другого конца:

– Чего вы к нам пристали? У вас уже усы растут, вы курите папиросы, ну и ступайте к большему, пускай они принимают вас в свой парламент.

Старшие ребята, у которых в самом деле уже пробивались усы, подумали: «На кой черт нам этот сопливый парламент! Пойдем лучше в настоящий».

А те, кто помоложе, не захотели признаваться, что не курят, и тоже сказали: «Хорошо».

И ушли. Но к взрослому парламенту их не подпустили солдаты. Преградили путь штыками. Ребята повернули назад, а там тоже солдаты. Тогда толпа разделилась: одни свернули направо, другие – налево. Потом разделились опять, а солдаты все теснят их, не дают остановиться. Когда толпа разбилась на маленькие группки, полиция окружила их и арестовала.

Узнав об этом, Матиуш страшно рассердился на обер-полицмейстера. Выходит, будто Матиуш расставил им ловушку. Толстяк оправдывался: иначе, мол, с этими хулиганами не сладишь. Тогда Матиуш велел расклеить по городу объявления, что он приглашает во дворец для переговоров трех самых рассудительных ребят.

Но вечером его самого пригласили на экстренное заседание государственного совета.

– Дело плохо, – сказал министр просвещения. – Дети отказываются учиться. Не слушаются учителей, смеются им в лицо и говорят: «А что вы нам сделаете? Не хотим – и все. Пойдем с жалобой к королю. Скажем нашим депутатам». Учителя не знают, как быть. А старшие и вовсе от рук отбились: «Сопляки будут командовать, а мы зубрить? Нет, дудки! В парламент нас не приглашают, значит, и в школу нечего ходить». Раньше малыши между собой дрались, а теперь старшие им проходу не дают. Дернут за ухо, дадут подзатыльник и говорят: «Иди жалуйся своему депутату». Если эта кутерьма недели через две не прекратится, мы подаем в отставку», – заявили учителя. Двое уже уволились. Один продает содовую воду, другой открыл пуговичную фабрику.

– И вообще взрослые недовольны, – сказал министр юстиции. – Вчера в кондитерской один господин возмущался: «Дети, как с цепи сорвались, делают что хотят, от их визга помешаться можно! Прыгают по диванам, играют в комнатах в футбол, шатаются без спроса по улицам. Одежда на них прямо горит, скоро они, как нищие; в лохмотьях будут ходить». Он еще много чего говорил, но я не могу этого повторить в присутствии вашего величества. Я, конечно, приказал его немедленно арестовать за оскорбление королевской особы.

– Я придумал! – сказал Матиуш. – Пусть школьники будут вроде чиновников. Ведь ребята в школе пишут, считают, читают – словом, трудятся. А раз так, им полагается жалованье. Нам ведь все равно, что выдавать: шоколад, коньки, кукол или деньги. Зато ребята будут знать: плохо учишься – не получишь жалованья.

– Ну что ж, можно попробовать, – без энтузиазма согласились министры.

Матиуш, забыв, что государством управляет теперь не он, а парламент, велел на всех перекрестках расклеить объявления.

На другой день утром к нему в комнату влетает журналист, злющий-презлющий:

– Если все важные сообщения будут расклеиваться на стенах, к чему тогда газета?

Следом за ним примчался Фелек:

– Если ваше величество изволит сам издавать законы, к чему тогда парламент?

– Барон фон Раух совершенно прав, – поддержал его журналист. – Король может высказывать свои пожелания, а выносить окончательное решение – дело депутатов. Может, они придумают что-нибудь получше?

Матиуш понял, что опять поторопился. Как же теперь быть?

– Позвоните по телефону и распорядитесь, чтобы пока выдавали шоколад, не то могут

начаться беспорядки. И сегодня же надо обсудить этот вопрос в парламенте.

Он предчувствовал, что это кончится плохо. Так оно и вышло. Постановили передать дело на рассмотрение комиссии.

– Я возражаю! – заявил Матиуш. – В комиссии начнется волокита. А учителя больше двух недель ждать не намерены и, если все останется по-прежнему, уйдут из школ.

Журналист подскочил к Фелеку и зашептал ему что-то на ухо. Фелек самодовольно ухмыльнулся и, когда Матиуш кончил, попросил слова.

– Господа депутаты – начал он. – Я сам ходил в школу и прекрасно знаю тамошние порядки. Только за один учебный год меня семьдесят раз незаслуженно заставляли весь урок стоять, сто пять раз незаслуженно ставили в угол, сто двадцать раз незаслуженно выгоняли из класса. Вы думаете, это только в одной школе так? Ничего подобного! Я шесть школ переменял, и всюду одно и то же. Взрослые в школу не ходят и ничего не знают. Если учителя не хотят учить детей, пусть учат взрослых. Взрослые на своей шкуре убедятся, как это сладко, и перестанут заставлять нас учиться. А учителя увидят, что над взрослыми не поизмываешься, и перестанут жаловаться на нас.

Посыпались жалобы на школу и учителей. Одного несправедливо оставили на второй год; другому за две ошибки кол вклеили; третьего наказали за опоздание, хотя у него болела нога и он не мог быстро идти; четвертый не выучил стихотворение из-за того, что младший братишка вырвал из учебника страницу, а учитель сказал: это отговорка. И так далее.

Когда депутаты устали и проголодались, Фелек поставил на голосование следующий проект:

– Комиссия рассмотрит вопрос о том, как сделать, чтобы нас не обижали, и нужно ли нам, как чиновникам, платить жалованье. А пока пускай в школу ходят взрослые. Кто «за», прошу поднять руку.

Два-три человека пытались возразить, но поднялся целый лес рук, и Фелек объявил:

– Проект принят большинством голосов.

XLII

Трудно вообразить, какой поднялся переполох и возмущение, когда стало известно о решении детского парламента.

– Беззаконие! – негодовали одни. – Кто дал им право распоряжаться? У нас свой парламент есть, и мы не обязаны им подчиняться. Пусть занимаются своими детскими делами, а в наши нечего вмешиваться.

– Ну хорошо, – говорили другие. – Допустим, мы пойдем в школу. А кто будет работать?

– Ничего, пусть поработают сами. По крайней мере увидят, каково это.

– Может, оно даже к лучшему, – рассуждали оптимисты. – Дети убедятся, что без нас обойтись трудно, и будут больше уважать взрослых.

А бедняки и безработные даже рады были. Вышел новый указ: за ученье платить, как за работу, потому что ученье – тоже труд.

Итак, по новому закону, дети работают, а взрослые учатся.

Неразбериха. Кутерьма. Ералаш. Мальчишки хотят быть только пожарниками или шоферами. Девочки – продавщицами в кондитерских или в магазинах игрушек. Как всегда, не обошлось без глупостей: один мальчик изъявил желание быть палачом, другой – индейцем, третий – сумасшедшим.

– Все не могут быть пожарниками и шоферами, – объяснили им.

– А мне какое дело? Пусть другие работают дворниками!

Дома тоже было много недоразумений и ссор, особенно когда дети передавали родителям свои тетради и учебники.

– Ты испачкал книги и тетрадки, а ругать будут меня, – говорила мама.

– Ты потерял карандаш, и мне нечем рисовать, а от учителя попадет мне, – говорил

папа.

– Ты не приготовила вовремя завтрак, и теперь я опоздаю в школу. Пиши мне записку, – говорила бабушка.

Учителя радовались: наконец-то они немного отдохнут. Ведь не станут же взрослые безобразничать!

– Покажите детям пример, как надо учиться, – говорили они родителям.

Многие находили это забавным. Но все сходилось в одном: долго так не протянется. Странное зрелище представлял город, взрослые чинно шагают с портфелями в школу, а дети деловито спешат на работу: кто в контору, кто на фабрику, кто в магазин. У некоторых пап и мам лица расстроенные и смущенные, а у некоторых – веселые и беззаботные.

– Ну что? Разве плохо оказаться снова детьми?

Иногда встречались старые школьные товарищи, которые сидели на одной парте. Папы с удовольствием вспоминали давно минувшие времена, учителей, разные игры и проказы.

– Помнишь латиниста? – спрашивал инженер у переплетчика – своего бывшего одноклассника.

– А помнишь, из-за чего мы с тобой раз подрались?

– Еще бы! Я купил перочинный нож, а ты сказал: он не стальной, а железный.

– Нас с тобой из-за этого в карцер посадили.

Два солидных господина – доктор и адвокат, увлекшись воспоминаниями, забыли, что они не маленькие, и стали толкаться и гоняться друг за другом. Учительница, проходившая мимо, сделала им замечание, что на улице надо вести себя прилично.

Но были и такие, которым это очень не нравилось. Злющая-презлющая идет с портфелем в школу толстуха, хозяйка трактира.

А встречный мастер узнал ее и говорит товарищу:

– Смотри, вон гусыня идет. Помнишь, как она в водку подливала воду, а за селедочный хвост, как за целую селедку, с нас брала? Давай ей подставим ножку, а? Мы ведь с тобой теперь сорванцы.

Так они и сделали. Она чуть не растянулась. Тетради рассыпались по мостовой.

– Хулиганы! – завопила толстуха.

– Мы нечаянно.

– Вот скажу учительнице, что не даете спокойно перейти через дорогу, она вам задаст!

Зато дети шагали по улицам спокойно и чинно, и ровно в девять все конторы и магазины были открыты.

В школе старики и старушки норовят сесть за задние парты, поближе к печке: рассчитывают подремать во время урока.

Великовозрастные ученики читают, пишут, решают задачки. Все как полагается. И все-таки учительница несколько раз рассердилась за то, что ее невнимательно слушают. Но разве можно быть внимательным, когда тебя одолевают заботы: как дома управляются дети, что слышно на фабрике, в магазине?

Девочки изо всех сил стараются, хотят доказать, что они хорошие хозяйки. Но приготовить обед не так-то просто, когда не знаешь, как это делается.

– Может, на обед вместо супа подать варенье?

И – айда в магазин.

– Ах, как дорого! В других магазинах дешевле.

Покупатели отчаянно торгуются, чтобы показать, как дешево они умеют покупать. А продавцам хочется похвастаться большой выручкой. Торговля идет бойко.

– Дайте, пожалуйста, еще десять апельсинов.

– Фунт изюма.

– Швейцарского сыра, пожалуйста. Только чтобы свежий был, а то принесу обратно.

– У меня сыр самого высшего качества и апельсины с тонкой кожицей.

– Хорошо. Сколько с меня?

Продавец пытается сосчитать, но у него ничего не выходит.

- А сколько у тебя денег?
- Сто.
- Мало. Это стоит дороже.
- Я потом принесу.
- Ладно.
- Только дай мне сдачу.
- Вот дура! Денег не хватает, а она еще сдачу просит.

Справедливости ради следует заметить, что в магазинах и учреждениях с посетителями обращались не слишком вежливо. То и дело слышалось:

«Дурак... Брешь... Убирайся вон!.. Не хочешь – как хочешь... Не воображай... Отвяжись!..» И так далее.

Случалось услышать и такое:

– погоди, вот мама придет из школы...

Или:

– Кончатся уроки, все папе расскажу...

От уличных мальчишек житья не стало: влетят в магазин, набьют полные карманы – и поминай как звали. Полицейские вроде бы на постах, но толку от них мало.

– Полицейский! Ты что, ослеп? Хулиганы в магазин ворвались, схватили чернослив и удрали.

- В какую сторону?
- А я почему знаю?
- Если не знаешь, я ничем не могу тебе помочь.
- На то ты и полицейский, чтобы смотреть.
- Ты за одним магазином уследить не можешь, а у меня их пятьдесят.
- Дурак!
- Сама дура! Не нравится – не зови в другой раз.

Выходит полицейский из лавки, а сабля за ним по земле волочится.

«Тоже мне... Вора ей поймай, а в какую сторону убежал, не знает. Собачья должность. Стоишь весь день и глазеешь по сторонам. А эта жадина хоть бы яблочко дала! Не буду больше полицейским, пусть делают что хотят. Лучше в школу пойду.»

- Мамочка, тебя сегодня спрашивали?
- Папа, ты контрольную решил?
- Бабушка, ты с кем сидишь? А на какой парте?

Некоторые ребята по дороге с работы заходят в школу за папой или мамой.

– Ну, что ты сегодня делал на работе? – спрашивает папа.

– Да ничего особенного. Посидел за письменным столом. Потом в окно смотрел на похоронную процессию. Хотел закурить, но папироса попалась горькая. На столе у тебя какие-то бумаги лежали, я их подписал. Пришли трое иностранцев – не то французы, не то англичане, залопотали по-своему, но я сказал, что не понимаю, и они ушли. Пора было пить чай, но чай не принесли, и я весь сахар съел. А потом звонил ребятам, но дозвонился только до одного – наверно, телефон испорчен. Он сказал, что работает на почте и там много писем с заграничными марками.

С обедом бывало по-разному: в одних домах он удавался на славу, в других пригорал, а в третьих его вовсе не было, потому что разжечь плиту не сумели. И мамам срочно приходилось готовить.

– Мне некогда, – говорила мама, – у меня много уроков. Учительница сказала: взрослым надо больше задавать. Это несправедливо. В других школах столько не задают.

- А в углу стоял кто-нибудь?
- Стоял, – призналась смущенная мама.
- За что?

– На четвертой парте сидели две дамы, – кажется, знакомые по даче – и весь урок болтали. Учительница два раза сделала им замечание, а они – никакого внимания. Тогда

учительница поставила их в угол.

- Они плакали?
- Одна смеялась, а другая вытирала слезы.
- А мальчишки к вам пристают?
- Немножко.
- Совсем как у нас! – обрадовалась девочка.

XLIII

Матиуш читает в кабинете газету. В газете подробно сообщается, как прошел вчерашний день. Конечно, пишут там, пока в государстве еще нет порядка. Телефоны работают плохо, письма на почте не разобраны и не доставлены адресатам, потерпел крушение поезд, но сколько жертв, неизвестно, так как телеграф бездействует. Надо набраться терпения, пока дети не привыкнут. Ни одна реформа не обходится без жертв. И на первых порах хозяйство после любой реформы терпит ущерб.

В другой статье говорилось, что комиссия усиленно трудится над законопроектом о школах, который удовлетворил бы всех: и учителей, и родителей, и детей.

Вдруг в кабинет как шальная влетела Клу-Клу. Она улыбалась во весь рот, хлопала в ладоши и прыгала от радости:

- Отгадай, какая у нас новость!
- Что такое?
- Приехало пятьсот негритят.

У Матиуша совсем из головы вылетело, что он дал Бум-Друму телеграмму с просьбой прислать в столицу пятьдесят негритят. И вот то ли попугай стукнул клювом, то ли по другим техническим причинам, но в телеграмме оказался лишний нуль. Выходило, будто Матиуш приглашает не пятьдесят ребят, а пятьсот.

Матиуш от неожиданности растерялся, а Клу-Клу была на седьмом небе от счастья.

– Так даже лучше. Чем больше выучится ребят, тем легче будет установить в Африке новые порядки.

И Клу-Клу с жаром принялась за дело. Выстроила в парке всех приезжих ребят и разделила на пять отрядов по сто человек, во главе их поставив верных ребят, на которых можно положиться. Те, в свою очередь, назначили ответственных за каждую десятку. Пять вожakov поселились с Матиушем во дворце, а остальные – в летнем павильоне. Клу-Клу растолковала вожакам, что в Европе можно делать и чего нельзя. А вожаки повторили это в своих отрядах.

- Учить мы их будем так же.
- А где они будут спать?
- Пока на полу.
- А что они будут есть? Ведь повара ходят в школу...
- Ничего, они к разносолам не привыкли.

Клу-Клу не любила терять время даром и сразу после обеда провела первый урок. Она объясняла так доходчиво, что через четыре часа вожаки все поняли и втолковали остальным.

Всё как будто складывалось благополучно. Но вдруг во дворец на взмыленном коне прискакал гонец и, едва переведя дух, сообщил: дети нечаянно открыли в зоопарке клетку с волками, и волки убежали. Жители заперлись в домах и не решаются выйти на улицу.

- Мой конь тоже не шел – храпел и упирался, пока я не подхлестнул его.
- Как же это случилось?
- Дети не виноваты. Сторожа ушли в школу и не предупредили, что клетки надо закрывать на засовы. Дети не знали этого, и волки открыли клетку.
- Сколько волков убежало?
- Двенадцать. И среди них один матерый вожак. Как его теперь поймать, неизвестно.
- А где они сейчас?

– Никто толком не знает. Разбежались по городу. Говорят, их видели на разных улицах. Но верить этому нельзя: с перепугу люди каждую собаку за волка готовы принять. Носятся слухи, будто из зоопарка все звери убежали. Одна женщина клялась, что за ней гнался тигр, гиппопотам и две кобры.

В Африке волки не водятся. Поэтому Клу-Клу, узнав о происшествии, засыпала Матиуша вопросами:

– Что это за звери? Как они выглядят? Они рычат или воют? Подкрадываются или прыгают, перед тем как напасть? Чем защищаются: зубами или когтями? Что у них лучше развито: слух, зрение или нюх?

Матиуш, к своему стыду, мало знал о повадках волков, но все, что мог, сообщил Клу-Клу.

– По-моему, они притаились где-нибудь в зверинце. Мы с ребятами в два счета их разыщем. Жалко, что заодно не убежали тигры и львы. Вот это была бы настоящая охота!

Матиуш, Клу-Клу и десять негрятят вышли из дворца. На улице – ни души. К окнам прильнули перекошенные от ужаса лица. Лавки закрыты. Город словно вымер. Матиушу стало стыдно за своих трусливых соотечественников.

Они подкрались к зверинцу и забили в барабаны, задули в дудки. Шум подняли такой, точно целое войско идет. А впереди – густой кустарник, деревья.

– Стой! – скомандовала Клу-Клу. – Натянуть луки! Там кто-то шевелится.

В несколько прыжков Клу-Клу добежала до дерева и только успела ухватиться за сук и подтянуться на руках, как из кустов выскочил матерый волчище. Встал на задние лапы, скребет когтями ствол и воет, а остальные вторят ему.

– Это вождь! – закричала Клу-Клу. – Без него с ними легко сладить. Окружайте кусты с той стороны и загоняйте их в клетку!

Так они и сделали. Ошалевшие от страха волки бегут не разбирая дороги, а негрятята из луков пускают вслед им стрелы – не самые большие, а поменьше, и изо всех сил бьют в барабаны. Один забежит справа, другой – слева. Не прошло и пяти минут, как одиннадцать волков сидели уже в клетке. Щелк! – и замок заперли.

А двенадцатый увидел, что остался один, и дал стрекача.

Клу-Клу спрыгнула с дерева.

– Скорей! Скорей! – крикнула она. – А то убежит.

Но было уже поздно. Обезумевший волк проскочил в ворота. Теперь горожане наяву увидели мчащегося по улице волка, за ним Клу-Клу и десятерых негрятят. А Матиуш бежал позади всех. Где ему угнаться за проворными, ловкими негрятятами! Потный, измученный, он едва держался на ногах, и какая-то сердобольная старушка зазвала его к себе и дала хлеба с молоком.

– Ешь на здоровье, – прошамкала она. – Восемьдесят лет живу на свете, много на своем веку повидала королей, а такого доброго, как ты, не видывала. О нас, старухах, позаботился: в школу послал и еще деньги за это платить повелел. У меня сынок в дальних краях живет и каждые полгода шлет письма. А вот, что он пишет, неведомо. Читать я не умею, а чужим показать боюсь: утаят ведь от меня, коли с ним беда какая приключилась. Ну да ничего, скоро я сама узнаю, как ему там живется. Учительница сказала: буду стараться, через два месяца сама ему напишу. То-то обрадуется сыночек!

Матиуш выпил молоко, поблагодарил добрую старушку и пошел искать своих.

Волк бежал по улице, увидел открытый люк и – прыг туда! Клу-Клу хотела прыгнуть за ним.

– Стой! Не смей! – закричал Матиуш. – Там под землей темно! Ты или задохнешься, или он тебя растерзает!

Но упрямая Клу-Клу не послушалась и, зажав в зубах охотничий нож, полезла в темную дыру. Даже бесстрашным негрятят стало жутко. Сражаться в темноте с диким зверем очень опасно.

Стоит Матиуш в нерешительности, не знает, что делать, и вдруг вспомнил: ведь у него

фонарик есть. Не раздумывая спустился он следом за Клу-Клу.

Под землю ведет узкая труба. Над головой – каменный свод, а под ногами текут нечистоты. Вонь ужасная!

– Клу-Клу! – позвал Матиуш, и со всех сторон ему ответило гулкое далекое эхо: канализационные трубы проходят ведь под всем городом. Разве поймешь, что это: голос Клу-Клу или эхо? Матиуш то зажжет, то погасит фонарик: батарейку экономит. Остаться здесь без света – верная гибель. Стоя по колено в воде, он услышал вдруг за поворотом какую-то возню.

Зажег фонарик, и глазам его представилась такая картина: Клу-Клу всадила нож в горло волку, а волк вцепился зубами ей в руку. Но Клу-Клу не растерялась и, быстро перехватив нож, опять пырнула волка. Волк выпустил руку девочки, пригнул голову... Еще мгновение, он укусит ее в живот – и конец. Матиуш кинулся на лютого зверя. В одной руке фонарик, а в другой – пистолет. Волк, ослепленный светом, оскалится. Матиуш прицелился и всадил ему пулю прямо в глаз.

Клу-Клу потеряла сознание. Матиуш подхватил ее под мышки, тащит и боится, как бы она не захлебнулась в нечистотах. А сам еле на ногах держится. Дело кончилось бы печально, если бы на помощь не подоспели негритята.

Правда, Клу-Клу приказала им стоять на месте. Но разве можно бездействовать, когда твой товарищ в опасности? И они спустились вниз по трубе. Продвигаются ощупью вперед и вдруг видят – вдали огонек... Сначала они вынесли наверх Клу-Клу, потом Матиуша, а напоследок выволокли волка.

XLIV

Печальный король, в величайшей тайне покинув свое государство, приехал спасать Матиуша.

– Матиуш, что ты натворил! – воскликнул он. – Опомнись, пока есть время! Тебе угрожает страшная опасность. Я приехал тебя предостеречь, но боюсь, что уже поздно. Я был бы здесь неделю назад, но ваши железные дороги никуда не годятся, с тех пор как поезда водят дети. От самой границы пришлось тащиться на крестьянских подводах. Но нет худа без добра. Проезжая через деревни и города, я слышал, что о тебе говорит народ.

– А что случилось? – спросил, ничего не понимая, Матиуш.

– Случилось много плохого, но тебя обманывают, от тебя все скрывают, и ты ничего не знаешь.

– Нет, знаю! – обиделся Матиуш. – Я ежедневно читаю газету. Дети постепенно осваиваются со своими новыми обязанностями. Комиссия успешно работает над новым школьным законом. Ни одна реформа, как известно, не дается легко. Да, в государстве не все благополучно, я это знаю.

– Ты читаешь только одну газету – свою. А там сплошная ложь. Вот почитай-ка другие.

И с этими словами Печальный король положил на стол перед Матиушем пачку газет.

Не спеша разворачивал Матиуш одну за другой и пробежал набранные жирным шрифтом заголовки, читать статьи не имело смысла – и так все ясно. У Матиуша в глазах потемнело.

Король Матиуш сошел с ума.

Засилье черных дьяволят.

Министр – вор. Побег шпиона из тюрьмы.

Бывший разносчик газет Фелек – барон.

Взорвано две крепости.

Ни пушек, ни снарядов.

Накануне войны.

Министры спешно вывозят за границу драгоценности.

Долой короля-тирана!

– Сплошное вранье! – возмутился он. – Это негритянских ребят, которые приехали сюда учиться, они называют черными дьяволятами? Да они во сто раз лучше белых детей! Когда из зверинца убежали волки, они, рискуя жизнью, загнали их обратно в клетку, и у Клу-Клу до сих пор на руках следы волчьих зубов. А кто дымоходы чистит? Наши белоручки отказались небось от этой грязной работы, и в городе начались пожары. Положение спасли негритята: согласились стать трубочистами. Неправда, у нас есть пушки и снаряды! Что Фелек продавал газеты, я и без них знаю, но вором он никогда не был! И как они смеют называть меня тираном?!

– Не сердись, Матиуш! Поверь мне, дела обстоят очень плохо. Пойдем вместе в город, и ты сам в этом убедишься.

Матиуш переоделся, чтобы его не узнали. Печальный король по одежде ничем не отличался от простых горожан.

Вот перед ними казармы, мимо которых они крались с Фелеком той памятной ночью, когда убегали на войну. Какой Матиуш был тогда счастливый и беззаботный! А теперь, умудренный жизнью, он знает, что в ней мало веселого.

Около казармы сидит старый солдат и курит трубку.

– Ну, что слышно хорошего?

– Что может быть хорошего, когда ребятишки командуют. Все патроны зря извели, пушки сломали. Нет у нас больше войска...

И бывалый солдат заплакал.

Идут дальше. У ворот фабрики рабочий с книжкой учит наизусть стихотворение.

– Ну, как дела на фабрике?

– Зайдите, посмотрите сами. Теперь туда вход свободный.

Входят. В конторе по полу разбросаны бумаги. Котел лопнул. Машины бездействуют. Несколько мальчишек снуют туда-сюда по вымершему цеху.

– Что вы тут делаете?

– Нас сюда работать прислали. Пятьсот ребят. Но ребята сказали «Нашли дураков!» – и отправились шататься по городу. Осталось человек тридцать. Станки испорчены, что делать, не знаем. Родители в школе, сидеть дома скучно, вот мы и приходим сюда – подметаем, наводим порядок. Стыдно деньги задаром получать.

Лавки почти все закрыты. Но не из-за волков: жителям известно, что опасность ликвидирована.

Заходят они в магазин. За прилавком стоит симпатичная девочка.

– Девочка, скажи, пожалуйста, отчего столько магазинов закрыто?

– Все разворовали. Нет ни полиции, ни солдат. Хулиганы шатаются по улицам и грабят средь бела дня. Что у кого было, попрятали по домам.

На вокзале поперек путей лежит разбитый состав.

– Что такое?

– Стрелочник побежал играть в футбол, начальник станции отправился на рыбалку, а машинист не знал, где тормоз. И вот – сто человек убито.

Матиуш до крови закусил губы, чтобы не заплакать.

В больнице та же картина. За больными вроде бы ухаживают дети. Доктора забегают на полчаса, когда мало уроков задано. Но толку от этого мало. Больные стонут и умирают. А дети плачут, не зная, как им помочь.

– Ну что, вернемся во дворец?

– Нет, мне надо в редакцию, с Журналистом потолковать, – спокойно сказал Матиуш, но внутри у него все кипело.

– Я не пойду с тобой. Меня могут узнать.

– Я скоро вернусь, – пообещал Матиуш и быстро направился в сторону редакции.

Печальный король посмотрел ему вслед и печально покачал головой.

Завернув за угол, Матиуш припустился бегом. Руки сами сжимались в кулаки. Как-

никак он был потомком Генриха Свирепого!

– Погоди у меня, мерзавец, обманщик, мошенник! Ты мне за все ответишь!

Он ворвался в кабинет. И видит: у письменного стола развалился в кресле Журналист, а на диване лежит Фелек и покуривает сигару.

– Ага, и ты здесь, голубчик! – крикнул Матиуш, не владея собой. – Тем лучше, с обоими сразу поговорю. Что вы натворили?!

– Присядьте, пожалуйста, и успокойтесь, ваше величество, – проговорил Журналист вкрадчивым, тихим голосом.

Матиуш вздрогнул. Ясно: он – шпион! У Матиуша давно уже зародилось подозрение. Теперь он в этом не сомневался.

– Получай по заслугам, шпион! – крикнул Матиуш, целясь в него из пистолета, с которым не расставался с войны.

Журналист ловким движением схватил Матиуша за руку. И пуля ударила в потолок.

– Оружие – не игрушка! – Журналист зловеще осклабился и изо всех сил стиснул руку Матиуша. Пальцы сами разжались.

Журналист поднял выпавший пистолет, швырнул в ящик стола и щелкнул ключом.

– А теперь поговорим спокойно по душам. Что вы имеете против меня, ваше величество? Разве я не выгораживал вас всячески в своей газете, не успокаивал население, не объяснял причины временных затруднений? А Клу-Клу кто расхваливал? Итак, вместо благодарности вы обзываете меня шпионом и хотите застрелить?

– А дурацкий закон о школах – это чья выдумка?

– При чем же тут я? Так большинством голосов постановили дети.

– А о взорванных крепостях почему вы умолчали?

– Это дело военного министра, а не мое. И потом, народу не полагается знать о таких вещах. Это военная тайна.

– Ну, а насчет лесного пожара почему вы выпытывали у меня?

– Журналист должен быть в курсе всех событий и отбирать для своей газеты самый важный и интересный материал. Вот вы ежедневно читаете мою газету и не можете пожаловаться, что она неинтересная, правда?

– Слишком даже интересная. – Матиуш горько усмехнулся.

– Надеюсь, теперь ваше величество не назовет меня шпионом? – нагло глядя Матиушу в глаза, спросил Журналист.

– Зато я назову! – крикнул Фелек, вскочив с дивана.

Журналист побледнел как мертвец, бросил на Фелека испепеляющий взгляд и, прежде чем мальчишки успели опомниться, очутился в раскрытых дверях.

– До скорого свидания, сопляки! – крикнул он и сбежал вниз по лестнице.

Перед домом откуда ни возьмись появился автомобиль. Журналист сказал что-то шоферу, и машина рванулась с места.

– Держи его! Лови! – высунувшись из окна, орал Фелек.

Но было поздно. Автомобиль исчез за поворотом. Да и кто мог его догнать? Уж не зеваки ли, которые собрались под окном, привлеченные шумом?

Матиуш был потрясен, Фелек с плачем кинулся ему на шею.

– Король, вели меня казнить, это я во всем виноват! Дурак, что я натворил! – восклицал он сквозь слезы.

– Погоди, Фелек, потом поговорим. Сделанного не воротишь. Сейчас главное – спокойствие и рассудительность. Надо думать не о том, что было, а о том, что впереди.

Фелеку не терпелось обо всем рассказать, но Матиуш не хотел терять ни минуты.

– Как быть? Телефоны не работают. Слушай, Фелек, ты знаешь, где живут министры?

– А как же! На разных улицах. Но это не беда. Ноги у меня что надо! Недаром я два года газеты продавал. Хочешь вызвать их во дворец?

– Да, и немедленно. – Матиуш посмотрел на часы: – Сколько тебе на это надо времени?

– Полчаса.

– Хорошо. Через два часа жду их в тронном зале. Если кто-нибудь вздумает отговориться болезнью, напомни, что в моих жилах течет кровь Генриха Свирепого.

– Придут как миленькие! – крикнул Фелек.

Он разулся, скинул шикарный сюртук с орденом, схватил со стола бутылку с типографской краской и, вымазав ею штаны, лицо и руки, босиком помчался по улицам созывать министров на экстренное заседание. А Матиуш побежал в другую сторону – во дворец. Ему хотелось перед государственным советом переговорить с Печальным королем.

– Где тот господин, с которым мы утром беседовали? – с трудом переводя дух, спросил Матиуш у открывшей ему дверь Клу-Клу.

– Ушел и оставил на письменном столе записку.

Матиуш ворвался в кабинет и, схватив письмо, прочел:

Дорогой Матиуш!

Случилось то, чего я больше всего опасался. Я вынужден тебя покинуть. Дорогой мальчик, зная твою отвагу, не решаюсь предложить тебе поехать со мной. Но на всякий случай сообщаю, что я еду по северной дороге. Если захочешь, можешь догнать меня верхом часа за два. Я остановлюсь на постоялом дворе и немного подожду. Может, все-таки решишься? Помни: я твой друг. Ни при каких обстоятельствах не забывай об этом. Я буду всячески стараться помочь тебе. Об одном заклинаю тебя: это величайшая тайна. Об этом никто не должен знать. Письмо непременно сожги. Сожги немедленно! Мне очень жало тебя, бедный сирота, и хочется хоть немного облегчить твою участь. Может, все-таки поедешь со мной? Не забудь сжечь письмо.

Матиуш зажег свечу и поднес к ней бумагу. Она стала тлеть, потом, вспыхнув ярким пламенем, свернулась в черную трубку. Сгорела. Огонь обжег Матиушу пальцы, но он даже не поморщился.

«Душе моей больней, чем пальцам», – подумал он.

Над письменным столом висели портреты его родителей.

«Бедный сирота», – посмотрев на портреты, вспомнил Матиуш слова из письма и вздохнул.

Вздохнул, но не заплакал – сдержался. Не пристало королю сидеть на троне с заплаканными глазами.

В кабинет бесшумной тенью проскользнула Клу-Клу и остановилась возле двери. И хотя Матиушу было сейчас не до нее, он ласково спросил:

– Ты что, Клу-Клу?

– Белый король скрывает от Клу-Клу свое горе. Белый король не хочет посвятить Клу-Клу в свои тайны. Но Клу-Клу догадалась обо всем сама. Она не покинет в беде белого короля.

Клу-Клу говорила это торжественно, подняв кверху обе руки, точно принося клятву. Так же клялся Матиушу в верности ее отец Бум-Друм.

– Что же ты, Клу-Клу, знаешь? – спросил растроганный Матиуш.

– Белые короли позавидовали богатству Матиуша. Они хотят победить его и убить. Печальный король жалеет Матиуша, но он слабый и сам боится могущественных соседей.

– Тише, Клу-Клу! Молчи!

– Клу-Клу будет молчать как могила. Клу-Клу узнала Печального короля. Скорей выдаст тебя этот пепел, чем Клу-Клу.

– Замолчи, Клу-Клу! Ни слова! – воскликнул Матиуш и, смахнув на пол пепел, растоптал его.

– Клу-Клу клянется: она не скажет больше ни слова.

Пора было кончать разговор. Из школы вернулись лакеи и всей оравой ввалились в кабинет.

– Что за шум? – прикрикнул на них Матиуш. – С каких это пор королевские лакеи

осмеливаются вламываться в королевский кабинет с таким криком? Вы что, в школе не накричались?

– Простите их, ваше величество, – вступился за лакеев церемониймейстер и покраснел так, что у него даже кончики ушей стали пунцовыми – Бедняги с малолетства не знали, что такое детские игры и шалости. Едва они подросли, как стали служить посыльными и поварятами, а потом – лакеями. И вечно от них требовали безропотного повиновения и тишины. А сейчас они словно с цепи сорвались...

– Ну хорошо, хорошо! Приготовьте тронный зал, через полчаса заседание.

– Ой, у меня на завтра уроки! – пожаловался один.

– А мне карту надо рисовать.

– А мне шесть примеров задали и целую страницу...

– Завтра не пойдете в школу! – грозно перебил их Матиуш.

Лакеи вежливо поклонились и, как в прежние времена, бесшумно направились к двери. Но в дверях опять чуть не вспыхнула драка, один толкнул другого, и тот ударился головой о притолоку.

XLV

Примчался Фелек: чумазый, потный, в рваных брюках.

– Все в порядке. Обещали быть, – доложил он и стал рассказывать о себе. – В газетах писали правду: я воровал деньги и брал взятки. Когда ты вместо себя посылал меня на аудиенции, я выдавал ребятам не все подарки. То, что мне нравилось, оставлял себе. За взятки я давал подарки получше и подороже. А мои приятели, в том числе и Антек, являлись каждый день и брали что хотели. Да, все это я делал, не отпираюсь, но шпионом не был. Я действовал по указке журналиста. Это он велел, чтобы меня величали бароном. Он подбил меня потребовать орден. Прикидывался моим другом. А в один прекрасный день приказал подделать твою подпись под документом, в котором говорилось, будто ты даешь отставку всем министрам, взрослых лишаешь всех прав и передаешь бразды правления детям. Я не согласился. Тогда журналист надел шляпу и сказал: «Хорошо, я немедленно иду к королю и доложу ему, что ты воруешь деньги и берешь взятки». И я струсил: «Откуда ему все известно? – ломал я себе голову. – Наверно, такая у них профессия». Оказалось, он – шпион. Но это еще не все: он подделал одну бумагу – воззвание к детям всего мира.

Матиуш, заложив руки за спину, шагал по кабинету.

– Да, натворил ты дел! Но я тебя прощаю.

– Прощаешь? Правда? Тогда я знаю, что делать.

– Ну?

– Расскажу все отцу, а он меня так отлупит, что век не забуду!

– Не надо, Фелек. Можешь искупить свою вину иначе. Время сейчас тревожное, и мне нужны верные люди. Ты мне годишься.

– Их сиятельство господин военный министр! – доложил гофмейстер.

Матиуш надел корону – ох, до чего же она тяжела – и вошел в тронный зал.

– Господин министр, выкладывайте все начистоту! Только коротко, без лишних слов. Мне многое известно.

– Имею честь доложить вашему величеству: в настоящий момент мы располагаем тремя крепостями из пяти, четырьмястами пушками из тысячи и двумястами тысячами пригодными к употреблению винтовками. Патронов хватит на десять дней войны. Раньше был трехмесячный запас.

– А сапоги, ранцы, сухари?

– Склады целы, съеден только мармелад.

– Ваши сведения точны?

– Абсолютно.

– Как вы считаете, скоро начнется война?

– Я политикой не занимаюсь.
– Можно ли починить винтовки и пушки?
– Часть можно, если плавильные печи на заводах в порядке, но часть испорчена вконец. Матиуш вспомнил фабрику и поник головой. Корона показалась ему еще тяжелее.
– Господин министр, каково настроение в армии?
– Солдаты и офицеры оскорблены. Особенно им обидно ходить в одну школу со штатскими. Когда я получил отставку...
– Ваша отставка недействительна. Мою подпись подделали, а я ничего об этом не знал.
– Когда я получил отставку, – продолжал военный министр, насупив брови, – ко мне явилась делегация с требованием открыть школу для военных. А я на них как рявкну: «Марш в школу, коли приказано! В огонь, в ад ступайте, коли приказано!»
– Ну, а если попробовать по-старому? Простят они меня?
– Так точно, ваше королевское величество! – гаркнул военный министр и выхватил саблю из ножен. – Начиная с меня и кончая последним солдатом, все, как один человек, во главе с королем-героем ринемся в бой за родину, за нашу солдатскую честь!
– Хорошо, очень хорошо!
«Значит, не все еще потеряно», – подумал Матиуш.

Министры опоздали и запыхались – отвыкли ходить пешком. Гофмейстер каждый раз докладывал: такой-то министр приехал, хотя тот на своих двоих притопал. Автомобили полопались, а шоферы корпели над уроками.

В своей речи Матиуш сказал: во всем виноват журналист-шпион, и теперь надо найти выход из положения.

Решили в экстренном выпуске газеты напечатать воззвание ко всем гражданам. В воззвании говорилось: с завтрашнего дня возобновляются нормальные занятия в школах. Кто узнает об этом поздно, пусть все равно приходит на урок. Взрослые досидят до перемены и отправятся на работу. Безработным еще месяц будут выплачивать школьное пособие, а потом, кто хочет, может поехать в страну Бум-Друма строить дома, школы и больницы. Оба парламента временно распускаются. Сначала откроется парламент взрослых. Он решит, как поступить с ребятами, которым исполнилось пятнадцать лет. Когда специальная комиссия выработает правила, откроется детский парламент. Дети могут принимать любые решения, но взрослый парламент имеет право одобрить их или отклонить. Детям запрещается командовать взрослыми. Депутатами могут быть только ребята, которые хорошо себя ведут и хорошо учатся.

Воззвание подписали Матиуш и все министры.

Во втором воззвании к солдатам Матиуш писал:

Две наши важнейшие крепости взорваны диверсантами. Так пусть же геройская грудь каждого солдата станет неприступной крепостью, если враг осмелится напасть на землю наших отцов.

Это воззвание подписали Матиуш и военный министр.

Министр торговли обратился с просьбой к ремесленникам поскорей починить и отремонтировать магазины.

Министр просвещения пообещал детям поскорее открыть парламент, если они будут хорошо себя вести и хорошо учиться.

А обер-полицейстер поручился, что завтра с утра полицейские будут на своих местах.

– Пока это все, что можно сделать, – заявил канцлер. – Когда исправят телеграф и почту, мы узнаем, что произошло за это время в стране и за ее пределами.

– А что могло произойти? – встревожился Матиуш. Недаром ему показалось, что все уладилось как-то слишком легко и просто. Может, Печальный король преувеличил опасность?

– Неизвестно. Ничего не известно...

Следующий день прошел благополучно. На первом уроке учителя прочли вслух газету своим великовозрастным ученикам, и те отправились по домам. Чтобы вернуть детям книги и тетради, понадобилось, конечно, время. Но к двенадцати часам дня жизнь вошла в обычную колею, и все были этому рады: и родители, и дети, и учителя.

Учителя, разумеется, не признались ребятам, как им было трудно со взрослыми и как хорошо, что дети вернулись в школу. Среди учеников моложе тридцати лет нашлось немало лоботрясов, которые на уроках хихикали, шумели и мешали слушать другим. А кто постарше, жаловались, что неудобно сидеть, что голова болит от духоты и чернила слишком жидкие. Старички и старушки мирно посапывали на задних партах. И сколько учительница ни сердилась, ни кричала, с них как с гуся вода, потому что многие оказались глухими. Молодые проделывали со стариками разные шутки, а старики жаловались, что им покоя не дают. Словом, учителя привыкли иметь дело с детьми и предпочитали, чтобы все было по-старому.

В конторах радовались, что можно свалить вину на детей, когда не находили какую-нибудь важную бумагу. Чиновники тоже ведь бывают разные: у одного все бумажки в порядке, а у другого – нет.

На фабриках дело обстояло хуже, но положение спасли безработные. Они с жаром взялись за дело.

Было в тот день несколько мелких происшествий, но хорошо отдохнувшая полиция моментально их ликвидировала. Награбив и наевшись до отвала, воры вели себя тихо и смирно, боясь, как бы не выплыли наружу их темные делишки. А ненастоящие воры даже вернули краденое.

Когда королевский автомобиль проехал под вечер по улицам, город было не узнать.

Матиуш с нетерпением ждал известий.

Клу-Клу тем временем снова взялась учить негритянских детей. Матиуш посидел на уроке и поразился, как быстро они все запоминают. Но Клу-Клу объяснила ему, что жожаки – самые прилежные и способные ученики. С остальными много трудней. Бедная Клу-Клу не подозревала, как быстро и печально кончатся ее занятия.

На сей раз первым во дворец приехал канцлер. Это только вчера дал он себя опередить привычному к походам военному министру.

Канцлер нес под мышкой пачку бумаг, и вид у него был встревоженный.

– Ну, как дела, господин канцлер?

– Плохо. – Канцлер притворно вздохнул. – Этого следовало ожидать. Но может, оно и к лучшему.

– Что случилось? Не тяните, говорите скорей!

– Война!

Матиуш вздрогнул.

Тут собрались все министры, и выяснилось вот что.

Старый король отрекся от престола в пользу сына, а тот немедленно объявил Матиушу войну и двинул войска по направлению к его столице.

– Значит, он перешел границу?

– Два дня назад. И уже продвинулся на сорок верст в глубь нашей территории.

Затем началось чтение телеграмм, писем, посланий. Тянулось это очень долго. Прикрыв от усталости глаза, Матиуш молча слушал.

«Может, оно даже к лучшему».

– Неизвестно, куда движется неприятель, но, вероятней всего, в направлении взорванных крепостей, – сказал военный министр. – Пойдут форсированным маршем – через пять дней окажутся у ворот столицы. Не будут спешить – через десять.

– Как?! Мы не дадим отпора врагу? – с негодованием вскричал Матиуш.

– Это бессмысленно, ваше величество. Население должно защищаться само. Несколько небольших отрядов можно снарядить, но это значит обречь их на верную гибель. Мое мнение таково: неприятеля не останавливать и дать генеральное сражение у стен столицы. И

тогда либо мы победим, либо...

– А два других короля нам не помогут? – перебил его министр иностранных дел.

– Сейчас уже поздно об этом говорить, – сказал военный министр. – Впрочем, это не мое дело.

Министр иностранных дел долго и нудно докладывал, что надо сделать, чтобы привлечь на свою сторону двух других королей.

На Печального короля, конечно, можно рассчитывать. Только вот беда: воевать он не любит и солдат у него маловато. В прошлой войне он в боях не участвовал: его армия находилась в резерве. Он поступит так, как второй король. Загвоздка вот в чем: что имеет против Матиуша второй король? Кажется, Матиуш во всем пошел ему навстречу...

Тут слова попросил канцлер.

– Господа, вы можете со мной не согласиться, но, пожалуйста, не сердитесь. Вот мой совет: надо немедленно послать неприятелю ноту и со всей прямотой и откровенностью заявить, что мы не хотим войны и готовы идти на уступки. По-моему, он просто хочет содрать с нас контрибуцию. Сейчас я поясню свою мысль. Ведь не случайно он отдал задаром порт и по дешевке продал десять кораблей. Он сделал это, чтобы Бум-Друм прислал нам побольше золота. Денег у нас много, и нам ничего не стоит отдать ему половину.

Матиуш сидел, стиснув кулаки, и молчал.

– Господин канцлер, – сказал главный казначей, – мне кажется, он на это не согласится. Зачем ему половина золота, когда он может получить все! Зачем ему прекращать войну, если он рассчитывает победить! Последнее слово за вами, господин военный министр!

В ожидании ответа Матиуш с такой силой сжал кулаки, что ногти впились в ладони.

– Нота, конечно, не помешает. На ноту они нам ответят, потом мы им ответим. Кажется, так принято в дипломатии, хотя я в этом не силен. А нам сейчас дорог каждый день, каждый час. За это время мы успеем починить сто, на худой конец – пятьдесят пушек и несколько тысяч винтовок.

– А если он согласится на половину золота и прекратит войну? – спросил Матиуш чужим, до странности спокойным, глухим голосом.

Стало тихо. Все взоры обратились на военного министра. Тот побледнел, покраснел, потом опять побледнел и пролепетал:

– Тем лучше. – И после небольшой паузы прибавил: – Сами мы войну все равно не выиграем. А помощи ждать неоткуда.

Матиуш закрыл глаза и просидел так до конца заседания. Министры подумали, что он заснул. Но Матиуш не спал, и всякий раз, когда, обсуждая ноту, произносили: «Нижайше просим неприятельского короля...», у него вздрагивали губы.

Когда нота была готова, его попросили подписать ее.

– Нельзя ли вместо «нижайше просим» написать «желали бы»? – спросил он.

Ноту переписали, заменив слова «нижайше просим» на «желали бы». Получилось так:

«Мы желали бы прекратить войну».

«Мы желали бы урегулировать конфликт мирным путем».

«Мы желали бы выплатить противной стороне военные расходы в размере половины имеющегося у нас золота».

Когда Матиуш подписал ноту, было два часа ночи.

Не раздеваясь, бросился Матиуш на кровать, но сон не приходил. Начало светать, а Матиуш все не спал.

– Победить или умереть! – шепотом повторял он.

XLVI

Сын Старого короля повел войска в направлении взорванных крепостей, как и предполагал военный министр. Но войска продвигались вперед очень медленно. Тут военный министр оказался не прав.

Молодой король соблюдал величайшую осторожность. Продвигаясь вперед черепашным шагом, он, где надо и не надо, приказывал рыть окопы, рвы, траншеи. Дело в том, что он воевал впервые и очень боялся окружения или какой-нибудь хитрости со стороны врага. Он помнил, как в прошлой войне его отец заманил Матиуша в глубь своей страны, зашел с тыла и окружил. Молодой король осторожничал потому, что боялся проиграть войну. Боялся, как бы не сказали: «Старый король лучше молодого. Пусть правит страной отец, а не сын». Поэтому он из кожи вон лез, чтобы показать, кто лучше.

«Тише едешь – дальше будешь», – рассуждал он сам с собой. К чему спешить? Да и где Матиушу воевать, когда у него солдаты за партами сидят, а мальчишки перепортили все пушки? И журналист-шпион тоже не дремлет там, в столице. Путаница и беспорядок – его рук дело. А тут еще благодаря детям или шпионам вышли из строя телеграф и железные дороги. Матиуш теперь не скоро узнает о войне, а узнав, не успеет снарядить и выслать навстречу войско.

Так рассуждал сын Старого короля и не спешил. «Пусть солдаты поберегут силы для генерального сражения у стен столицы», – думал он. Что одной битвы не избежать – это он понимал.

Идут-идут войска по неприятельской земле и не встречают никакого сопротивления. Мирные жители, брошенные на произвол судьбы, рассердились на Матиуша и не захотели воевать. Наоборот, многие радовались и приветствовали врага как избавителя.

– Ну-ка, ребята, марш в школу. Кончилось правление короля-мальчишки!

Однажды передовые посты заметили: кто-то идет навстречу и размахивает белым флагом. Ага, значит, Матиуш уже узнал о войне.

Молодой король прочел послание и злорадно захохотал:

– Ишь какой добрый, половину золота предлагает! Ха-ха-ха!

– Что передать моему государю? Если половины золота мало, прибавим еще. Прошу дать ответ.

– Скажи своему Матиушу, что с детьми переговоров не ведут – их розгами секут. И больше мне писем не носи, а то и тебе всыплем. Ну, брысь отсюда, да поживей!

С этими словами Молодой король бросил на землю письмо Матиуша и давай его топтать.

– Ваше величество, по правилам, принятым во всем мире, на королевские письма полагается отвечать, – осмелился заметить посол.

– Ладно, так и быть, отвечу! – высокомерно согласился Молодой король и на обороте смятого, испачканного землей письма написал два слова:

ИЩИ ДУРАКОВ!

Тем временем по столице разнеслась весть о войне и ноте Матиуша. Столица с нетерпением ждала ответа. А тут приходит такой ответ.

Возмущение было всеобщим.

– Ах ты, зазнайка! Наглец! погоди, мы тебе покажем!

Столица стала готовиться к обороне. Все, как один человек, стали на сторону Матиуша. Никто не вспоминал про старые обиды и распри, зато о заслугах Матиуша вспомнили все. И теперь не одна, а все газеты писали о Матиуше-реформаторе и Матиуше-герое.

Фабрики работали день и ночь. Военные учения проходили прямо на улицах и площадях. У всех на устах были слова Матиуша: «Победить или умереть!»

Каждый день новые вести и сплетни будоражили столицу:

– Враг приближается к городу.

– Печальный король обещал Матиушу помощь.

– Бум-Друм на выручку идет.

Между тем враг действительно приближался к столице.

И вот настал день сражения.

В городе слышалась пальба. Вечером с крыш домов виднелись орудийные вспышки.

На другой день выстрелы стали доноситься глуше. «Значит, Матиуш победил и преследует неприятеля», – говорили горожане.

На третий день стало совсем тихо. «Видно, враг уже далеко», – радовались все.

Но вот с поля боя пришло донесение: враг отступил на пять километров и засел в окопах.

Матиуш одержал бы победу, будь у него побольше пушек и пороха. Он непременно выиграл бы сражение, но, увы, приходилось экономить порох.

Едва неприятельские войска заняли новые позиции, откуда ни возьмись явился журналист-шпион.

– Ты что, такой-сякой, врал, будто у Матиуша нет ни пороха, ни пушек! – в бешенстве накинулся на него Молодой король. – Если бы не моя осторожность, мы бы проиграли войну.

Оправившись от страха, шпион рассказал, как Матиуш разоблачил его, как стрелял в него из пистолета, как ему удалось бежать и он целую неделю скрывался в подвале. Несомненно, их кто-то выдал. Иначе почему Матиушу вдруг взбрело в голову отправиться в город? И о Фелеке рассказал. Словом, выложил все.

– Дела у Матиуша плохи: пушек и пороха у него мало. Но обороняться легче, чем наступать. И потом, у него город под боком, а нам все приходится возить издалека. Одни мы его не одолеем – это ясно. Нам поможет король-хитрец, – высказал свои соображения шпион.

– Это еще бабушка надвое сказала. Он меня не любит. И потом, если он придет на подмогу, придется делиться с ним добычей.

«Может, благоразумней взять половину золота и прекратить войну?» Сомнения одолевали Молодого короля.

Но отступать было уже поздно. Шпион срочно выехал в столицу короля-хитреца и стал уговаривать его напасть на Матиуша. А тот – ни в какую.

– Матиуш ничего плохого мне не сделал, – твердил он.

А шпион пристал как банный лист.

Это, мол, в ваших интересах, потому что Матиуш все равно войну проиграет. Молодой король под стенами его столицы. Если он без посторонней помощи туда дошел, что ему стоит справиться с Матиушем. Но тогда ему достанется все золото. А Молодой король, как человек благородный, хочет поделиться добычей со своими друзьями.

– Ладно, – сказал под конец король-хитрец, – посоветуюсь с Печальным королем. Мы или выступим вместе против Матиуша, или не выступим вообще.

– Через сколько дней ждать ответа?

– Через три дня.

– Хорошо...

Король-хитрец, как и обещал, написал письмо Печальному королю и получил ответ: «Печальный король тяжело болен и не может ответить».

В это время приходит письмо от Матиуша с просьбой о помощи.

Посудите сами, разве честные люди так поступают? – писал Матиуш. – Притвориться другом, подарить порт, продать корабли, а потом ни с того ни с сего взорвать две крепости и, воспользовавшись тем, что дети испортили телефон и телеграф, перейти границу. А когда я спросил, чего ему надо и, может, он понарошку подарил мне порт, – тогда я готов отдать половину золота, – он наговорил моему послу грубостей и написал: «Ищи дураков!» Разве так делают?

Письмо примерно такого же содержания, только более дружеское и теплое, Матиуш направил и Печальному королю.

Болезнь Печального короля оказалась выдумкой. Отправляясь в величайшей тайне к

Матиушу, он велел лейб-медику говорить, что он заболел. Тогда никто, кроме врача, не будет входить к нему в опочивальню и его исчезновение не обнаружится.

Врач каждое утро входил в пустую спальню якобы для осмотра больного, лекарства выливал в окошко, а еду съедал сам.

Вернувшись от Матиуша, Печальный король в самом деле слег в постель. И вид у него был такой измученный, что ни у кого не возникло сомнений: король перенес тяжелую болезнь. Путешествовать по стране, охваченной войной, – удовольствие ниже среднего, особенно если еще надо скрываться.

На другой день он прочел оба письма и схватился за голову.

– Приготовить королевский поезд. Я еду к королю-хитрецу, – распорядился он.

Печальный король надеялся склонить его на сторону Матиуша, но не подозревал, какую коварную штуку придумал ловкий шпион.

XLVII

«Ах, так! Значит, Матиуш тебе ничего плохого не сделал! – Шпион был вне себя от злости. – В моем распоряжении три дня. Любой ценой надо восстановить его против Матиуша. Посмотрим, как он тогда запоеет!»

У шпиона в кармане лежала важная бумага за двумя подписями: подлинной – министра Фелека и поддельной – Матиуша. Это было то самое воззвание к детям всего мира, о котором говорил Фелек.

Дети! Я, король Матиуш Первый, обращаюсь к вам с просьбой: помогите мне провести реформы. Моя цель добиться того, чтобы дети не слушались взрослых и делали что хотели. Вечно мы слышим: нельзя, нехорошо, невежливо. Пора с этим покончить! Почему взрослым можно все, а нам – ничего? На нас сердятся, кричат, одергивают. Даже бьют. А я хочу сделать так, чтобы у детей были одинаковые права со взрослыми.

В моем государстве дети пользуются уже неограниченной свободой. В стране королевы Кампанеллы дети подняли бунт.

Восстаньте и добивайтесь свободы! Долой взрослых королей! Провозгласите меня королем всех детей мира – белых, желтых и черных! Я предоставлю вам полную свободу. Дети, объединяйтесь для борьбы против тиранов-взрослых! Да здравствует новый справедливый строй!

Король Матиуш

Барон Фон Раух, министр.

Шпион помчался в типографию, попросил срочно отпечатать манифест и разбросал листовки по городу. Несколько штук он нарочно измазал грязью, потом высушил, скомкал и спрятал в карман.

И в то самое время, когда два короля советовались, как быть, уже склоняясь к тому, чтобы помочь Матиушу, в комнату небрежной походкой вошел шпион.

– Вот смотрите, что вытворяет Матиуш, – сказал он, протягивая королям грязные листовки. – Вздумал чужих ребят баламутить! Королем всех детей захотел стать! Эти бумажки я подобрал на мостовой. Они, правда, немного запачкались, но разобрать, что там написано, все-таки можно.

Короли прочли манифест и очень огорчились.

– Раз так, придется объявить ему войну. Он бунтует наших ребят, а это уже вмешательство во внутренние дела чужого государства. С его стороны это очень нехорошо.

У Печального короля на глаза навернулись слезы:

– Что он натворил! Зачем он так написал?

Но делать было нечего.

«Может, для Матиуша будет лучше, если я тоже объявлю ему войну? – сам с собой

рассуждал Печальный король. – Они все равно его победят, и, кроме меня, за него никто не заступится.»

Узнав, что они объявили ему войну, Матиуш сначала не поверил.

«Значит, Печальный король меня тоже предал. Ну что ж, в прошлой войне я показал им, как побеждают, а в этой покажу, как умирают с честью.»

Жители столицы от мала до велика вышли с лопатами на улицы. Копали траншеи, насыпали оборонительные валы. Кроме того, создали три линии укреплений: первую – в двадцати километрах от города, вторую – в пятнадцати, третью – в десяти.

Решили сдавать рубеж за рубежом, постепенно.

Когда стало известно, что войска союзников выступили в поход и находятся уже совсем близко, Молодой король решил сам дать бой. Ему очень хотелось вступить в город первым. Он рассчитывал на легкую победу. Первую линию укреплений и в самом деле заняли без особого труда. Но вторая оказалась неприступной: и валы выше, и рвы шире, и густая сеть колючей проволоки преграждала путь.

И вот тут-то подоспели войска союзников, и все три армии двинулись на Матиуша.

Битва длилась целый день. Противник понес большие потери, а Матиуш держался стойко.

– Может, заключить все-таки мир? – робко предложил Печальный король, но два остальных с яростью накинулись на него:

– Надо проучить этого зазнайку!

И снова с раннего утра закипел бой.

– Ого, сегодня они что-то не так стреляют, – радовались враги. В тот день солдаты Матиуша стреляли действительно реже, так как получили приказ экономить порох и пули.

– Как быть? – тревожно вопрошал Матиуш.

– Я думаю, – сказал канцлер, – надо еще раз попытаться заключить с ними мир. Без пороха и пуль не повоюешь.

Собрался военный совет. На нем присутствовала Клу-Клу: она командовала отрядом негритянских детей. Но ее отряд пока не принимал участия в боях, потому что не было оружия. Ведь негритята умеют стрелять только из луков. Сначала не нашлось подходящего дерева, а когда нашлось, понадобилось время, чтобы сделать луки и стрелы. Теперь отряд был готов к бою.

– Я предлагаю, – сказала Клу-Клу, – ночью отступить за третью линию укреплений, а в неприятельский лагерь подослать кого-нибудь с вестью, будто Бум-Друм прислал свое войско и диких зверей. На рассвете мы выпустим из клеток львов и тигров и начнем стрелять из луков. Напугаем их хорошенько и спросим, хотят они мириться или нет.

– А не будет ли это нечестно с нашей стороны? – спросил Матиуш с беспокойством.

– Нет, это называется военным маневром, – заверил его министр юстиции.

Все согласились с предложением Клу-Клу.

Фелек переоделся неприятельским солдатом, подполз на животе к неприятельскому лагерю и в разговоре как бы невзначай упомянул про диких львов и негров-великанов.

Солдаты посмеялись над ним и, конечно, не поверили.

– Вот дурачок, наверно, тебе это во сне приснилось.

И стали передавать друг другу слова Фелека как забавную шутку. Идет Фелек по лагерю, его останавливают солдаты и спрашивают:

– Эй, приятель, слыхал новость?

– Какую еще новость? – небрежно спрашивает Фелек.

– Говорят, Бум-Друм с негритянским войском и дикими львами прибыл на подмогу Матиушу.

– Э, враки! – отмахнулся Фелек.

– Никакие не враки! Слышно уже, как они рычат.

– Ну и пусть рычат, меня это не касается, – сказал Фелек.

– Небось не так запоешь, когда на тебя лев накинется.

– Что мне лев! Я его в два счета одолею!

– Ах ты хвастунишка! Со львом тягаться вздумал. Поглядите на него: молоко на губах не обсохло, а туда же, храбреца из себя строит!

Идет Фелек дальше и слышит: солдаты друг другу рассказывают, будто Бум-Друм целый корабль ядовитых змей прислал. Слухи, один невероятнее другого, ширились, обрастали подробностями, а Фелек посмеивался и говорил: «Враки!» Солдаты кричали, чтобы он сейчас же замолчал: «Не то беду на всех накличешь своим дурацким смехом!»

Как легко попались солдаты на удочку!

И неудивительно. Несколько дней непрерывных боев вконец измотали их. А им сулили легкую победу. У Матиуша, говорили, пороха нет, и он сразу сдастся в плен. Обманутые солдаты стали нервничать, а тут еще бессонные ночи, тоска по дому. Вот они и готовы были любой небылице поверить.

«Сколько раз мне в жизни везло, может, и на этот раз повезет», – подумал Матиуш, выслушав донесение Фелека.

Ночью солдаты бесшумно вылезли из окопов и заняли ближайшую к городу линию укреплений. Из зверинца привезли клетки с тиграми и львами. Половина негритят осталась возле клеток. Остальные по десять человек разошлись по всем частям, чтобы создалось впечатление, будто их очень много.

План операции был вот какой.

Утром враги откроют огонь по окопам и, не услышав ответных выстрелов, пойдут в атаку. Ворвутся в окопы, а там – ни души. Они обрадуются, закричат «ура». Еще бы не радоваться: город виден как на ладони – значит, будет богатая добыча, еда, питье. И вот тогда негритята ударят в барабаны, устрашающе завопят и откроют клетки с дикими зверями. А чтобы звери бежали на вражеские позиции, вдогонку им пустят стрелы. В неприятельских окопах начнется паника, суматоха, переполох. Матиуш выступит во главе конницы, а за ним – пехота.

Битва предстоит страшная. Но надо раз и навсегда проучить этих наглецов.

Успех как будто обеспечен. Главное – захватить их врасплох.

И еще. По распоряжению Матиуша в окопах оставили бочки с пивом, водку, вино. А возле клеток нагромодили вороха соломы, бумаги и хвороста, чтобы поджечь, когда откроют клетки. Это еще больше разъярит зверей, и потом, была опасность, как бы звери не кинулись на своих.

Кто-то даже посоветовал выпустить змей.

– Со змеями лучше не связываться, – авторитетно заявила Клу-Клу. – Они очень своенравны. А насчет львов будьте спокойны.

XLVIII

Однако у противника тоже был свой план.

– Завтра мы во что бы то ни стало должны вступить в город, – заявил на военном совете Молодой король. – Иначе нам несдобровать. Мы находимся вдали от своих стран, и приходится оружие и продовольствие возить по железной дороге. А Матиуш у себя дома, у него все под боком. В этом отношении ему сражаться возле города хорошо. Но с другой стороны, плохо, потому что население легко поддается панике. И вот, чтобы нагнать на них еще больше страха, наши аэропланы завтра утром сбросят на город бомбы. И жители заставят Матиуша сдаться. Но надо подумать, как бы свои солдаты не дали тягу. Поэтому мы установим в тылу пулеметы и, если они побегут, откроем по ним огонь.

– Как, стрелять по своим?

– Или мы завтра будем в городе, или нам крышка! – отрезал Молодой король. – Солдат, который покидает поле боя, не свой, а враг.

Солдатам объявили, что завтра – генеральное сражение.

«Нас трое, а Матиуш – один, – говорилось в приказе. – У него нет ни пороха, ни пушек.

Население столицы восстало. Голодные, оборванные солдаты отказываются сражаться. Завтра мы займем столицу Матиуша, а его захватим в плен.»

Пилотам выдали бензин и бомбы и приказали на рассвете вылетать.

Солдаты очень удивились, увидев позади окопов пулеметы.

– Пулеметы нужны для обороны, а не для атаки, – объяснили им офицеры.

Но солдатам это показалось подозрительным.

Ночью никто не спал: ни в лагере Матиуша, ни в стане врагов.

Кто чистил винтовку, кто писал письма, прощаясь перед боем с родными.

Стояла мертвая тишина. Только слегка потрескивали костры да громко стучали солдатские сердца. Начало светать.

Землю окутывал предрассветный туман, когда пушки открыли огонь по окопам Матиуша. Пушки бабахают, а в лагере Матиуша раздается веселый смех.

– Ишь палят! Видать, порох у них куры не клюют! – издеваются солдаты.

А Матиуш стоит на пригорке и смотрит в полевой бинокль.

– Пошли в атаку!

Кто бегом, кто ползком. Все больше солдат вылезают из окопов, поначалу боязливо, а потом смелей. Одним тишина в окопах Матиуша придает смелость, других – пугает.

Вдруг над головой загудело. Это двадцать аэропланов поднялись в воздух и полетели прямо на город. А у Матиуша всего пять аэропланов. Во время хозяйничанья ребят больше всего пострадали аэропланы: мальчишек интересовало, что у них в середине и почему они летают.

Начался ожесточенный воздушный бой. Шесть вражеских аэропланов было сбито. У Матиуша все аэропланы вышли из строя.

Сначала сражение разворачивалось, как было предусмотрено на военном совете.

Противник занял первую линию укреплений, и раздались торжествующие вопли:

– Ага, удрали! Нечего было соваться, раз кишка тонка! Драпанули так, что даже водку выпить не успели!

То один, то другой откупорит бутылку и, отхлебнув, говорит:

– Водка что надо! Попробуй-ка!

Пьют, хохочут, орут и не прочь уже здесь заночевать.

– Куда спешить, нам и тут хорошо.

Но Молодой король был непреклонен и упрямо повторял:

– Мы должны сегодня занять город.

Подтянули пушки и пулеметы. Раздалась команда:

– В атаку!

Солдатам неохота идти: в голове шумит, ноги заплетаются. Но приказ есть приказ. «Надо поскорей отделаться», – думают солдаты и, не пригибаясь, идут по открытому месту, потом бегут к последней перед городом линии укреплений.

И тут вдруг загрохотали пушки, застрекотали пулеметы, посыпался град пуль и... засвистели стрелы.

А в довершение всего воздух прорезал нечеловеческий вопль, оглушительно забили барабаны, затрещали трещотки, задудели дудки. Необычайный концерт гремел с нарастающей силой.

На гребнях траншей, как из-под земли, выросли черные воины. Росточка вроде небольшого или только издали так кажется? Как будто немного их, но у подвыпивших солдат в глазах двоится и кажется им: на них надвигается целая рать.

А тут, оглушенные выстрелами, из раскаленных клеток выскочили разъяренные львы и тигры и огромными скачками ринулись на врага. Сто убитых не произвели бы такого впечатления, как один, растерзанный тигром. Смерть от пули на войне – дело обычное, а такого еще никто не видывал. Словно клыки дикого зверя страшней стальной пули.

Началась кутерьма. Одни, обезумев от страха, побросали оружие и побежали прямо на колючую проволоку. Другие повернули назад, но их встретили пулеметными очередями.

Думая, что они в окружении, солдаты падали на землю или поднимали руки вверх.

Конница, которая должна была поддержать атаку, на полном скаку налетела на собственные пулеметы, топча всех и разгоняя.

Дым коромыслом. Пыль столбом. Неразбериха. Кавардак. Проходит час, второй...

Впоследствии историки, как водится, описывали это сражение каждый по-своему, но все сходились в одном – такой страшной битвы свет не видывал.

– Эх, хоть бы часика на два хватило еще пороха и пуль! – Военный министр чуть не плакал.

Но пороха и пуль не было.

– Конница, вперед! – скомандовал Матиуш и вскочил на белого коня.

Расчет был верный – воспользоваться паникой и гнать, гнать неприятеля подальше от столицы, чтобы он не узнал, не догадался, что не войско Бум-Друма, а жалкая горстка негритят да десятка два диких зверей обеспечили Матиушу победу.

Уже сидя в седле, бросил он последний взгляд на столицу и. обмер.

Нет, не может быть. Это недоразумение. Ему просто померещилось.

Но, увы, это была правда.

На городских башнях развевались белые флаги. Столица сдавалась.

В столицу помчались гонцы с приказом:

«Немедленно сорвать эти белые тряпки, а трусов и предателей к стенке!»

Но было уже поздно.

Враги заметив белые полотнища позора и неволи, оторопели от неожиданности, но растерянность длилась лишь один миг. В бою страх, надежда, отчаяние, жажда мести быстро сменяют друг друга.

Солдаты, точно протрезвев, протирают глаза. Что это – сон или явь? Пушки Матиуша молчат, львы и тигры, с зияющими ранами, бездыханные, лежат на земле. Белые флаги в голубом небе означают, что город сдается.

– Вперед! – скомандовал Молодой король, быстро смекнув, в чем дело.

– Вперед! – повторили офицеры.

Солдаты стали строиться, поднимать брошенные винтовки. Матиуш видит, что происходит, но сделать ничего не может. Белые флаги исчезли. Но что толку? Поздно. Неприятельские солдаты сомкнутыми рядами идут в атаку, перерезают колючую проволоку.

– Ваше величество... – дрожащим голосом произнес старый генерал.

Матиуш знал, что он хочет сказать. Белый как полотно, он соскочил с коня и, отчеканивая каждое слово, громко прокричал:

– Кто хочет погибнуть с честью – за мной!

Охотников нашлось немного: Фелек, Антек, Клу-Клу да десятка два солдат.

– Куда пойдём, ваше величество?

– В пустое здание, где стояли клетки со львами. Оно очень прочное. Там будем защищаться, как львы.

– Всем там не поместиться...

– Тем лучше, – прошептал Матиуш.

Поблизости стояло пять автомобилей. Матиуш и его сторонники сели в них, захватив подвернувшееся под руку оружие и патроны.

Когда автомобили тронулись, Матиуш обернулся и увидел: над лагерем реют белые флаги.

Как зло посмеялась над ним судьба! Теперь уже не мирные жители: беспомощные старики, женщины и дети, напуганные бомбежкой, – а солдаты и офицеры, струсив, сдаются на милость победителя.

– Хорошо, что меня нет среди них, – промолвил Матиуш. – Не плачь, Клу-Клу, мы

умрем героической смертью, и никто не посмеет сказать, что короли затевают войны, а солдаты расплачиваются за это своей жизнью.

Матиуш хотел одного: погибнуть, как подобает герою.

XLIX

Но и этому желанию Матиуша не суждено было осуществиться. Долгие часы унижений и страданий, годы неволи и одиночества уготовила ему жестокая судьба вместо героической смерти.

Армия сдалась в плен.

От государства Матиуша осталось только одно не занятое врагом, свободное пространство – клочок земли, где стояли клетки со львами.

Тщетно пытались захватить здание штурмом. Тщетно пытались вступить в переговоры. Стоило парламентарю сделать несколько шагов под защитой белого флага, как пуля разmozжила ему череп, а меткая стрела, пущенная Клу-Клу, пронзила сердце. Его погубил ненавистный белый флаг.

– Убил парламентаря!

– Нарушил международное право!

– Это преступление!

– Это возмутительно!

– Жители столицы ответят за преступление своего короля!

Но столица отреклась от Матиуша.

– Мы не признаем Матиуша своим королем, – заявили богачи.

Когда вражеские аэропланы сбросили на город бомбы, именитые, богатые горожане собрались на совет.

– Хватит терпеть выходки строптивого мальчишки! Довольно с нас тирании неразумного ребенка! Нам будет еще хуже, если он победит. Разве можно предугадать, что еще вздумается ему и его закадычному другу Фелеку?

– Все-таки он сделал много хорошего, – возражали сторонники Матиуша. – Его ошибки происходят от неопытности. Но у него доброе сердце и ясный ум, и несчастье послужит ему уроком.

Как знать, может, сторонники Матиуша одержали бы верх, но в эту минуту совсем близко разорвалась бомба и из зала заседаний повывлетали все стекла. Началась паника.

– Вывесить белые флаги! – закричал кто-то испуганным голосом.

Ни у кого не хватило мужества выступить против подлой измены.

Богачи вывесили белые флаги позора и отреклись от короля. «Отныне мы не отвечаем за поступки Матиуша», – заявили они.

А что было потом, уже известно.

– Пора кончать эту комедию! – крикнул Молодой король, теряя терпение. – Завоевали целое государство, а какой-то жалкий курятник одолеть не можем! Господин начальник артиллерии, приказываю дать по два залпа по обоим концам здания, а если этот упрямец не сдастся, разрушить логово злобного волчонка до основания!

– Есть! – рявкнул генерал.

– Ваше величество! Вы, кажется, забыли о нашем существовании? – раздался громкий голос Печального короля. – Здесь три армии и три короля.

– Верно, нас тут трое, – промямлил Молодой король и поджал губы. – Но права у нас неодинаковые. Я первый объявил войну и понес самые большие потери.

– И ваши солдаты первыми побежали с поля боя.

– Но я вовремя остановил их.

– Вы прекрасно знали: в случае необходимости мы придем вам на помощь.

Возразить было нечего.

Победа досталась Молодому королю дорогой ценой: половина солдат убита, или

тяжело ранена. Армия к дальнейшим боевым действиям непригодна. Значит, осторожность не помешает, не то новых врагов наживешь.

– Итак, что вы предлагаете? – кисло спросил он.

– Спешить некуда. И Матиуша опасаться тоже нечего. Оцепим зверинец и подождем: может, голод заставит его сдаться. А пока спокойно обсудим, как с ним поступить, когда мы возьмем его в плен.

– Я считаю, его надо без всякой жалости расстрелять.

– А я считаю, – спокойно, но твердо возразил Печальный король, – что потомки не простят нам, если хоть один волос упадет с головы этого отважного, несчастного ребенка.

– Суд истории справедлив! – истерически заорал Молодой король. – Тот, кто виновен в смерти и увечье стольких людей, не ребенок, а преступник!

Король-хитрец слушал и помалкивал. А спорщики наперед знали: будет так, как он захочет. Недаром его называли хитрецом.

«К чему дразнить черных королей – приятелей Матиуша? – думал король-хитрец. – Убивать Матиуша тоже ни к чему. Поселим его на необитаемом острове и пусть себе там живет. И волки будут сыты, и овцы целы.»

На том и порешили.

L

Договор гласил:

Пункт I. Взять короля Матиуша в плен живым.

Пункт II. Сослать короля Матиуша на необитаемый остров.

Из-за третьего пункта между Печальным королем и Молодым снова вспыхнул спор. Первый считал, что Матиушу надо предоставить право взять с собой на необитаемый остров десять человек по собственному выбору. Второй не соглашался.

– С Матиушем поедут три офицера и тридцать солдат – по одному офицеру и по десять солдат от каждого короля-победителя, – говорил он.

Два дня длился спор.

Наконец оба пошли на уступки.

– Ну хорошо, – согласился Молодой король, – пусть приедут к нему десять друзей, но не раньше чем через год. И потом, я требую, чтобы Матиушу всенародно объявили смертный приговор и помиловали только в последнюю минуту. Пусть народ полюбуется, как их Матиуш льет слезы и просит пощады. Пусть глупый народ, который позволял водить себя за нос несмышленому мальчишке, раз и навсегда поймет, что Матиуш не герой, а наглый и трусливый сопляк. Иначе через несколько лет народ может восстать и потребовать возвращения Матиуша. А он тогда будет старше и опаснее, чем сейчас.

– Перестаньте спорить! – вмешался король-хитрец. – Пока вы тут спорите, Матиуш с голоду умрет и все ваши соображения пропадут даром.

Печальный король уступил. И в договоре появилось еще два пункта:

Пункт III. Полевой суд приговорит Матиуша к расстрелу. Перед казнью три короля помилуют его.

Пункт IV. Первый год Матиуш проведет в одиночестве на необитаемом острове. Через год ему разрешается пригласить по собственному выбору десять человек, если таковые найдутся.

Потом приступили к обсуждению дальнейших пунктов: сколько городов и денег получит каждый из королей, какие права предоставить столице, как вольному городу, и так далее.

Заседание подходило уже к концу, когда доложили: какой-то человек требует, чтобы его допустили на военный совет по очень важному делу.

Оказалось, это был химик, изобретатель усыпляющего газа.

Он предложил напустить в зверинец газ. Обессиленный от голода и усталости Матиуш уснет, и его можно будет связать и заковать в кандалы.

– Если желаете, испытайте действие моего газа на животных, – услужливо предложил химик.

Принесли баллон, установили в полверсте от королевской конюшни и пустили струю жидкости, которая моментально испарилась. Конюшню словно туманом заволокло.

Через пять минут входят в конюшню и видят: лошади спят стоя, мальчишка-конюх, валявшийся на сене и от безделья ковырявший в носу, тоже спит как убитый. Его тормошили, стреляли над самым ухом из пистолета, а у него даже ресницы не дрогнули. Спустя час конюх и лошади проснулись.

Опыт удался на славу. И короли решили не терять времени и сегодня же захватить Матиуша.

Матиуш три дня ничего не ел, отдавая остатки пищи своим верным товарищам.

– Мы должны быть готовы обороняться целый месяц, – твердил он.

Матиуш надеялся: вдруг богатые горожане одумаются и прогонят неприятельские войска?

Поэтому, заметив поблизости каких-то штатских, он принял их за парламентаров и приказал не стрелять.

Но что это?

Дождь – не дождь? Холодная струя с силой ударила в окна. Несколько стекол треснуло, и помещение наполнилось не то туманом, не то дымом. Во рту – сладковатый вкус, в носу – удушливый запах. И не поймешь, приятно это или противно. «Измена!» – мелькнуло в голове у Матиуша, и он схватился за револьвер. Но руки были точно ватные. Он напряг зрение, стараясь разглядеть, что там, за пеленой тумана, но безуспешно.

– Огонь! – преодолевая слабость, кричит Матиуш и судорожно хватается ртом воздух. Но глаза сами слипаются. Револьвер выпадает из рук.

Матиуш нагибается, хочет его поднять, но силы покидают его, и он падает на пол.

Его охватывает безразличие. Он забывает, где он, и засыпает.

LI

Пробуждение было ужасно.

На руках и ногах – кандалы. Высоко, под самым потолком, – зарешеченное окошко. В тяжелой, окованной железом двери – маленькое круглое отверстие, в которое заглядывает тюремщик: следит за королем-узником.

Лежа с открытыми глазами, Матиуш старался припомнить, что случилось.

«Как быть?» – вертелось в голове.

Матиуш не принадлежал к числу людей, которые перед лицом трудностей опускают руки и предаются отчаянию. Нет, он никогда не терял присутствия духа и всегда старался найти выход из любого, самого безвыходного, положения.

Как быть? Но чтобы принять решение, надо знать, что произошло. А он не знает.

Матиуш лежал возле стены на охапке соломы, брошенной на пол. Он легонько постучал в стену. Может, отзовется кто-нибудь? Стукнул раз, другой – никакого ответа.

Где Клу-Клу? Что с Фелеком? Что происходит в столице?

В окованных железом дверях заскрежетал ключ, и в камеру вошли двое неприятельских солдат. Один остановился в дверях, другой поставил на пол рядом с подстилкой кружку молока и положил кусок хлеба. Матиуш безотчетным движением протянул руку, чтобы опрокинуть кружку. Но тут же одумался. Ведь от этого он все равно не станет свободным. А есть хочется, и силы ему еще понадобятся.

Матиуш сел и, с трудом двигая руками в тяжелых кандалах, потянулся за кружкой.

А солдат стоит и смотрит.

Матиуш съел хлеб, выпил молоко и говорит:

– Ну и скупые ваши короли! Разве одним куском хлеба насытишься? Я кормил их получше, когда они гостили у меня. И Старого короля, когда он был моим пленником, тоже угощал на славу. Меня содержат три короля, а дают всего-навсего одну кружечку молока да один кусок хлеба. – И Матиуш весело и непринужденно засмеялся.

Солдаты промолчали. Им строго-настрого запретили разговаривать с узником. Но, выйдя из камеры, они передали слова Матиуша тюремному надзирателю, а тот срочно позвонил по телефону, спрашивая, как поступить.

Часа не прошло, как Матиушу принесли три кружки молока и три куса хлеба.

– Это, пожалуй, многовато. Я не намерен объедать своих благодетелей. Их трое, и, чтобы никого не обидеть, возьму у каждого поровну, а лишний кусок хлеба и лишнюю кружку молока прошу забрать.

После еды Матиуша сморил сон. Он спал долго и, наверно, проспал бы еще дольше, если бы его не разбудил в полночь скрип отворяемой двери.

– «В 12 часов ночи состоится суд над бывшим королем Матиушем Реформатором», – прочел военный прокурор и показал Матиушу бумагу с печатями трех неприятельских королей. – Прошу встать!

– Передайте суду, чтобы с меня сняли кандалы. Они для меня слишком тяжелы и натирают ноги.

Матиуш это нарочно придумал. Просто ему хотелось предстать перед судом ловким и грациозным, как прежде, а не жалким узником в безобразных цепях, сковывающих движения.

И он настоял на своем: тяжелые кандалы заменили изящными золотыми цепочками.

С высоко поднятой головой, быстрым легким шагом вошел Матиуш в тот самый зал, где совсем недавно диктовал свои условия арестованному министру. С любопытством огляделся он по сторонам.

За длинным столом восседали генералы трех неприятельских армий. Короли занимали места в левой половине зала. Справа сидели какие-то личности во фраках и белых перчатках. Кто это? Они все время отворачивались, и он не мог разглядеть их лиц.

Обвинительный акт гласил:

Первое. Король Матиуш обратился с воззванием к детям всего мира, призывая их к бунту и непослушанию.

Второе. Король Матиуш хотел стать полновластным властелином мира.

Третье. Матиуш застрелил парламентаря, который направлялся к нему с белым флагом. Поскольку Матиуш тогда уже не был королем, его следует судить как обыкновенного преступника. А за это по закону вешают либо расстреливают.

Слово предоставляется обвиняемому.

– Что я обратился с воззванием ко всем детям – это ложь. Что я не был королем, когда застрелил парламентаря, – тоже ложь. А хотел ли я стать властелином мира, этого, кроме меня, никто не может знать.

– Хорошо! Прошу, господа, зачитать ваше постановление, – обратился председатель суда к личностям во фраках и белых перчатках.

Волей-неволей пришлось встать. Один толстяк с мертвенно-бледным лицом держит в трясущихся руках бумагу и дрожащим голосом читает:

– «Мы, нижеподписавшиеся, видя, что бомбы разрушают наши жилища, и желая спасти женщин и детей, отрекаемся от короля Матиуша Реформатора. Мы, именитые горожане, постановили на своем совете лишить Матиуша трона и короны. Дальше так продолжаться не может. Белые флаги означают, что город сдается. И с этой минуты войну ведет не наш

король, а простой мальчик Матиуш. Пускай он сам расплачивается за свои поступки, мы за него отвечать не желаем!»

Председатель суда протянул Матиушу бумагу:

– Подпишите, пожалуйста.

Матиуш взял ручку и, подумав немного, написал внизу:

С решением банды изменников и трусов, предавших родину, не согласен. Ибо я был королем и останусь им до самой смерти.

И громко прочел написанное вслух.

– Господа судьи! – обратился Матиуш к генералам. – Я требую, чтобы меня называли королем Матиушем, ибо я был королем и останусь им, пока жив. Иначе это будет не суд, а расправа с побежденным. Тогда позор вам! Это недостойно людей вообще, а тем более солдат. Или вы выполните мое требование, или я буду молчать.

Генералы удалились на совещание, а Матиуш стоит и насвистывает залихватскую солдатскую песенку.

Но вот генералы вернулись.

– Матиуш, признаешь ли ты, что обращался с воззванием к детям всего мира?

Молчание.

– Ваше величество, признаете ли вы, что обращались с воззванием к детям всего мира?

– Нет, не признаю. Никакого воззвания я не писал.

– Вызвать свидетеля, – распорядился судья.

В зал вошел шпион-журналист, Матиуша передернуло, но внешне он остался спокоен.

– Слово предоставляется свидетелю, – объявил судья.

– Я утверждаю, что Матиуш хотел стать королем всех детей.

– Это правда? – строго спросил судья.

– Правда, – прозвучало в ответ. – Да, я хотел этого. И мне бы это удалось. Но подпись под воззванием фальшивая, и подделал ее вот этот шпион. Да, я хочу быть королем всех детей.

Судьи стали разглядывать подпись Матиуша. Покачивают головами, вертят бумагу и так и этак, корчат из себя знатоков.

Но теперь это уже не имело значения. Ведь Матиуш во всем признался.

Прокурор произнес длинную обвинительную речь и закончил ее такими словами:

– Надо приговорить Матиуша к смерти. Иначе на земле не будет порядка и покоя.

– Желает ли ты сказать что-нибудь в свое оправдание?

Молчание.

– Желаете ли вы, ваше величество, сказать что-либо в свое оправдание? – повторил судья вопрос.

– Нет, – последовал ответ. – Незачем терять понапрасну время. Час поздний. Пора спать, – произнес Матиуш беспечным тоном. По его лицу нельзя было отгадать, что творится у него в душе. Он решил быть стойким до конца и не ронять своего королевского достоинства.

Судьи удалились в соседнюю комнату, будто на совещание, но тут же вышли и объявили приговор:

– Расстрелять!

– Подпиши! – обратился председатель суда к Матиушу.

Тот не шевельнулся.

– Ваше величество, подпишите!

Матиуш подписал.

Тут один из господ во фраке и белых перчатках бросился ему в ноги и, всхлипывая, запричитал:

– Всемиловитый король, прости меня, подлого изменника! Я только сейчас понял, что

мы натворили. Если бы не наша преступная трусость, не они, а ты судил бы их, как победитель...

Солдаты с трудом оттащили его от короля. После драки, как говорится, кулаками не машут.

– Спокойной ночи, господа судьи! – сказал Матиуш и с истинно королевским величием покинул зал.

По коридору и тюремному двору направился Матиуш в свою камеру в сопровождении двадцати солдат с саблями наголо.

Он прилег на соломенную подстилку и притворился спящим. О чем он думал и что чувствовал в ночь перед казнью, пусть останется тайной.

ЛП

Идет Матиуш посреди улицы, на руках и ногах поблескивают золотые цепочки. Вдоль тротуаров стеной стоят солдаты, а за ними теснятся народ.

День выдался погожий. На безоблачном небе сияло солнце. Жители столицы высыпали на улицы, чтобы в последний раз посмотреть на своего короля. Многие плакали, но Матиуш не видел слез, а если бы видел, легче было бы идти на казнь.

Те, кто любили и жалели Матиуша, молчали. Они не решались в присутствии врага высказать вслух свою преданность и уважение бывшему королю. Да и что могли они сказать? Кричать, как всегда: «Ура!» и «Да здравствует!» не годилось – ведь короля вели на казнь.

Зато пьяницы и бродяги, которых Молодой король нарочно напоил вином и водкой из королевских подвалов, орали во всю глотку:

– Ой, гляньте, король идет! От горшка два вершка! Ну и король! Ха-ха-ха! Что, слезки проливаешь? Иди, носик тебе утрет. Эх, король, королек!..

А Матиуш шагал с высоко поднятой головой: пусть все видят, что глаза у него сухие. Только брови сдвинул и глядел на солнышко.

Он не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Его одолевали другие заботы: «Что с Клу-Клу? Где Фелек? Почему Печальный король предал его? Что станет с его государством?»

И про отца с матерью подумал в последний раз. Город остался позади. Вот он и у столба, возле вырытой ямы. В лице – ни кровинки. Хладнокровно смотрит он, как взвод солдат заряжает ружья и целится в него.

Так же спокойно и хладнокровно выслушал он акт о помиловании:

ЗАМЕНИТЬ РАССТРЕЛ ССЫЛКОЙ НА НЕОБИТАЕМЫЙ ОСТРОВ

Подъехал автомобиль и отвез Матиуша обратно в тюрьму. Через неделю его отправят на необитаемый остров.